

18+

КАССАНДРА КЛЭР

Лорд Теней

ТЕМНЫЕ ИСКУССТВА

КНИГА II

THE NEW YORK TIMES BESTSELLER

Тёмные искусства

Кассандра Клэр

**Лорд Теней**

«АСТ»

2017

УДК 821.111(73)  
ББК 84(7 Сое)

**Клэр К.**

Лорд Теней / К. Клэр — «АСТ», 2017 — (Тёмные искусства)

ISBN 978-5-17-101360-8

Эмма Карстэйрс наконец сумела отомстить за гибель родителей. Она думала, что после этого ей станет легче, но ее надежды не сбылись. Ее жизнь усложняется еще и тем, что ей приходится разрываться между своими чувствами к своему парабатаю Джулиану и стремлением защитить его от страшных последствий, которыми грозит любовная связь между парабатами. Хрупкое перемирие между Сумеречными охотниками и обитателями Нижнего мира вот-вот нарушится. Король Неблагого Двора не собирается больше подчиняться требованиям Сумеречных Охотников. Эмма, Джулиан и Марк ищут способ защитить все, что им дорого. Пока это еще можно сделать...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7 Сое)

ISBN 978-5-17-101360-8

© Клэр К., 2017  
© АСТ, 2017

# Содержание

|                                   |     |
|-----------------------------------|-----|
| Часть первая                      | 6   |
| 1                                 | 7   |
| 2                                 | 17  |
| 3                                 | 28  |
| 4                                 | 41  |
| 5                                 | 51  |
| 6                                 | 58  |
| 7                                 | 72  |
| 8                                 | 84  |
| 9                                 | 99  |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 101 |



# Кассандра Клэр

## Темные искусства

### Книга II

## Лорд Теней

*Посвящается Джиму Хиллу*

*«То боль и скорбь во мне», – так молвил я.  
Господь в ответ: «Храни их, не тая,  
Мой Свет в тебя сквозь рану изольется»<sup>1</sup>.*

*Джалал ад-Дин Руми<sup>2</sup>*

Copyright © 2017 by Cassandra Clare, LLC

Jacket design by Russell Gordon

Jacket photo-illustration copyright © 2017 by Cliff Nielsen

© М. Моррис, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2018

\* \* \*

## Часть первая

### Страна грез

#### СТРАНА ГРЕЗ

*Тайною дорогой трудной,  
Мучим адом беспробудно,  
Где двойник мой, Эйдолон,  
Занял Ночи черный трон —  
В эти земли, что едва ли  
Сумрак бездны покидали,  
Я явился – в дикий сон  
Без границ и без времен.*

*Бездонные доли, моря бесконечные,  
Пещеры, расселины, чащи предвечные:  
От смертного взора укрытое чудо  
Росой, чья завеса простерлась повсюду.  
И горы глядятся в безбрежные воды,  
Чью суша вовек не стесняла свободу,  
Чьи волны упорно главы воздымают  
Туда, где огонь небеса опаляет.  
Бескрайних озер, где и дна не сыскать,  
Так одинока и мертвенна гладь,  
Так безмятежна и так холодна —  
Лилии снежной белее она.*

*Там, в краю озер бескрайних,  
Одиноких вод печальных,  
Мертвенных и безмятежных,  
Как бутоны лилий снежных,  
Где приречные утесы  
Шепчут вечно, безголосо,  
В серой чаще, в топи сонной,  
Царстве жабы и тритона,  
Под скалою – там, где омут  
Для чудовища стал домом —  
И везде, где скорбь и страх  
Окружают мрачный прах —*

*Там увидит странник праздный  
Память в саванах ужасных,  
Тени, что с печальным стоном  
Проплывают обреченно —  
Призраки родных и милых,  
Взятых Небом и могилой.*

*Чьим утратам несть числа —  
Там ему не ведать зла!  
Дух, что тенью осенен —  
Там найдет блаженство он!  
Но скиталец, выйдя в путь,*

*Не посмеет заглянуть  
Недостойным плотским оком  
Под покров, хранимый роком.  
Так велел Владыка здеиный,  
Смежив веки смертных грешных;  
Лишь сквозь темное стекло  
К скорбным знанье снизошло.*

*И дорогой тайной, трудной,  
Мучим адом беспробудно,  
Из земель, где Эйдолон  
Занял Ночи черный трон —  
Под свой кров я возвратился,  
С бездной сумрачной простился.*

*Эдгар Аллан По*

## 1

### Мертвенна гладь

Кит только недавно выяснил, что такое цеп, а теперь целая связка цепов болталась у него над головой, сверкающая, острая и смертельно опасная.

Никогда прежде он не видел ничего, хотя бы отдаленно похожего на оружейную в Институте Лос-Анджелеса. Стены и полы были облицованы серебристо-белым гранитом, а по всему залу через равные промежутки возвышались гранитные островки, придавая всему помещению сходство с выставкой оружия и доспехов. Тут были шесты и булавы; хитроумно устроенные трости, ожерелья, ботинки и пуховики, в которых скрывались узкие и плоские, метательные и колющие клинки; сюрикены, сплошь покрытые жуткими шипами, и арбалеты всех видов и размеров.

Гранитные островки были завалены сияющими орудиями, выточенными из адаманта: похожего на горный хрусталь материала, который Сумеречные охотники добывали в шахтах, и который они одни умели превращать в мечи, кинжалы и стила. Но Кита гораздо больше заинтересовала полка с кинжалами.

Не то чтобы Кит питал особое желание научиться драться на кинжалах – ничего такого, что выходило бы за рамки обычного подросткового интереса к боевому оружию, да и то, тогда бы он скорее выбрал автомат или огнемёт. Но кинжалы сами по себе были произведениями искусства, с золотыми рукоятками, инкрустированными драгоценными камнями – голубыми сапфирами, рубиновыми кабошонами, свивавшимися в сверкающий узор платиновыми шипами, выложенными черными алмазами.

Кит мог навскидку назвать как минимум троих на Сумеречном базаре, кто отвалил бы за эти кинжалы хорошие деньги, не задавая лишних вопросов.

Может, и четверых.

Кит сбросил джинсовую куртку. Он понятия не имел, кому из Блэкторнов она раньше принадлежала, просто на следующее утро после того, как он попал в Институт, он обнаружил в ногах кровати стопку свежевystиранной одежды – и натянул куртку. Он вдруг увидел себя в зеркале в дальнем конце зала: неровно подстриженные светлые волосы, синяки постепенно сходят с бледной кожи. Кит расстегнул внутренний карман куртки и принялся запихивать туда кинжалы в ножнах, выбирая те, у которых были самые затейливые рукоятки.

Дверь оружейной распахнулась. Кит уронил кинжал, который держал в руках, обратно на полку и поспешно обернулся. Он-то думал, что выскользнул из спальни незамеченным – но если Кит что и понял за недолгое время своего пребывания в Институте, так это то, что Джулиан Блэкторн замечал абсолютно все, а братья и сестры от него не слишком отставали.

Но в дверях стоял не Джулиан. Это оказался молодой человек, которого Кит никогда прежде не видел, хоть что-то в нем и казалось знакомым. Незнакомец был высоким, с волнистыми светлыми волосами, и сложен как Сумеречный охотник – широкие плечи, мускулистые руки. Из-под ворота и манжет рубашки выглядывают черные линии защитных рун.

Глаза у него были редкого цвета – темно-золотые, а на пальце, как и у многих Сумеречных охотников, Кит увидел тяжелый серебряный перстень.

Молодой человек поднял бровь и уставился на Кита.

– Любитель оружия, да? – спросил он.

– Оно тут неплохое. – Кит чуть попятился к одному из столов, надеясь, что кинжалы во внутреннем кармане не забренчат.

Гость прошагал к полке, которую обчищал Кит, и поднял упавший кинжал.

– Хороший ты выбрал, – сказал он. – Заметил клеймо на рукояти?

Кит не заметил.

– Его выковал один из потомков Велунда Кузнеца, создателя Дюрендаля и Кортаны. – Незнакомец покрутил кинжал в пальцах, прежде чем вернуть обратно на полку. – С Кортаной, конечно, и близко не сравнится, но кинжалы вроде этого всегда возвращаются в руку после того, как их метнешь. Удобно.

Кит прочистил горло.

– Наверное, дорого стоит, – сказал он.

– Не думаю, что Блэкторны ищут покупателей, – сухо заметил незнакомец. – Кстати, я Джейс. Джейс Эрондейл.

Он сделал паузу, словно ожидая ответной реакции, но Кит не собирался ему помогать. Фамилия «Эрондейл» была ему знакома, да еще как. Казалось, за последние две недели никто ему других слов вообще не говорил. Но это не значило, что Кит был намерен позволить незнакомцу – Джейсу – получить удовлетворение, которого тот явно искал.

Но, похоже, молчание Кита не произвело на Джейса никакого впечатления.

– А ты – Кристофер Эрондейл.

– Откуда ты знаешь? – сухо и без энтузиазма отозвался Кит. Фамилию Эрондейл он ненавидел. Ненавидел само *слово*.

– Семейное сходство, – сказал Джейс. – Мы похожи. Ты похож на портреты кучи Эрондейлов, которые я видел. – Он помолчал и добавил: – А еще Эмма скинула мне на мобильник твою фотографию.

Эмма. Эмма Карстерс спасла Киту жизнь. Хотя с тех пор они не очень много разговаривали. После смерти Малкольма Фейда, верховного колдуна Лос-Анджелеса, все полетело вверх тормашками. Никто не считал Кита важной персоной, и к тому же, ему казалось, что для Эммы он всего лишь ребенок.

– Отлично. Я Кит Эрондейл. Люди постоянно мне об этом говорят, но для меня это ничего не значит. – Кит стиснул зубы. – Я Грач. Кит Грач.

– Я знаю, что тебе сказал твой отец. Но ты Эрондейл. И это что-то да значит.

– Что? Что это значит? – требовательно спросил Кит.

Джейс прислонился к стене оружейной – как раз под витриной с тяжелыми клейморами. Кит понадеялся, что какой-нибудь из них сорвется ему на голову.

– Знаю, что ты в курсе начет Сумеречных охотников, – сказал он. – Многие в курсе, особенно обитатели Нижнего мира и простецы, наделенные Зрением. Таким ты себя и считал, верно?



– Я никогда не считал себя *простецом*, – сказал Кит. Сумеречные охотники что, не понимают, как это слово звучит?

Впрочем, Джейс не обратил на него ни малейшего внимания.

– Общество и история Сумеречных охотников – вот об этом большинство людей, не являющихся нефилимами, не знает. Мир Сумеречных охотников делится на семьи, каждая из которых с честью хранит свое имя. Историю каждого рода мы передаем из поколения в поколение. Мы несем славу и бремя своих имен, добрые и злые деяния, совершенные нашими предками, через всю свою жизнь. Мы пытаемся оставаться достойными своего имени, чтобы тем, кто придет после нас, досталось не такое тяжелое бремя.

Он скрестил руки на груди. Его запястья были покрыты рунами; на тыльной стороне левой ладони Кит увидел руну, похожую на открытый глаз. Он заметил, что такую вроде бы носили все Сумеречные охотники.

– Для Сумеречных охотников твоя фамилия несет глубокий смысл. Род Эрондейлов не одно поколение вершил их судьбы. Нас не так-то много осталось – на самом деле, все думали, что я последний. Что на свете есть *ты*, верили только Джем и Тесса. Они долго тебя искали.

Джем и Тесса. Они вместе с Эммой помогли Киту спастись от демонов, убивших его отца. И рассказали ему историю Эрондейла, который предал друзей, бежал и начал новую жизнь вдали от других нефилимов. Новую жизнь и новую ветвь рода.

– Я слышал о Тобиасе Эрондейле, – сказал он. – Так я, выходит, потомок жалкого труса.

– Люди несовершенны, – ответил Джейс. – Не все твои родственники окажутся чудесными. Но когда в следующий раз увидишься с Тессой, а ты увидишься, она тебе расскажет про Уилла Эрондейла. И Джеймса Эрондейла. И, конечно, про меня, – скромно прибавил он. – Для Сумеречных охотников я типа большая шишка. Не то чтобы я давил на тебя авторитетом...

– Особо подавленным я себя не чувствую, – сказал Кит, втайне изумляясь – неужели этот парень в самом деле такой? В глазах Джейса плясала искорка, намекавшая, что, может, он и сам не принимает свои слова всерьез, но утверждать наверняка было трудно. – Зато чувствую, что хорошо бы меня оставили в покое.

– Знаю, не так-то просто все это переварить, – сказал Джейс. Он потянулся, чтобы похлопать Кита по спине. – Но мы с Клэри будем тут столько времени, сколько тебе это понадобится...

Похлопывание по спине сдвинуло в кармане Кита один из кинжалов. Тот с лязгом вывалился на пол и теперь лежал между ними, подмигивая, как обвиняющий глаз.

– Так, – нарушил Джейс воцарившуюся тишину. – Ты, значит, оружие тыришь.

Кит, хорошо знавший, что отрицать очевидное бессмысленно, промолчал.

– Ну ладно, смотри, я в курсе, что твой папаша был жуликом, но ты-то теперь Сумеречный охотник, и... Стоп, погоди, что там еще в этой куртке? – спросил Джейс.левой ногой он как-то хитро пнул кинжал – так, что тот взлетел в воздух. Джейс ловко поймал оружие на лету. Рубины на рукояти бросали отблески во все стороны. – Снимай ее.

Кит молча скинул куртку и бросил на стол. Джейс перевернул ее и открыл внутренний карман. Оба молча уставились на сияние клинков и драгоценных камней.

– Значит, – сказал Джейс, – ты собирался сбежать, я правильно понимаю?

– А какой смысл оставаться? – взорвался Кит. Он знал, что делать этого не следует, но сдержаться не мог. Слишком много на него навалилось: гибель отца, требования Охотников принять фамилию, на которую Киту было плевать, и он предпочел бы, чтобы так оно и оставалось. – Мне тут не место. Можешь сколько угодно распинаться насчет моей фамилии, для меня она ничего не значит. Я сын Джонни Грача. Меня всю жизнь учили быть как отец, не как *вы*. Вы мне не нужны. Никто из вас не нужен. Все, что мне нужно, так это начальный капитал, и я смогу открыть палатку на Сумеречном базаре.

Золотые глаза Джейса сузились, и Кит впервые увидел под высокомерной, насмешливой маской проблеск острого ума.

– И чем ты будешь торговать? Твой отец торговал информацией. Чтобы обзавестись связями, ему понадобились годы и много скверного колдовства. Собираешься продать душу, чтобы потом перебиваться с хлеба на воду на задворках Нижнего мира? А как насчет тех, кто убил твоего отца? Ты же видел, как он умер, так?

– Демоны...

– Ага. И ведь их кто-то послал. Хранитель, может, и мертв, но это не значит, что тебя никто не ищет. Тебе всего пятнадцать. Может, ты и думаешь, что хочешь умереть, но поверь мне – ты не хочешь.

Кит сглотнул. Он попытался представить себе, как стоит за прилавком в палатке на Сумеречном базаре – как представлял себе все последние дни. Но, по правде говоря, на базаре ему никогда ничего не грозило только благодаря отцу. Люди боялись Джонни Грача. Что там с ним сделают без отцовской защиты?

– Но я же не Сумеречный охотник, – сказал Кит. Он обвел зал взглядом: миллионы оружий убийства, груды адаманта, доспехи, снаряжение, оружейные ремни... Это как-то слишком, он же не ниндзя. – Я понятия не имею даже с чего начать.

– Подожди еще неделю, – сказал Джейс. – Всего неделя тут, в Институте. Дай себе шанс. Эмма рассказала, как ты бился с демонами, которые убили твоего отца. На такое способен только Сумеречный охотник.

Кит почти не помнил, как дрался с демонами в родительском доме, но знал, что он действительно это сделал. Тело действовало как будто само, и он сражался. И даже, как ни странно, втайне и совсем чуть-чуть наслаждался этим.

– Это твоя суть, – сказал Джейс. – Ты Сумеречный охотник, на какую-то долю ангел. В твоих венах – кровь ангелов. Ты Эрондейл. Что, к слову, означает, что ты из семьи не только потрясающих красавцев, но и владельцев *немалого* имущества, включая дом в Лондоне и особняк в Идрисе, на часть которого ты, скорее всего, имеешь право. Ну, знаешь, вдруг это тебя заинтересует.

Кит поглядел на перстень на левой руке Джейса. Тот был из чистого серебра, тяжелый и на вид старинный. И ценный.

– Заинтересовало.

– Все, что я хочу сказать: подожди еще неделю. В конце концов, – усмехнулся Джейс, – Эрондейл просто не может устоять перед вызовом.

– Головоногий демон? – нахмутив брови, проговорил Джулиан в телефонную трубку. – Это же, по сути, кальмар, так?

Ответа Эмма не расслышала: она узнала голос Тая, но не разобрала слов.

– Да, мы у пирса, – продолжал Джулиан. – Пока ничего не видели, но мы только что прибыли. Какая жалость, что парковок для Сумеречных охотников тут не предусмотрено...

Слушая Джулиана вполуха, Эмма огляделась. Солнце только-только зашло. Пирс Санта-Моника всегда ей нравился – с раннего детства, когда родители брали ее сюда играть в воздушный хоккей и кататься на старомодной карусели с лошадками. Эмма обожала дешевый фастфуд – бургеры и молочные коктейли, жареных устриц и гигантские спиральные леденцы – и «Пасифик-Парк», старенький парк развлечений на самом конце пирса, с видом на Тихий океан.

Простецы вложили не один миллион долларов в то, чтобы с годами пирс превратился в туристическую достопримечательность. «Пасифик-Парк» был полон блестящих новеньких аттракционов; от прежних вагончиков с чуррос не осталось и следа, вместо них предлагали мороженое ручной работы и лобстеров на тарелках. Но доски у Эммы под ногами были, как прежде, покореблены и истерты, пропитаны солнцем и солью. И здесь по-прежнему пахло сахаром и водорослями. Карусель все так же расплескивала вокруг механическую музыку. Никуда

не делись автоматы, куда можно бросить монетку и получить шанс выиграть гигантскую плюшевую панду. И под причалом все еще было полно темных мест, где бесцельно собирались простецы. А порой творилось и кое-что более зловещее.

Вот в чем вся суть жизни Сумеречного охотника, подумала Эмма, глядя на большое колесо обозрения, украшенное сияющими электрическими гирляндами. Очередь желающих залезть на него простецов вилась вниз по пирсу; за ограждениями мелькало темно-синее море, с белыми барашками там, где волны разбивались о пирс. Сумеречные охотники видели в творениях простецов красоту – огни колеса обозрения отражались в океанской воде так ярко, что казалось, будто под водой кто-то пускает фейерверки: красные, синие, зеленые, лиловые и золотые – но они видели и тьму, и опасность, и гниль.

– Что случилось? – спросил Джулиан. Он уже успел убрать телефон в карман доспехов. Ветер – на пирсе всегда был ветер, без усталости дувший с океана, приносивший аромат соли и дальних стран – взъерошил мягкие волны его каштановых волос, заставил их коснуться его щек и висков поцелуем.

*Темные мысли*, хотела сказать Эмма. Но не могла. Когда-то Джулиан был человеком, которому она могла рассказать абсолютно все. Теперь он был единственным, кому она не могла доверить вообще ничего.

Она отвела глаза.

– Где Марк с Кристиной?

– Вон там, – показал он, – у метательного тира.

Эмма проследила за его взглядом до ярко раскрашенной стойки, где люди соревновались, кто сможет набросить пластиковое кольцо на горлышко одной из дюжины выстроенных в ряд бутылок. Она постаралась подавить в себе чувство превосходства: кажется, простецы находили эту задачу непростой.

Сводный брат Джулиана, Марк, держал три пластиковых кольца. Кристина, с собранными в аккуратный пучок темными волосами, стояла рядом с ним и, смеясь, ела карамельный попкорн. Марк метнул кольца: все три разом. Все они ушли по спирали в разных направлениях – и наделись на бутылочные горлышки.

– Конспирация на высоте, – вздохнул Джулиан.

Простецы у тира разразились криками восторга и недоверия. К счастью, их было немного, и Марк смог забрать приз – что-то в полиэтиленовом пакете – и без особой суеты ретироваться.

Вместе с Кристиной он двинулся обратно к ним. Кончики острых ушей проглядывали сквозь его светлые кудри, но он наложил на себя гламор, защитные чары, чтобы простецы их не замечали. Марк был наполовину фэйри, и кровь Нижнего мира проявлялась в его тонких чертах, кончиках ушей, миндалевидных глазах и угловатых скулах.

– Так это демон-кальмар? – уточнила Эмма, главным образом для того, чтобы заполнить тишину, воцарившуюся между ней и Джулианом. В последние дни это случалось все чаще. Прошло всего две недели с тех пор, как с прошлым было покончено, но Эмма уже успела до мозга костей почувствовать, как все переменялось. Джулиан отдалился от нее, хотя с тех пор, как она сказала ему о них с Марком, он был подчеркнуто вежлив и доброжелателен.

– Похоже на то, – сказал Джулиан. Марк и Кристина успели подойти на расстояние оклика. Кристина, почти прикончив свой карамельный попкорн, грустно заглянула в пакет, словно надеялась, что там вдруг появится добавка (Эмма очень ее понимала), а Марк не сводил глаз со своего выигрыша. – Залезает сбоку на пирс и хватается народ – в основном детей, ну и тех, кто ночью облокотится на перила, чтобы сделать хороший кадр. Впрочем, в последнее время он осмелел. Кто-то, кажется, заметил его в игровой зоне у настольного хокке... это что, *золотая рыбка*?

Марк поднял пакет. Внутри плавала кругами маленькая оранжевая рыбка.

– Сегодня лучший из всех наших патрулей, – заявил он. – Еще никогда я не получал рыбу в награду.

Эмма вздохнула про себя. Последние несколько лет Марк провел в Дикой Охоте, среди самых диких и непокорных фэйри. Они носились по небу верхом на всевозможных зачарованных созданиях – на мотоциклах, конях, оленях, огромных рычащих псах – и мародерствовали на полях сражений, обирая мертвые тела и принося дань ко Дворам Фэйри.

Марк пока неплохо справлялся с возвращением в лоно своей семьи – Сумеречных охотников, но порой еще казалось, что обычная жизнь застаёт его врасплох. От него не укрылось, как все смотрят на него. Насторожившись, он нерешительно обнял Эмму за плечи, а другой рукой протянул ей пакетик.

– Я выиграл для тебя рыбу, красавица моя, – сказал он и поцеловал ее в щеку.

Это был чудесный поцелуй, мягкий и нежный, и Марк пах как всегда: как холодный воздух за окном и молодая зелень. Абсолютно логично, подумала Эмма, Марк решил – все, видимо, ждут, что он отдаст свой выигрыш ей. В конце концов, она же его девушка.

Эмма встревоженно переглянулась с Кристиной, чьи темные глаза стали совсем огромными. Джулиан выглядел так, словно его вот-вот вырвет кровью. Это выражение промелькнуло у него на лице лишь на краткий миг, а потом он снова напустил на себя равнодушный вид, но Эмма поспешила с извиняющейся улыбкой отстраниться от Марка.

– Рыбка у меня не выживет, – сказала она. – Да мне даже на цветок в горшке посмотреть достаточно, чтоб он завял.

– Полагаю, у меня возникла бы та же проблема, – заявил Марк, не сводя с рыбки глаз. – Какая жалость! Я хотел назвать его Магнусом, потому что у него чешуйки блестят.

Кристина хихикнула. Магнус Бейн был верховным колдуном Бруклина и питал слабость ко всему блестящему.

– Полагаю, лучше отпустить его на волю, – провозгласил Марк. Прежде, чем кто-либо успел что-то сказать, он подошел к перилам и вытряхнул пакетик в море.

– Никто не хочет ему сказать, что золотые рыбки пресноводные и в океане не живут? – тихо спросил Джулиан.

– Не горю желанием, – сказала Кристина.

– Он что, только что убил Магнуса? – спросила Эмма, но прежде, чем Джулиан успел ответить, Марк резко развернулся к ним.

На его лице больше не было ни следа веселья.

– Я только что видел, как что-то взобралось по свае под пирсом. Что-то крайне *нечеловеческоподобное*.

Эмму пробрала легкая дрожь. Демоны, избравшие своим обиталищем океан, на суше показывались редко. Иногда ей снились кошмары о том, как океан выворачивается наизнанку и изрыгает на пляж свое содержимое: поросших шипами и щупальцами склизких почерневших тварей, полураздавленных толщей воды.

Секунду спустя Сумеречные охотники обнажили оружие – Эмма сжимала свой меч, Кортану, доставшийся ей от родителей золотой клинок. Джулиан вынул из ножен клинок серафимов, а Кристина – свой нож-бабочку.

– Куда оно направилось? – спросил Джулиан.

– К концу пирса, – сказал Марк; он единственный пока еще не потянулся за оружием, но Эмма знала, насколько он проворен. В Дикой Охоте его прозвали «эльфийской стрелой» – так быстр и точен он был что с луком и стрелами, что с метательным клинком. – К парку развлечений.

– Я туда, – сказала Эмма. – Постараюсь увести его от пирса. Марк, Кристина, вы – вниз и хватайте его, если попытается заползти обратно в воду.

Они едва успели кивнуть, и Эмма побежала со всех ног. Ветер трепал ее за косы, пока она пробиралась сквозь толпу к ярко освещенному парку на конце пирса. Кортана тепло и прочно лежала в руке, а ноги так и летели по покоробленным морем деревянным доскам. Эмма чувствовала себя свободной – тревоги отброшены, тело и разум сосредоточились на цели.

Она слышала позади себя шаги. Не нужно было оборачиваться, чтобы понять, что это Джулиан. Его шаги звучали у нее за спиной на протяжении всех тех лет, что она была боевым Сумеречным охотником. Когда проливалась ее кровь, проливалась и его. Он спасал жизнь ей, а она ему. Он был частью ее самой, когда она становилась воином.

– Там! – услышала она голос Джулиана, но уже и сама увидела темный, бугристый силуэт, карабкавшийся по опорам колеса обозрения. Вокруг продолжали кружиться вагончики, и ничего не подозревавшие пассажиры пищали от восторга.

Эмма добежала до колеса и принялась проталкиваться к нему сквозь толпу. Прежде, чем добраться до пирса, они с Джулианом наложили на себя руны гламора, так что простецы их не видели. Это, впрочем, вовсе не означало, что они не чувствовали присутствия Эммы и Джулиана. Все в очереди вопили и ругались, когда Эмма наступала им на ноги и толкалась локтями, пробираясь вперед.

Один из вагончиков, покачиваясь, прибыл вниз, и парочка – девушка, жевавшая сиреневую сладкую вату, и ее долговязый парень, весь в черном – как раз собиралась в него забраться. Подняв глаза, Эмма заметила тень движения – головоногий демон скользнул вверх и обвился вокруг опоры колеса. Выругавшись, Эмма оттолкнула парочку, едва не сбив их с ног, и запрыгнула в вагончик. Тот был восьмиугольный, с опоясывавшей его изнутри скамейкой, и свободного места, чтобы стоять, хватало. Пока вагончик поднимался, унося ее от хаоса, который она устроила внизу, до Эммы доносились вопли – парочка, которая хотела сесть в вагончик, орала на кассира, а люди, которые стояли за ними в очереди, орал друг на друга.

Вагончик качнулся – Джулиан, расшатав его, приземлился рядом с Эммой. Он запрокинул голову:

– Ты его видишь?

Эмма прищурилась. Демона она *видела*, она была в этом уверена, но сейчас он как будто исчез. С этой точки колеса обозрения казалось мешаниной ярких огней, вертящихся штырей и выкрашенных в белый цвет железных оградок. Два вагончика под ней и Джулианом были пусты; в очереди, должно быть, все еще пытались восстановить порядок.

*Отлично*, подумала Эмма. Чем меньше людей сядет на колесо, тем лучше.

– Стой, – она почувствовала, как Джулиан взял ее под руку – и повернул. Эмма напряглась всем телом. – Руны, – коротко сказал он, и Эмма поняла, что в свободной руке он держит стило.

Вагончик, в котором они стояли, продолжал идти вверх. Эмме был виден распростертый внизу пляж: темная вода, плещущая на песок, и вертикально вздымающиеся над шоссе холмы Палисадес-Парка, увенчанные полосой травы и деревьев.

Сквозь яркий свет огней пирса звезды сияли тускло – но все же сияли. Джулиан держал ее за руку не грубо и не нежно – но с какой-то врачебной отстраненностью. Он перевернул руку Эммы ладонью вверх и начал быстро чертить стилем по ее запястью, рисуя защитные руны, руны скорости, ловкости и обостренного слуха.

Ближе, чем сейчас, Эмма не подходила к Джулиану две недели. И от этого голова у нее пошла кругом, словно она была слегка навеселе. Джулиан наклонил голову, не отрывая глаз от того, что делал, и Эмма воспользовалась возможностью насмотреться на него.

Огни колеса теперь сияли янтарным и желтым; они словно осыпали золотом загорелую кожу Джулиана. Его шелковистые и волнистые волосы свободно ниспадали. Эмма знала, до чего мягкой была кожа в уголках его рта, и каково касаться его плеч – сильных, твердых и

полных жизни. Ресницы его были длинными и густыми, такими темными, как будто их чернили углем; казалось даже, что если Джулиан моргнет, с его ресниц посыплется сажа.

Он был прекрасен. Всегда был прекрасен, но заметила она это слишком поздно. И теперь стояла, опутив руки, с болью во всем теле потому, что не могла его коснуться. И никогда больше не сможет.

Он закончил рисовать руны, подал Эмме стило рукояткой вперед, и та молча взяла его. Джулиан оттянул в сторону воротник футболки под доспехами. Кожа там была на тон светлее загорелых лица и рук – в несколько слоев покрытая бледными метками рун, сила которых уже была исчерпана, и они истаяли.

Чтобы нанести на него метку, Эмме пришлось подойти на шаг ближе. Под кончиком стила расцветали руны ловкости и ночного зрения. Голова Эммы доставала Джулиану как раз до подбородка. Она смотрела прямо на его шею и видела, как он сглотнул.

– Просто скажи мне, что ты с ним счастлива, – проговорил он. – Что ты счастлива с Марком.

Эмма подняла голову. Она закончила рисовать руны, и Джулиан потянулся, чтобы забрать стило из ее руки. Впервые за время, показавшееся ей вечностью, Джулиан смотрел прямо на нее. Его глаза стали темно-синими, цвета ночного неба и моря – которые теперь, когда вагончик поднялся на самый верх, заслонили собой весь мир.

– Я счастлива, Джулс, – сказала она. Пусть будет еще одна ложь среди многих других... Эмма была не из тех, кому ложь давалась легко, но она постепенно училась. Оказалось, что она была вполне способна лгать, когда от этого зависит безопасность тех, кого она любит. – Это правильнее... и безопаснее для нас обоих.

Очертания его нежных губ стали жестче.

– Это не...

Эмма ахнула. За его спиной вздыбилось извивающееся чудовище. Его шкура переливалась, как нефтяная пленка. Оно обвило спицу колеса изодранными щупальцами. Демон разинул пасть – идеально круглую, с жуткими клыками.

– Джулс! – завопила она и, уцепившись на лету за один из узких железных штырей между спицами, выпрыгнула из вагончика. Повиснув на одной руке, Эмма наотмашь рубанула Кортаной и зацепила попятившегося кальмара. Демон испустил пронзительный вой, брызнул ихор. Эмма вскрикнула, когда, обжигая кожу, он плеснул ей на шею.

В круглое ребристое тело демона вонзился нож. Подтянувшись на штырь, Эмма посмотрела вниз и увидела, как Джулиан балансирует на бортике вагончика, второй нож – уже в руке. Он прицелился и метнул второй клинок...

Тот со звоном отколошметил от дна пустого вагончика. Демон-кальмар стремительно скрылся. Эмма слышала, как он карабкается вниз по перекрещенным металлическим балкам колеса.

Эмма убрала Кортану в ножны и поползла вниз – на дно колеса. Вокруг сияли золотые и лиловые гирлянды.

Руки, выпачканные кровью и ихором, скользили, спускаться было трудно. Вид, открывавшийся с колеса обозрения, тем не менее, был прекрасным: море и песок, куда ни кинь взгляд, как будто Эмма висела, уцепившись за край мира.

Она чувствовала привкус крови и соли во рту. Внизу она видела Джулиана, который тоже выбрался из вагончика и полз по штырю ниже того, на котором висела Эмма. Джулиан поднял на нее глаза и показал пальцем; Эмма проследила за его рукой и увидела кальмара почти у центра колеса.

Щупальца демона так и хлестали вокруг туши, молотя по оси колеса. Эмма чувствовала, как дрожь проходит через ее кости. Она запрокинула голову, пытаясь понять, что затеяло чудовище, и похолодела: в самом центре аттракциона находился огромный винт, удерживавший



колесо обозрения на опорах. Кальмар раскачивал винт, пытаясь выдернуть его. Если ему это удастся, вся конструкция сорвется с креплений и съедет с пирса, как сорвавшееся велосипедное колесо.

Эмма понимала, что тогда никто не выживет – ни пассажиры колеса, ни те, кто окажется рядом. Колесо рухнет под собственным весом и раздавит всех в лепешку. А чудовищу только того и было нужно, ведь демоны питаются разрушением и энергией смерти. Эту тварь ожидает настоящий пир.

Колесо обозрения качнулось. Кальмар крепко вцепился щупальцами в железный винт и крутил его из стороны в сторону. Эмма поползла вдвое быстрее, но она всё еще была слишком высоко. Джулиан был ближе к чудовищу, но она знала, что у него было только два ножа, которые он уже метнул, и клинки серафимов, длины которых ему не хватит, чтобы достать демона.

Джулиан посмотрел на нее и вытянулся вдоль железного штыря; обвил его левой рукой, чтобы не упасть, и вытянул правую с раскрытой ладонью.

Эмма тут же поняла, что он задумал. Она набрала побольше воздуха в грудь – и отпустила штырь.

Она рухнула вниз, к Джулиану, и, падая, тянулась к его руке. Их пальцы соприкоснулись, и сцепились, и Эмма услышала, как охнул Джулиан, приняв на себя ее вес. Эмма качнулась вперед и вниз, уцепившись за руку Джулиана, а свободной рукой выхватила Кортану из ножен. Инерция падения пронесла ее вперед и швырнула к центру колеса.

Кальмар поднял голову, и Эмма, которая летела прямо в нее, впервые увидела его глаза – овальные, затянутые зеркальной защитной пленкой. Казалось, они слегка расширились, как человеческие, когда Эмма взмахнула Кортаной. Пробив череп, она вонзила клинок прямо в мозг демона.

Соскальзывая с клинка, тварь в агонии молотила щупальцами и наконец рухнула вниз.

Эмме показалось, что где-то далеко внизу раздался всплеск. Но раздумывать об этом времени не было. Джулиан крепче стиснул ее руку и тянул вверх. Она сунула Кортану обратно в ножны, а он тащил ее все выше и выше – на штырь, на котором лежал сам, так что половиной тела Эмма неуклюже растянулась прямо на Джулиане.

Джулиан все еще не отпускал ее руку и тяжело дышал. Их взгляды встретились – всего на секунду. Колесо обозрения медленно кружилось, опуская их на землю. Эмма видела толпу на пляже, блеск воды у берега, и даже темную и светлую макушки, которые вполне могли принадлежать Марку и Кристине...

– Неплохо работаем в команде, – наконец изрек Джулиан.

– Знаю, – сказала Эмма, и она действительно знала. И это было хуже всего – Джулиан прав, они даже сейчас безупречны как *парабатыи*. Как боевые товарищи. Как идеально подобранная пара солдат, которым никогда, никогда в жизни не суждено разлучиться.

Марк и Кристина ждали их, стоя под пирсом. Марк снял обувь и по щиколотку вошел в океан. Кристина складывала нож-бабочку. Песок у ее ног был весь в постепенно подсыхающей слизи.

– Видели, как этот недокальмар свалился с колеса обозрения? – спросила Эмма, когда они с Джулианом подошли ближе.

Кристина кивнула.

– Рухнул на мелководье, но еще не сдох. Так что Марк оттащил его на берег, и мы его прикончили. – Она пнула песок. – Такая мерзость, и Марк весь в слизи перемазался.

– А я в ихоре, – сказала Эмма, оглядывая свои испачканные доспехи. – Грязная была работа.

– Но даже так ты очень красива, – с учтивой улыбкой заметил Марк.

Эмма улыбнулась в ответ – как смогла. Она была очень благодарна Марку, который подыгрывал ей, ни на что не жалуясь, хотя наверняка находил все это странным. По мнению Кристины, Марк тоже извлекал выгоду из их притворства, хотя Эмма не могла даже предположить, какую. Не похоже было, чтобы Марку нравилось врать – он провел так много времени среди фэйри, неспособных лгать, что теперь любая ложь казалась ему противоестественной.

Джулиан отошел от них на шаг и теперь снова негромко говорил по телефону. Марк с плеском выбрался из воды и сунул мокрые ноги в ботинки. Ни на нем, ни на Кристине сейчас не было полного гламора, и Эмма заметила пристальные взгляды прохожих: Марк был высоким и очень красивым, и его глаза сияли ярче огней на колесе обозрения. Один его глаз был голубой, а другой – золотой.

А еще потому что в нем было нечто неуловимо странное: шлейф дикости, свойственной стране фэйри, который неизменно напоминал Эмме о не знавших плуга бескрайних просторах, о свободе и беззаконии. *Я потерянное дитя*, словно говорили его глаза. *Отыщи меня*.

Он потянулся к Эмме и заправил ей за ухо выбившуюся прядь. Эмму захлестнула волна чувств: грусть и восторг, и тоска по чему-то – хотя по чему именно, она и сама не знала.

– Звонила Диана, – сказал Джулиан. Даже не глядя на него, Эмма представила себе его лицо, когда он это говорил – серьезность, вдумчивость, тщательный анализ ситуации, какой бы та ни была. – Прибыли Джейс и Клэри с посланием от Консула. Они созвали в Институте собрание, и хотят видеть нас там. Прямо сейчас.

## 2

### Моря бесконечные

Все четверо прошли прямо в библиотеку, не задержавшись даже, чтобы снять доспехи. Только когда они ворвались в комнату, и Эмма поняла, что они с Марком, Кристиной и Джулианом с ног до головы покрыты липким ихором, она задумалась, не лучше ли было все-таки принять душ.

Пробитую две недели назад крышу библиотеки наскоро подлатали: витражный люк заменили простым, со стеклом, защищенным чарами. Искусно украшенный потолок теперь был спрятан за рябиновыми досками, покрытыми резными рунами.

Рябина не позволяла темной магии проникнуть внутрь. Еще она действовала на фэйри – Эмма заметила, как Марк, когда они вошли, нахмурился и покосился вверх. Он говорил ей как-то, что когда рядом с ним слишком много рябины, кажется, что на него сыплются крошечные искры. Интересно, подумала Эмма, а как бы рябина подействовала на чистокровного фэйри?

– Рада, что вы добрались, – сказала Диана. Она сидела во главе одного из длинных библиотечных столов. Волосы Дианы были зачесаны в гладкий пучок, на темной коже блестело ожерелье – толстая золотая цепь. Ее черно-белое платье было, как всегда, девственно чисто и идеально выглажено.

Рядом с ней сидел Диего Росио Розалес, известный Конклаву тем, что являлся Центурионом высочайшего класса, а Блэкторнам – тем, что заработал себе прозвище «Безупречный Диего». Он действительно был настолько безупречен, что всех раздражал – противостоительно красивый, великолепный в бою, умный и неизменно учтивый. А еще он успел разбить сердце Кристине еще в Мехико – из чего следовало, что в обычных обстоятельствах Эмма уже замышляла бы его убийство; но теперь это был не вариант – две недели назад они с Кристиной помирились.

Сейчас же Диего улыбнулся Кристине, сверкнув ровными белыми зубами. На плече у него поблескивала булавка Центуриона – на серебре читались слова *Primi Ordines*<sup>3</sup>. Он был не просто Центурионом; он был членом Первой Когорты, лучших из лучших выпускников Схоломанта. Потому что, само собой, он был безупречен.

Напротив Дианы и Диего сидели две весьма знакомые Эмме фигуры: Джейс Эрондейл и Клэри Фэйрчайлд, возглавлявшие Институт Нью-Йорка; хотя, когда Эмма с ними познакомилась, они были подростками – ровесниками ее самой сейчас. Джейс был сплошная растрепанная золотая прелесть – похоже, с годами он сделался только изящнее. Клэри словно состояла из рыжих волос, упрямых зеленых глаз и обманчиво нежного личика. Воля у нее была железная – как Эмма прекрасно знала по собственному опыту.

Сейчас Клэри, просияв, вскочила с места – а Джейс лишь с улыбкой откинулся на спинку стула.

– Вы вернулись! – воскликнула она, бросившись к Эмме. На Клэри были джинсы и потрепанная футболка с надписью «СДЕЛАНО В БРУКЛИНЕ», которая, должно быть, в свое время принадлежала ее лучшему другу Саймону. Выношенная и мягкая, эта футболка была точно такой же, как те, что Эмма частенько как бы невзначай отбирала у Джулиана и отказывалась возвращать. – Как все прошло с кальмародемоном?

Ответить Эмме не дали крепкие объятия, в которые ее заключила Клэри.

---

<sup>3</sup> «Первая когорта» (лат.).

– Прекрасно, – сказал Марк, – просто прекрасно. У них, у кальмаров, столько жидкости внутри.

Судя по всему, это и вправду его радовало.

Клэри выпустила Эмму и, нахмурившись, оглядела ихор, морскую воду и неведомую слизь, которые теперь оказались у нее на футболке.

– Понимаю, о чем вы.

– Я вас отсюда поприветствую, – вставил Джейс и помахал им рукой. – А то от вас морепродуктами пованивает.

Послышался короткий смешок. Эмма подняла глаза и увидела ноги, болтавшиеся между столбиками перил второго этажа. С веселым удивлением она узнала длинные ноги Тая и пестрые чулки Ливви. Наверху, на галерее, было много укромных уголков, идеально подходивших для того, чтобы подслушивать. Она и сосчитать не могла, сколько встреч, возглавляемых Эндрю Блэкторном, они с Джулианом в детстве подсмотрели, впитывая знания и проникаясь значительностью происходящего, которая неизменно передавалась всем участникам Конклава.

Эмма покосилась на Джулиана и поняла, что и он заметил присутствие Тая и Ливви и тоже решил их не выдавать. Одной его усмешки хватило, чтобы Эмма смогла прочесть его мысли. Удивительно, как легко ей было читать Джулиана тогда, когда он забывался и опускал щит, и как мало она могла разгадать, когда он намеренно прятал свои мысли и чувства.

Кристина подошла к Диего и легонько ткнула его в плечо. Он поцеловал ее запястье. Эмма заметила, как на них с непроницаемым лицом поглядел Марк. Марк о многом с ней говорил за последние две недели – но не о Кристине. О Кристине – никогда.

– Так сколько у нас в итоге получается морских демонов? – спросила Диана, приглашая всех занять место за столом.

Они расселись, хлюпая перепачканной одеждой: Эмма рядом с Марком, напротив Джулиана. Тот ответил Диане с таким спокойствием, как будто это вовсе не с него капал ихор на натертый до блеска пол.

– На последней неделе несколько экземпляров поменьше, – сказал он, – но в сезон штормов это нормально. Их выносит на берег. Мы организовали несколько патрулей. Эшдауны патрулировали дальше к югу. Думаю, теперь уже все перебиты.

– Этот был первый по-настоящему крупный, – сказала Эмма. – Я имею в виду, что таких раньше видела не много. Обычно они из океана не вылезают.

Джейс и Клэри переглянулись.

– Есть что-то, что нам следует знать? – спросила Эмма. – Вы что, собираете коллекцию здоровенных морских демонов для украшения Института?

Джейс, поставив локти на стол, подался вперед. У него было спокойное, немного кошачье лицо и непроницаемые янтарные глаза. Клэри как-то обмолвилась, что, когда впервые увидела его, то подумала, что он похож на льва. И Эмма ее понимала: львы казались такими спокойными, почти ленивыми... пока не бросались в бой.

– Думаю, пора поговорить о том, зачем мы приехали, – сказал он.

– Я думал, вы здесь из-за Кита, – сказал Джулиан. – Ну, типа, что он Эрондейл и все такое.

Сверху донесся шорох и негромкое бормотание. Тай последние несколько ночей спал у Кита под дверью – это было странно, но никто по этому поводу пока не высказывался. Эмма решила, что Тай нашел Кита интересным и необычным – примерно так же, как порой он находил необычными и интересными ящериц и пчел.

– Отчасти, – согласился Джейс. – Мы только что с заседания Совета в Идрисе. Вот почему мы так долго сюда добирались, хотя я, когда услышал про Кита, хотел приехать как можно скорее. – Он вновь откинулся назад и положил руку на спинку стула. – Вас вряд ли удивит, что ситуация с Малкольмом обсуждалась очень плотно.

– Ситуация – это ты про то, что верховный колдун Лос-Анджелеса оказался массовым убийцей *и* некромантом? – уточнил Джулиан. В его голосе совершенно четко слышался подтекст: Конклав ни в чем Малкольма не заподозрил, одобрил его назначение на должность верховного колдуна и ничего не сделал, чтобы положить конец совершаемым им убийствам. Все это сделали Блэкторны.

Наверху вновь захихикали. Диана кашлянула, чтобы скрыть улыбку.

– Прошу прощения, – пояснила она Джейсу и Клэри. – Кажется, у нас тут мыши.

– Я ничего не слышал, – сказал Джейс.

– Мы просто удивлены, что заседание Совета так быстро закончилось, – сказала Эмма. – Мы думали, что нам, возможно, придется давать показания. Про Малкольма и про все, что случилось.

Эмме и Блэкторнам уже приходилось давать показания перед Советом. Несколько лет назад – после Темной войны. Эмма не горела желанием повторять этот опыт – но то была бы возможность изложить события с их точки зрения. Объяснить, почему они сотрудничали с фэйри, напрямую нарушив тем самым Законы Холодного мира. Почему следили за верховным колдуном Лос-Анджелеса, Малкольмом Фейдом, не сообщив об этом Конклаву; что сделали, когда нашли его виновным в ужасающих преступлениях.

Почему Эмма его убила.

– Вы уже рассказали все Роберту – Инквизитору, – сказала Клэри. – Он вам поверил. И дал показания от вашего имени.

Джулиан поднял бровь. Роберт Лайтвуд, Инквизитор Конклава, был не из сердечных и дружелюбных людей. Они рассказали ему о случившемся потому, что их заставили; но ждать услуг от человека вроде Роберта Лайтвуда не приходилось.

– Роберт не такой плохой, – сказал Джейс. – Правда. С тех пор, как он стал дедом, он стал мягче. И факт есть факт – на самом деле вы интересовали Конклав гораздо меньше, чем Черная книга.

– Похоже, никто и не думал, что она вообще была здесь в библиотеке, – добавила Клэри. – Это Институт Корнуолла славится внушительной коллекцией трудов по темной магии: там и оригинал «Молота ведьм», и «Демонатия». Все думали, что и Черная книга там – заперта как следует.

– В свое время Институт Корнуолла заправляли Блэкторны, – сказал Джулиан. – Быть может, когда отца назначили главой здешнего Института, он привез ее с собой. – Джулиану явно было не по себе. – Хотя понятия не имею, зачем она могла бы ему понадобиться.

– Может, ее привез Артур, – предположила Кристина. – Старинные книги его всегда зачаровывали.

Эмма покачала головой.

– Не вариант. Книга должна была уже быть здесь, когда на Институт напал Себастьян – а это было до того, как приехал Артур.

– Насколько тесно связано обсуждение моего права остаться с тем фактом, что наши показания заслушать не пожелали? – спросил Марк.

– Связано, – Клэри, не дрогнув, встретила его взгляд. – Но, Марк, мы никогда бы не позволили им *заставить* тебя вернуться в Охоту. Все бы против этого взбунтовались.

Диего кивнул.

– Конклав все тщательно обдумал, и то, что Марк останется здесь, со своей семьей, их полностью устраивает. Изначально приказ запрещал Сумеречным охотникам именно что искать его – а он пришел к вам сам, так что формально приказу ничто не противоречит.

Марк чеканно кивнул в ответ. Безупречный Диего ему никогда не нравился.

– И уж поверьте, – прибавила Клэри, – они очень обрадовались, когда нашли эту лазейку. Думаю, даже самые ярые фэйриненавистники Конклава, и те сочувствуют Марку, которому пришлось пережить такое.

– Но не тому, что пришлось пережить Хелен? – спросил Джулиан. – Было хоть слово о ее возвращении?

– Ни одного, – признал Джейс. – Мне жаль. Они и слышать об этом не хотят.

Марк напрягся. И Эмма вдруг увидела в нем воина: темную тень с полей битвы, где бродит Дикая Охота, блуждающую среди мертвых тел.

– Мы их в покое не оставим, – сказала Диана. – То, что ты вернулся, Марк, это уже победа, и мы ей воспользуемся. Но пока что...

– Что – пока что? – спросил Марк. – Разве самое худшее еще не позади?

– Мы Сумеречные охотники, – сказал Джейс. – Как ты сам убедишься, самое худшее никогда не бывает позади.

– Пока что, – продолжила Диана, – Совет только-только завершил обсуждать появления крупных морских демонов по всему Калифорнийскому побережью. В рекордном количестве. За прошлую неделю их видели больше, чем за последние десять лет. Кальмар, с которым вы бились, вовсе не отбил от стаи.

– Мы полагаем, это потому, что труп Малкольма и Черная книга все еще где-то в океане, – сказала Клэри. – И мы думаем, что, возможно, это еще и из-за заклятий, которые Малкольм наложил при жизни.

– Но заклятия колдуна рассеиваются с его гибелью, – возразила Эмма. Она подумала про Кита. Защитные чары, которые Малкольм поставил вокруг дома Грачей, исчезли, когда маг испустил дух. Не прошло и нескольких часов, как нагрянули демоны. – Мы сходили к дому Малкольма, когда он уже умер – хотели поискать улики его преступлений. Так там все рассыпалось в пустую породу.

Джейс, в свою очередь, ссыпался под стол. Секундой позже он вновь вылез – держа на руках Чёрча, институтского кота на полставки. Чёрч вытянул все четыре лапы прямо перед собой и имел совершенно удовлетворенный вид.

– Мы думали точно так же, – заявил Джейс, усаживая кота себе на колени. – Но судя по всему, если верить Магнусу, возможно создать и такие заклятия, которые *активируются* после смерти колдуна.

Эмма бросила на Чёрча испепеляющий взгляд. Она была в курсе, что кот когда-то жил в Институте Нью-Йорка, но выражать свои предпочтения так явно, вообще-то, было грубо. Кот лежал на коленях у Джейса пузом вверх, урчал и не обращал на нее ни малейшего внимания.

– Как сигнализация, которая включается, когда открывают дверь? – уточнил Джулиан.

– Да, но в этом случае открытая дверь – это смерть, – сказала Диана.

– И как с этим справиться? – спросила Эмма.

– Скорее всего, чтобы «отключить» заклятие, нам понадобится тело колдуна, – сказал Джейс. – И подсказка насчет того, как именно он всё это устроил, тоже была бы не лишней.

– Руины прочесали вдоль и поперек, – сказала Клэри. – Но завтра мы проверим дом Малкольма – ну, чтобы наверняка.

– Там только щебень, – предупредил Джулиан.

– Щебень, который нужно как можно скорее убрать, пока простецы его не заметили, – сказала Диана. – Мы наложили на него гламор, но только на время. А это значит, что у нас есть максимум два дня.

– Взглянуть на него напоследок не помешает, – заметил Джейс. – Особенно учитывая, что Магнус нам подсказал, *куда* смотреть.

Он почесал Чёрча за ушком и не стал развивать тему.

– Черная книга – невероятно мощный артефакт, – сказал Безупречный Диего. – Она способна вызвать такие аномалии, какие мы даже вообразить не можем. То, что самые глубоко-водные морские демоны выползают на берег, ставит простецов под удар. С пирса уже пропали несколько человек...

– Завтра сюда прибудет отряд Центурионов, – продолжил Джейс.

– Центурионов? – в глазах Джулиана мелькнула паника – уязвимость и страх, которые, как решила Эмма, заметила только она. В следующий миг всё это пропало. – Зачем?

*Центурионы.* Их, лучших из лучших Сумеречных охотников, тренировали в Схоломанте – школе, выточенной в отвесных скалах Карпатских гор и со всех сторон окруженной ледяным озером. Центурионы изучали тайные знания и были сведущи во всем, что касалось фэйри и Холодного мира.

И, очевидно, во всем, что касалось морских демонов, тоже.

– Отличные новости, – заметил Безупречный Диего. Ну конечно, подумала Эмма, он просто не мог этого не сказать. Диего с гордостью коснулся значка на плече. – Они смогут найти и труп, и книгу.

– Будем надеяться, – сказала Клэри.

– Но Клэри, ты ведь уже здесь, – обманчиво мягко произнес Джулиан. – Вы с Джейсом... Если бы вы позвали еще Саймона с Изабель и Алека с Магнусом, держу пари, вы бы тут же нашли тело.

*Чужаки ему тут не нужны,* – подумала Эмма. Те, кто начнет совать нос в дела Института, требовать аудиенции у дядюшки Артура... Джулиан сумел сохранить тайны Института даже несмотря на все то, что на них навлек Малкольм. И вот теперь они снова оказались под угрозой – из-за каких-то непрошенных Центурионов.

– Мы с Клэри тут проездом, – объяснил Джейс, – и не можем остаться и принять участие в поисках, хоть нам и хотелось бы. У нас задание от Совета.

– Какое задание? – спросила Эмма. Что за миссия могла быть важнее того, чтобы вернуть Черную книгу и таким образом раз и навсегда покончить со всем тем, что устроил Малкольм?

Но по тому, как переглянулись Джейс и Клэри, она поняла, что снаружи был целый мир куда более важных вещей – таких, которые она и вообразить-то не могла. Эмма не смогла подавить всплеск горечи в душе, страстное желание быть хоть немного старше, быть на равных рядом с Джейсом и Клэри, узнать их секреты. И секреты Совета.

– Мне очень жаль, – произнесла Клэри, – но мы не можем рассказать.

– Так что, вас тут даже не будет? – возмутилась Эмма. – Когда такое творится, а наш Институт заполонили...

– Эмма, – перебил ее Джейс. – Мы в курсе, что вы привыкли сидеть здесь одни, и чтобы вам никто не мешал. И никому не отчитываться, кроме Артура.

Если бы он только знал... Но сказать правду было невозможно.

– Однако цель существования любого Института, – продолжал Джейс, – не только в том, чтобы быть центром деятельности Конклава, но и в том, чтобы давать приют Сумеречным охотникам, которых необходимо расквартировать в чужом городе. Здесь пятьдесят комнат, которыми никто не пользуется. Так что, если нет никаких уважительных причин, по которым они не могут приехать...

Окончание фразы повисло в воздухе. Диего внимательно разглядывал свои руки. Всей правды об Артуре он не знал, но Эмма догадывалась, что он что-то подозревает.

– Можете нам сказать, – предложила Клэри. – Мы сохраним это в строжайшей тайне.

Но это тайна принадлежала не Эмме и она не имела права ею делиться. Она заставила себя не смотреть ни на Марка, ни на Кристину, ни на Диану, ни на Джулиана – единственных людей за столом, знавших правду о том, кто на самом деле управляет Институтотом. Правду, которую придется скрывать от Центурионов, которые обязаны будут передать ее Совету.

– Полагаю, вы в курсе, что дядя Артур в последнее время не очень хорошо себя чувствует, – сказал Джулиан, указывая на пустой стул, на котором полагалось сидеть главе Института. – Я волнуюсь, не ухудшит ли визит Центурионов его состояние, но учитывая важность их миссии, мы сделаем все, чтобы они чувствовали себя как дома.

– После Темной войны у Артура начались мигрени, у него болят старые раны, – прибавила Диана. – Пока ему не станет лучше, я буду выступать как посредник между ним и Центурионами.

– Здесь не о чем беспокоиться, – сказал Диего. – Это же Центурионы, дисциплинированные, вымуштрованные солдаты. Оргии они устраивать не будут, и луну с неба не потребуют.

Он слегка обнял Кристину.

– Рад, что вы познакомитесь кое с кем из моих друзей.

Кристина улыбнулась ему в ответ. Эмма не удержалась и посмотрела на Марка – чтобы знать, не смотрит ли он на Диего с Кристиной так, как часто смотрел раньше: так, что Эмма понятия не имела, как Джулиан мог этого не заметить. Однажды он заметит, и тогда возникнут неудобные вопросы.

На которые придется отвечать.

Но не сегодня – потому что не прошло и нескольких минут, а Марк уже успел беззвучно выскользнуть из библиотеки. И исчез.

Разные комнаты в Институте ассоциировались у Марка с разными чувствами – и большая часть этих чувств после возвращения была для него внове. В библиотеке, обшитой рябиновыми досками, ему было не по себе. В холле, где много лет назад он стоял насмерть против Себастьяна Моргенштерна, кровь закипала, по коже бежали мурашки.

В спальне ему было одиноко. В комнатах близнецов, Дрю или Тавви, он мог забыться и оставаться только их старшим братом. В комнате Эммы он чувствовал себя в безопасности. Комната Кристины была для него под запретом. В комнате Джулиана он терзался чувством вины. А в тренировочном классе чувствовал себя Сумеречным охотником.

Выйдя из библиотеки, он машинально направился в тренировочный класс. Марку казалось, что Сумеречные охотники слишком сильно скрывают свои эмоции. Как они вообще могут жить в мире, в котором Хелен отправлена в изгнание? Сам он едва мог это выносить. Каждый день его терзала тоска по сестре. Но если он закричит от боли или упадет на колени, все только посмотрят на него с удивлением. Марк знал, Джулиан не хотел присутствия здесь Центурионов, но на его лице не дрогнул ни один мускул. Фэйри могли говорить загадками, и жульничать, и интриговать, но своей боли они не прятали.

Ноги принесли его к стойке с оружием. Руки потянулись к первому попавшемуся предмету, лишь бы можно было начать тренировку и забыться. Когда-то Диана держала в Идрисе оружейную лавку, и теперь для них всегда было подготовлено великолепное оружие: греческие махаиры<sup>4</sup> с однолезвийными клинками, спаты<sup>5</sup> викингов, двуручные клейморы<sup>6</sup> и ландскнехтские цвайхендеры<sup>7</sup>, японские деревянные боккэны<sup>8</sup>, использовавшиеся только для тренировок.

---

<sup>4</sup> Древнегреческий меч с асимметричной рукоятью и широким однолезвийным клинком.

<sup>5</sup> Прямой обоюдоострый меч с клинком длиной 60–80 см. Галльские спаты завоевали популярность и у варваров, и у римской армии, и благополучно дожили в европейском арсенале до Высокого Средневековья.

<sup>6</sup> Длинный двуручный меч с крестовидной гардой и специфической формой дужек крестовины. Специфичен для Горной Шотландии XV–XVII вв.; некоторые воины пользовались клейморами вплоть до 1746 года.

<sup>7</sup> Очень длинный двуручный меч ландскнехтов на двойном жаловании; в их дополнительные обязанности входило рубить вражеские пики.

<sup>8</sup> Деревянный макет японского меча, используется для тренировок. Впрочем, при должном мастерстве фехтовальщика также может являться смертельным оружием.



Марк подумал об оружии фэйри. О мече, который был у него, когда он участвовал в Дикой Охоте. Фэйри не пользовались ничем железным, потому что заболевали от близости железных орудий – будь то орудия смерти или орудия труда. В Охоте у Марка был меч из рога, лежавший в руке так же легко, как эльфийские стрелы, которые Марк пускал из своего лука. Легко, как ветер под копытами его коня, как воздух, свистевший вокруг во время скачки.

Марк взял со стойки клеймор и на пробу повернул его в руке. Он чувствовал, что меч стальной – не совсем железо, но все-таки железный сплав, хоть и не реагировал на железо так, как чистокровные фэйри.

Клеймор был достаточно тяжелым. Но это была не первая тяжесть, которую ощутил Марк с тех пор, как вернулся домой. Еще были гнет ожиданий, бремя любви к своей семье...

А еще на его плечах лежала тяжесть того, во что он впутался с Эммой. Марк доверял ей. Не сомневался, что она поступает правильно. И если она в это верит, то и он поверит ей.

Однако лож давалась ему непросто, а лгать семье он просто терпеть не мог.

– Марк? – окликнула его Клэри, за ней шел Джейс. Должно быть, встреча в библиотеке закончилась. Оба они переоделись в доспехи. Рыжие волосы Клэри на фоне темной одежды казались яркими, как брызги крови.

– Я тут, – сказал Марк, водворяя меч на стойку. Полная луна стояла высоко, и белый свет лился в окна. Лунная дорожка пересекала море, как тропа – от горизонта, лобызаемого светом, до песчаного берега.

Джейс молчал. Он следил за Марком золотистыми соколиными глазами из-под полуприкрытых век. Марк невольно вспомнил, какими были Джейс и Клэри, когда он впервые встретился с ними, сразу после того как его забрала Охота. Он прятался в подземных ходах недалеко от Благого Двора, когда они подошли к нему, и его сердце зашлось от боли и чуть не разбилось от одного их вида. Сумеречные охотники, идущие сквозь все опасности страны фэйри с высоко поднятыми головами... Они не заблудились; они не бежали. Они не боялись.

Он задумался тогда: вернет ли он себе когда-нибудь эту гордость, это отсутствие страха. Даже когда Джейс вложил ему в руку колдовской огонь, даже когда сказал: «Покажи им, из чего сделаны Сумеречные охотники, покажи, что ты не боишься» – Марк умирал от ужаса.

Не за себя. За свою семью. Каково им придется в объятom войной мире, где больше не будет его, чтобы их защитить?

А пришлось им на удивление неплохо, как выяснилось. И он оказался им не нужен. У них был Джулиан.

Джейс примостился на подоконнике. Естественно, с того времени, как Марк в последний раз его видел, он вырос. Стал выше, шире в плечах, но все еще был полон изящества. Ходили слухи, что его внешность и манеры впечатлили даже Королеву Благого Двора, а людям редко удавалось произвести впечатление на знатных фэйри. Даже Сумеречным охотникам.

Хотя кое-кому это и удавалось. Его собственное существование, полагал Марк, служило тому доказательством. Его мать, леди Нерисса Благого Двора, полюбила его отца, Сумеречного охотника.

– Джулиану не нужны тут Центурионы, – сказал Джейс. – Не так ли?

Марк поглядел на них с подозрением.

– Откуда мне знать?

– Марк не выдаст нам тайн своего брата, Джейс, – сказала Клэри. – Ты сам бы выболтал секреты Алека?

Окно за спиной Джейса было высоким и прозрачным – таким прозрачным, что Марку иногда казалось, что он мог бы вылететь сквозь него наружу.

– Возможно – если бы это было для его же блага, – возразил Джейс.

Клэри с сомнением фыркнула.

– Марк, – произнесла она. – Нам нужна твоя помощь. У нас есть вопросы насчет страны фэйри и Дворов – их реального местоположения. Но, похоже, ответов нигде не знают – ни в Спиральном Лабиринте, ни в Схоломанте.

– И, честно говоря, – прибавил Джейс, – нам не хотелось бы выдать, что мы ведем расследование, потому что эта миссия секретная.

– Ваша миссия – в страну фэйри? – попробовал угадать Марк.

Оба кивнули.

Марк был потрясен. Сумеречные охотники в истинных Землях Фэйри всегда чувствовали себя не в своей тарелке, и после Холодного мира избегали их как огня.

– Почему? – Он тут же отвернулся от клеймора. – Это что, какая-то месть? За то, что Иарлаф и еще кое-кто сотрудничал с Малкольмом? Или... за то, что случилось с Эммой?

Эмме до сих пор еще иногда требовалась помощь с перевязками. Всякий раз, когда Марк видел красные полосы у нее на коже, на него накатывали тошнота и чувство вины. Ее шрамы были словно паутина кровавых нитей, не позволявшая ему освободиться от предательства, которое оба они совершили.

Клэри мягко на него посмотрела.

– Мы не собираемся никому причинять зла, – проговорила она. – Никакой мести. Миссия касается сбора информации, и только.

– Вы думаете, что я беспокоюсь за Кьерана, – догадался Марк. Это имя встало у него поперек горла, словно обломок кости. Он любил Кьерана, а Кьеран предал его и вернулся к Охоте, и когда бы Марк о нем не вспоминал, его сердце истекало кровью. – За Кьерана я не беспокоюсь, – сказал он.

– Тогда ты не станешь возражать, если мы с ним поговорим? – уточнил Джейс.

– Если бы я и беспокоился, то не за него, – сказал Марк, – а, возможно, за вас.

Клэри негромко рассмеялась.

– Спасибо, Марк.

– Он сын Короля Неблагого Двора, – отрезал Марк. – У Короля пятьдесят сыновей, и все жаждут захватить трон. Король от них устал. Он был должен Гвину услугу, и в уплату отдал ему Кьерана. Как будто меч подарил или пса.

– Вот как я это вижу, – сказал Джейс. – Кьеран пришел к тебе и предложил помощь против фэйри. Чтобы помочь тебе, он подверг себя смертельной опасности.

Марк подумал: ничего удивительного, что Джейс это знает. Эмма многое рассказывала Клэри.

– Он мне задолжал. Из-за него те, кого я люблю, были тяжело ранены.

– И все же, – не сдавался Джейс, – есть шанс, что он согласится довериться нам. В особенности в том случае, если мы скажем ему, что действуем при твоей поддержке.

Марк промолчал. Клэри поцеловала Джейса в щеку и прошептала что-то ему на ухо, а затем вышла из комнаты. Джейс смотрел ей вслед – его лицо тут же смягчилось. Марк испытал острый укол зависти. Интересно, задумался он, ждет ли вообще его с кем-то что-то подобное: Клэри и Джейс так подходили друг другу, с ее игривой добротой – и его насмешливой силой. Марк задумался: а подходил ли ему вообще Кьеран? И подошла бы ему Кристина, если бы дела обстояли иначе?

– О чем вы собираетесь расспрашивать Кьерана? – уточнил он.

– Да так, кое-что о Короле с Королевой, – сказал Джейс.

Заметив нетерпеливое движение Марка, он добавил:

– Я расскажу тебе кое-что, и помни: я не должен тебе ничего рассказывать. Конклав меня за это прикончит. – Он вздохнул. – Себастьян Моргенштерн оставил при одном из Дворов фэйри оружие. Оружие, – повторил Джейс, – способное уничтожить всех нас, всех нефилимов.

– Как это оружие действует? – спросил Марк.

– Не знаю. Это, в том числе, мы и должны выяснить. Но одно мы знаем точно – оно смертоносно.

Марк кивнул.

– Думаю, Кьеран вам поможет, – сказал он. – А я могу дать вам список тех в стране фэйри, кто может выказать сочувствие вашему делу – потому что таких будет немного. Вряд ли вы себе представляете, как они вас ненавидят. И если у них и правда есть такое оружие, то, надеюсь, вы его отыщете – потому что они без колебаний пустят его в ход и не дадут вам пощады.

Джейс посмотрел на Марка сквозь золотые ресницы, так похожие на ресницы Кита. Его взгляд был цепким и неподвижным.

– Не дадут *нам* пощады? – повторил он. – Ты – один из нас.

– Это смотря у кого спрашивать, – сказал Марк. – Есть у вас ручка и бумага? Начну с имен...

Дядюшка Артур уже давно не покидал мансарды, где спал, ел и трудился. Когда они с Дианой вскарабкались по узкой лестнице, Джулиан поморщился – в воздухе, еще более спертым, чем обычно, крепко пахло объедками и потом. Кругом лежали густые тени. Артур, сгорбившийся над столом, и сам казался тенью. Колдовской огонь горел наверху, в блюде на подоконнике. На приход Джулиана и Дианы Артур не отреагировал.

– Артур, – сказала Диана, – нам нужно с вами поговорить.

Тот медленно повернулся в кресле. Джулиан почувствовал, как дядюшка оглядывает сперва Диану, а затем его самого.

– Мисс Рейберн, – наконец сказал он. – Чем могу вам помочь?

Диана и раньше сопровождала Джулиана в походах в мансарду, но нечасто. Теперь, когда истинное положение дел стало известно Марку и Кристине, Джулиан смог признаться Диане в том, что они оба всегда знали, но о чем никогда не говорили.

Годами, с тех самых пор, как ему исполнилось двенадцать лет, Джулиан в одиночку нес бремя знания о том, что дядя Артур сошел с ума. Его рассудок повредился, когда он был в плену при Благое Дворе. Благодаря лекарству, которое поставлял Малкольм Фейд, у Артура наступали периоды просветления, но долго они никогда не длились.

Знай Конклав правду, они бы тут же лишил Артура должности главы Института. И, скорее всего, он кончил бы свои дни запертым в Базилясе, без права выходить наружу и принимать посетителей. В его отсутствие, без взрослого Блэкторна во главе Института, детей бы разделили, отослали в Академию в Идрисе, рассеяли бы по свету. Джулиан был твердо намерен этого не допустить, и целых пять лет хранил тайну, пять лет прятал Артура от всего мира и весь мир – от Артура.

Порой он задавался вопросом, правильно ли он поступает по отношению к дядюшке. Но какое это имело значение? Так или иначе, он должен был защитить братьев и сестер. Если бы понадобилось, он пожертвовал бы ради них Артуром, даже если бы муки совести потом не давали бы ему спокойно спать, если бы он вскакивал среди ночи, задыхаясь от ужаса... Что ж, Джулиан готов был с этим жить.

Он вспомнил, как внимательно смотрел на него Кьеран этим своим взглядом фэйри: «Твое сердце не знает пощады».

Может, это и правда так. Сейчас сердце Джулиана лежало у него в груди как мертвое: распухший неподвижный комок. Все как будто происходило на расстоянии от него самого. Джулиан даже чувствовал себя так, словно двигался медленнее, чем всё вокруг, как будто оказался под водой.

И все же рядом с Дианой ему было немного легче. Артур нередко принимал Джулиана за его покойного отца или деда, но Дианы в прошлом Артура не было, поэтому ему приходилось ее узнавать.

– Лекарство, которое делал для вас Малкольм... – сказала Диана. – Он когда-нибудь с вами о нем говорил? Из чего оно состояло?

Артур покачал головой.

– Мальчик не знает?

Джулиан понял, что речь идет о нем.

– Нет, – сказал он. – Малкольм никогда о нем не рассказывал.

Артур нахмурился.

– Есть какие-нибудь остатки, которые можно было бы изучить?

– Две недели назад я использовал все, до последней капли. – Джулиан угостил дядюшку мощным коктейлем из Малкольмова снадобья, когда Джейс, Клэри и Инквизитор посещали Институт в прошлый раз. Артур должен был твердо стоять на ногах и мыслить настолько ясно, насколько это только было возможно. Джулиан не мог допустить, что бы хоть что-то пошло не так.

Он был вполне уверен, что Джейс и Клэри, если бы знали о состоянии Артура, помогли бы его прикрыть. Но несправедливо было просить их взвалить на себя это бремя, и к тому же – Инквизитору, Роберту Лайтвуду, он не доверял. Он не доверял ему с тех самых пор, когда Роберт пять лет назад вынудил его пройти жестокое испытание Мечом Смерти, потому что не поверил, что Джулиан не станет лгать.

– Артур, у вас его *совсем* не осталось? – спросила Диана. – Может быть, вы что-то спрятали?

Артур снова помотал головой. В тусклом свете колдовского огня он казался старым – намного старше, чем был, с проседью в волосах и глазами выцветшими, как океан ранним утром. Тело в давно не стиранной серой одежде было настолько худым, что сквозь ткань проступали ключицы.

– Я не знал, что Малкольм окажется тем, кем он оказался, – ответил он. Убийцей, душегубом, предателем. – К тому же, я полагался на мальчика. – Он откашлялся. – На Джулиана.

– Я тоже не знал про Малкольма, – сказал Джулиан. – Дело в том, что у нас будут гости. Центурионы.

– *Кентархи*, – пробормотал Артур, выдвинув один из ящиков стола, словно собирался что-то в нем искать. – Так они назывались в византийской армии. Но Центурион всегда был столпом войска. Он командовал сотней воинов. Центурион мог подвергнуть римского гражданина даже такому наказанию, от которого тот обычно был защищен законом. Центурионы выше закона.

Джулиан не знал, сколько на самом деле общего между римскими центурионами и Центурионами Схоломанта. Но мысль Артура и так была понятна.

– Понятно. Значит, нам придется быть особенно осторожными. Я имею в виду то, как тебе держаться и действовать в их присутствии.

Артур сжал пальцами виски.

– Я так устал, – пробормотал он. – Разве нельзя... Попросить у Малкольма еще снадобья...

– Малкольм мертв, – сказал Джулиан. Дядюшке уже сообщили, но, кажется, он не вполне это усвоил. И именно таких ошибок ему ни в коем случае нельзя допускать при чужаках.

– Существуют ведь лекарства простецов, – после секундного колебания произнесла Диана.

– А как же Конклав? – возразил Джулиан. – Наказание за обращение к медицине простецов – это...

– Знаю я, что это, – неожиданно резко сказала Диана. – Но мы в отчаянном положении.  
– Но мы даже не поймем, какие таблетки нужны и сколько. Мы же не знаем, как простецы лечат такие недуги.

– Я не *болен*. – Артур с грохотом захлопнул ящик. – Фэйри повредили мой разум. Я *почувствовал*, как мой рассудок разбился. Ни одному простецу этого не понять и не вылечить. Диана встревоженно переглянулась с Джулианом.

– Что ж, можно действовать другими путями. Мы оставим вас в покое, Артур, и все обсудим. Мы понимаем, как важна ваша работа.

– Да, – пробормотал Артур. – Моя работа... – И он вновь склонился над бумагами, тут же позабыв о Диане и Джулиане. Выходя следом за Дианой из мансарды, Джулиан не мог не задуматься: что же за утешение находит его дядя в древних рассказах о богах и героях, о прежних временах, когда спастись от безумия можно было, заткнув уши и отказавшись внимать музыке сирен.

Спустившись с лестницы, Диана обернулась к Джулиану и мягко проговорила:

– Сегодня вечером тебе придется сходить на Сумеречный базар.

– Что? – потрясенно спросил Джулиан. Нефилимам на Сумеречном базаре нельзя было показываться, если только они были не на задании. А несовершеннолетним нефилимам соваться туда вообще не разрешалось. – С тобой?

– Мне туда нельзя, – покачала головой Диана.

Джулиан не стал спрашивать. Оба они молча согласились с тем, что у Дианы есть свои секреты, и Джулиан не должен их выпытывать.

– Но там будут колдуны, – продолжила она. – Незнакомые колдуны, которые за плату будут молчать и не узнают тебя. А еще – фэйри. В конце концов, это же безумие, наведенное фэйри, а не естественное состояние Артура. Может, они поймут, как все исправить.

Диана на мгновение задумалась.

– Возьми с собой Кита, – сказала она. – Он знает Сумеречный базар лучше, чем любой, кого мы можем попросить, и жители Нижнего мира ему доверяют.

– Но он же ребенок! – возразил Джулиан. – И не выходил из Института с тех пор, как погиб его отец. – Точнее, был убит. Растерзан у него на глазах. – Боюсь, ему будет не легко.

– Придется ему привыкать, что легко не будет, – бесстрастно отрезала Диана. – Теперь он Сумеречный охотник.

### 3

## Для чудовища стал домом

Из-за жутких пробок Кит с Джулианом добирались из Малибу до Старой Пасадены целый час. Когда они нашли, где припарковаться, у Джулиана уже голова раскалывалась от боли. И то, что Кит не сказал ему почти ни слова с тех пор, как они выехали из Института, радости не добавляло.

Солнце давно село за горизонт, но небо на западе все еще было исчерчено алыми и черными штрихами. Ветер дул с востока, а значит, даже среди ночи можно было вдохнуть аромат пустыни: пыль и песок, кактусы и койоты, жгучий запах шалфея.

Джулиан заглушил мотор, и Кит тут же выскочил из машины, словно каждая лишняя минута рядом с ним была для него невыносима. Когда они проезжали мимо поворота с шоссе, который вел к старому дому Грачей, Кит спросил, можно ли заскочить туда взять кое-что из его прежней одежды. Джулиан ответил, что это небезопасно, особенно ночью. Кит поглядел на него так, словно Джулиан воткнул нож ему в спину.

Джулиану было не привыкать к тому, что кто-то кланчит, дуется или клянется, что ненавидит его. У него было четверо младших сестер и братьев. Но Кит бросал испепеляющие взгляды с особым искусством и был при этом совершенно искренен.

Джулиан закрыл машину, и Кит фыркнул.

– Выглядишь как Сумеречный охотник.

Джулиан оглядел себя. Джинсы, ботинки, винтажный блейзер – подарок Эммы. Поскольку на базаре от рун гламора было мало толку, ему пришлось положиться на опущенные рукава, скрывшие руны *войянс*, и поднятый воротник, чтобы спрятать края меток, которые иначе выглядывали бы из-под рубашки.

– Что? – бросил он. – Никаких меток не видно.

– Этого и не требуется, – скучающе заметил Кит. – Ты похож на копа. Все вы всегда похожи на копов.

Головная боль Джулиана усилилась.

– И что ты предлагаешь?

– Разреши мне пойти одному, – сказал Кит. – Они меня знают и доверяют мне. Ответят на любой вопрос и продадут все, что я захочу. – Он протянул раскрытую ладонь. – Само собой, мне понадобятся деньги.

Джулиан уставился на него, не веря своим глазам.

– Только не говори, что всерьез рассчитывал, что это прокатит.

Кит пожал плечами и убрал руку.

– Могло и прокатить.

Джулиан двинулся по переулку к входу на Сумеречный базар. Он был там только один раз, много лет назад, но хорошо это запомнил. После Холодного мира Сумеречные базары стали расти как грибы – жители Нижнего мира получили возможность вести дела вдали от ока новых Законов.

– Так, дай-ка я угадаю. Ты собирался взять у меня денег, притвориться, что идешь на Сумеречный базар, сесть на первый же автобус и уехать из города?

– Вообще-то я собирался взять у тебя денег, притвориться, что иду на Сумеречный базар, и сесть на Метролинк, – уточнил Кит. – У них сейчас не только городские поезда. Да-да, огромный прогресс, я в курсе. Тебе бы послеживать за такими вещами.

Джулиан прикинул, что сделает Джейс, если он придушит Кита. Он задумался, не сказать ли об этом вслух, но тут они дошли до конца переулочка, туда где воздух слегка мерцал. Джулиан сгрел Кита под локоть и протолкнул их в мерцание одновременно.

Они очутились по ту сторону – в самом сердце базара. Кругом сияли огни, затмевая звезды над головой. Даже луна казалась не более чем бледной оболочкой.

Джулиан все еще крепко держал Кита за руку, но тот и не пытался бежать. Он глядел по сторонам с тоской, заставлявшей его казаться совсем юным – порой Джулиан забывал, что Кит ровесник Тая. Его синие глаза – ясные и цвета неба, без прозелени, отличавшей глаза Блэкторнов – оглядывали базар, жадно впитывая то, что видели.

Ряды палаток были освещены факелами, пылавшими золотым, синим и ядовито-зеленым пламенем. Цветы, которые пахли сильнее белого олеандра и слаще жараканды, сплошь увивали прилавки по бокам. Прекрасные фэйри, девушки и юноши, плясали под звуки флейт и волынок. Отовсюду неслись голоса, взывавшие: *Подходи, покупай! Подходи, покупай.* На прилавках было разложено оружие, драгоценности, расставлены склянки с зельями и порошками.

– Сюда, – сказал Кит, высвобождаясь из хватки Джулиана.

Джулиан зашагал следом. Он чувствовал, что на них смотрят, и пытался понять, не оттого ли это, что Кит прав: он похож на копа, ну или как минимум на сверхъестественного копа. Он Сумеречный охотник и всегда им был. Нельзя так просто взять и стряхнуть с себя собственную природу.

Они дошли до окраины базара, где свет был тусклее, и можно было разглядеть начерченные под ногами на асфальте белые линии, выдававшие, что днем это место служило парковкой.

Кит двинулся к ближайшей палатке, где перед вывеской, рекламировавшей предсказание будущего и приворотные зелья, сидела женщина-фэйри. При его приближении она подняла глаза – и так и просияла.

– Кит! – воскликнула она. Лоскутное белое платье подчеркивало ее бледно-синюю кожу, а кончики заостренных ушей торчали из лавандовых волос. Тонкие золотые и серебряные цепочки блестели у нее на шее и свисали с запястий. Джулиана она наградила испепеляющим взглядом. – Что он тут делает?

– Гиацинт, нефилим нормальный, – сказал Кит. – Я за него ручаюсь. Он просто хочет кое-что купить.

– Как и все мы, – промурлыкала фэйри и хитро покосилась на Джулиана. – Ты хорошенький, – заявила она, – у тебя глаза почти такого же цвета, как мои.

Джулиан подошел поближе к палатке. Именно в такие моменты он жалел, что не обладает ни малейшими навыками кокетства; флиртовать он не умел совершенно. Ни мгновения в жизни он не желал никого, кроме Эммы, и потому никогда не учился общаться с девушками.

– Мне нужно зелье, способное исцелить Сумеречного охотника от безумия, – произнес он. – Или хотя бы на время купировать симптомы.

– От какого рода безумия?

– Его пытали при Дворах, – прямо сказал Джулиан. – Его рассудок повредился от навешенных галлюцинаций и зелий, которые его заставляли пить.

– Сумеречный охотник, которого свели с ума фэйри? Божечки, – скептически отозвалась Гиацинт. Джулиан принялся объяснять про дядюшку Артура, не называя того по имени: описывать сложившуюся ситуацию и его состояние. Что время от времени случались периоды просветления. Что порой приступы болезни делали его бесчувственным и жестоким. Что собственную семью он узнавал не всегда. Джулиан описал снадобье, которое готовил для Артура Малкольм – в ту пору, когда они еще верили Малкольму и считали его другом.

Не то чтобы он назвал Малкольма по имени.

Когда он закончил, фэйри покачала головой.

– Тебе бы обратиться к колдуну, – сказала она. – Эти возьмутся за Сумеречных охотников. А я не возьмусь. Не горю желанием переходить дорогу ни Дворам, ни Конклаву.

– Не нужно никому об этом рассказывать, – взмолился Джулиан. – Я хорошо вам заплачу.

– Дитя мое, – с ноткой жалости произнесла Гиацинт, – ты думаешь, что возможно сохранить что-то в тайне от всего Нижнего мира? Думаешь, по всему базару не разнеслись вести о падении Хранителя и гибели Джонни Грача? Что никто не знает, что у нас больше нет верховного колдуна? Исчезновение Ансельма Найтшейда – хоть он и был ужасным человеком... – она покачала головой. – Не следовало вам сюда приходить, – заключила она. – Это для вас обоих небезопасно.

Кит словно не верил ушам своим.

– Ты имеешь в виду, для него? – уточнил он, указав на Джулиана едва заметным кивком. – Для него небезопасно?

– И для тебя тоже, малыш, – скрипуче произнес кто-то у них за спиной.

Оба обернулись. Перед ними стоял бледный коротышка с кожей мертвенного, болезненного оттенка. На нем был серый шерстяной костюм-тройка, в котором в такую погоду наверняка можно было свариться заживо. Темные волосы и борода были аккуратно подстрижены.

– Барнабас, – заморгав, сказал Кит. Джулиан заметил, что Гиацинт в палатке передернуло. За спиной у Барнабаса уже собралась небольшая толпа.

Коротышка шагнул вперед.

– Барнабас Хейл, – представился он и протянул руку. Стоило его пальцам сомкнуться вокруг пальцев Джулиана, как тот непроизвольно напрягся. Только слабость Тая к ящерицам и змеям да то обстоятельство, что Джулиану неоднократно приходилось выносить их из Института и выпускать на траву, помогло ему не отдернуть ладонь.

Кожа Барнабаса оказалась вовсе не бледной, а покрытой белесыми чешуйками. Глаза у него были желтые и смотрели на Джулиана с веселым удивлением, словно ожидая, что тот отдернет руку. Чешуйки на ощупь были как гладкие, холодные камушки; не склизкие, но такие, как будто должны были быть склизкими. Джулиан продлил рукопожатие на несколько долгих секунд.

– Вы колдун, – сказал он.

– Никогда не утверждал обратного, – заявил Барнабас. – А ты – Сумеречный охотник.

Джулиан вздохнул и поправил рукав.

– Полагаю, в попытках скрыть это особого смысла не было.

– Ни малейшего, – сказал Барнабас. – Большинство из нас узнает нефилима с первого взгляда, к тому же, все только и говорят, что о юном мистере Граче. – Он перевел глаза со зрачками-щелочками на Кита. – Печально было услышать, какая судьба постигла твоего отца.

Кит поблагодарил за соболезнование легким кивком.

– Сумеречный базар принадлежит Барнабасу. По крайней мере, земля, на которой базар стоит. И он собирает арендную плату за палатки.

– Это правда, – подтвердил Барнабас. – Так что не сомневайтесь: я знаю, что говорю, когда прошу вас уйти.

– Мы не устраиваем неприятностей, – сказал Джулиан. – Мы пришли сюда по делу.

– У нефилимов на Сумеречном базаре не может быть никаких дел, – отрезал Барнабас.

– Вы увидите, что есть, – сказал Джулиан. – Один мой друг недавно купил тут стрелы. Они оказались отравленными. Есть что сказать по этому поводу?

Барнабас ткнул в него скрюченным пальцем.

– Вот об этом и речь, – произнес он. – Вы не можете избавиться от этого, даже если сами хотите – от убежденности, что это вы задаете здесь вопросы и устанавливаете правила.

– Но они и правда устанавливают правила, – вставил Кит.

– Кит, – процедил Джулиан, – ты только хуже делаешь.

– Один мой друг недавно пропал, – проговорил Барнабас. – Некто Малкольм Фейд. Есть что сказать по *этому* поводу?



По толпе у колдуна за спиной пронесся тихий ропот. Джулиан сжал и разжал кулаки. Будь он здесь в одиночку, он бы не беспокоился – он мог без особого труда выбраться из толпы и добежать до машины. Но с необходимостью прикрывать Кита это было бы уже сложнее.

– Видите? – грозно спросил Барнабас. – Нам известно немало ваших тайн. Я знаю, что случилось с Малкольмом.

– А вы знаете, что он сделал? – спросил Джулиан. Малкольм был серийным убийцей. Он убивал не только простецов, но и обитателей Нижнего мира. И уж конечно, в его смерти следовало винить не Блэкторнов. – Знаете, почему это с ним случилось?

– Я вижу только очередного жителя Нижнего мира, убитого нефилимами. А еще Ансельма Найтшейда, который попал за решетку за то, что лишь попытался прибегнуть к обыкновенной магии. А дальше что? – Он плюнул себе под ноги. – Возможно, когда-то я и терпел на базаре Сумеречных охотников и охотно принимал их деньги. Но это время прошло.

Маг перевел взгляд на Кита.

– Уходи, – велел он. – И забирай с собой своего приятеля-нефилима.

– Он мне не приятель, – заявил Кит. – И я не такой, как они! Я такой же, как вы...

Барнабас покачал головой. Гиацинт, сомкнув синие пальцы под подбородком, следила за ними во все глаза.

– Темные времена грядут для Сумеречных охотников, – произнес Барнабас. – Ужасные. Сила их будет сокрушена, мощь – втоптана в грязь, и кровь их, как вода, наполнит все реки мира.

– С меня довольно, – прервал его Джулиан. – Хватит его пугать.

– Вы заплатите за Холодный мир, – проговорил колдун. – Тьма грядет, и с твоей стороны, Кристофер Эрондейл, мудро было бы послушаться совета и держаться подальше от Институтов и Сумеречных охотников. Скрывайся, как скрывался твой отец, а до него – отец твоего отца. Только так ты избежишь опасности.

– Откуда ты знаешь, кто я? – возмутился Кит. – Откуда тебе известно мое настоящее имя?

Джулиан впервые слышал, чтобы Кит признал имя Эрондейлов своим настоящим именем.

– Все знают, – сказал Барнабас. – Дни напролет на базаре только об этом и говорят. Ты что, не заметил, когда пришел, что все только на тебя и таращатся?

Выходит, глазели они не на Джулиана. Ну, или *не только* на Джулиана. Не то чтобы это сильно утешало, подумал Джулиан. Только не тогда, когда у Кита такое лицо.

– Я думал, что смогу сюда вернуться, – проговорил Кит. – Занять прилавок отца. Работать на базаре.

Между губами Барнабаса мелькнул и тут же втянулся обратно раздвоенный язык.

– Рожден Сумеречным охотником – навсегда Сумеречный охотник, – сказал маг. – Скверна из крови никуда не денется. В последний раз повторяю, мальчик, уходи с базара. И не возвращайся.

Кит попятился, оглядываясь по сторонам – видя, словно впервые, обращенные к нему лица, по большей части бесстрастные и недружелюбные, а некоторые – полные нескрываемого любопытства.

– Кит... – произнес Джулиан, протягивая руку.

Но Кит уже сорвался с места.

Джулиану потребовалось не больше нескольких секунд, чтобы догнать его; он просто вслепую проталкивался сквозь толпу. Они оказались у большого разгромленного прилавка.

Теперь от него остались только деревянные решетки. Казалось, что кто-то рушил его голыми руками. Вокруг валялись щепки и сломанные доски, над прилавком болталась перекошенная вывеска с напечатанным на ней воззванием:

ВЫ НЕ СОВСЕМ ЧЕЛОВЕК?

**ВЫ НЕ ОДИНОКИ!  
СЛУГИ ХРАНИТЕЛЯ ПРИГЛАШАЮТ ВАС  
НА ЛОТЕРЕЮ СУДЬБЫ!  
ВПУСТИ УДАЧУ В СВОЮ ЖИЗНЬ!**

– Хранитель, – сказал Кит. – Это был Малкольм Фейд?

Джулиан кивнул.

– Он втянул отца во все эти дела со Слугами и Полночным театром, – задумчиво произнес Кит. – Это Малкольм виноват в его смерти.

Джулиан промолчал. Джонни Грач был не подарочек, но он приходился Киту отцом. А отец может быть только один. И Кит был прав.

Кит подскочил и изо всех сил врезал кулаком по вывеске. Та с грохотом обрушилась на землю. И на мгновение перед тем, как Кит, морщась от боли, схватился за руку, Джулиан увидел в нем проблеск Сумеречного охотника. И поверил, что если бы чародей не был уже мертв, Кит бы его убил.

От прилавка Гиацинт за ними последовала кучка обитателей базара, тарасившихся на них во все глаза. Джулиан положил руку Киту на спину, и тот не дернулся, чтобы ее сбросить.

– Пошли отсюда, – сказал Джулиан.

Эмма вымылась очень тщательно. Если ты Сумеречный охотник, то длинные волосы имеют свои недостатки: никогда не знаешь, не застряло ли в них ихора. Однажды она неделю ходила с позеленевшей сзади шеей.

Когда Эмма вышла из ванной в спальню – в спортивных штанах и майке без рукавов, вытирая голову полотенцем, то обнаружила в ногах своей постели свернувшегося клубком Марка, который читал «Алису в Стране чудес».

Он был в пижамных штанах, которые Эмма купила когда-то за три доллара в РСН<sup>9</sup>. Он питал к ним слабость – свободные, из тонкой ткани, они были похожи на штаны, которые он носил в стране фэйри. Если его и удивляло, что на штанах был вышитый узор из зеленых трилистников и надписей «УДАЧИ!», вида он не показывал. Когда Эмма вошла, он сел, провел руками по волосам и улыбнулся.

Улыбка Марка была способна разбить сердце. Казалось, она заполняет все его лицо и делает глаза ярче, словно внутри, за золотом и синевой, полыхает огонь.

– Воистину странный вечер, – произнес он.

– Вот только не надо мне тут «воистину»! – Эмма упала на кровать рядом с ним. Марк ни за что не соглашался спать на кровати, но вполне мог на ней валяться. Он отложил книгу и откинулся на спинку кровати в ногах. – Правила насчет «воистину» в моей комнате тебе известны. То же относится к выражениям типа «однако же», «увы мне» и «о горе».

– А как насчет «раны Господни»?

– Кара за «раны Господни!» сурова, – сообщила ему Эмма. – Придется тебе голым бежать в океан на глазах у Центурионов.

Марк, казалось, был озадачен.

– А потом?

Эмма вздохнула.

– Извини, совсем забыла. Мы как правило стесняемся расхаживать нагишом при незнакомцах. Поверь мне на слово.

– Что, правда? Ты никогда не плавала в океане без одежды?

---

<sup>9</sup> *Publishers Clearing House* (PCH) – американская производственная компания, специализирующаяся на торговле по каталогам. Особенно известна маркетингом, построенным на конкурсах среди покупателей.

– Это немного другой вопрос, но нет, никогда. – Эмма откинулась на спинку кровати рядом с ним.

– Надо нам как-нибудь это сделать, – сказал он. – Всем.

– Не представляю себе, чтобы Безупречный Диего сорвал с себя одежду и прыгнул в воду на глазах у всех. Разве что только на глазах у Кристины. И то не факт.

Марк выкарабкался из кровати на кипу одеял, которую Эмма постелила для него на пол.

– Сомневаюсь. Держу пари, он плавает полностью одетый. Иначе ему пришлось бы булавку Центуриона отколоть.

Она рассмеялась, и Марк улыбнулся ей, хотя выглядел усталым. Эмма ему сочувствовала. Сама она уставала не от обычных дел Сумеречной охоты, а от притворства. Может, потому они с Марком и могли расслабиться только по ночам, рядом друг с другом, и не перед кем было притворяться.

Только в эти минуты она и могла выдохнуть – с того дня, как Джем рассказал ей о проклятии парабатаев, о том, как влюбившиеся друг в друга сходят с ума и уничтожают и себя, и всех, кого любят.

Эмма сразу поняла: она не может этого допустить. Только не Джулиан, только не его семья, которую она тоже любила. Она не могла заставить себя разлюбить Джулиана, это было невозможно. Поэтому она должна была заставить Джулиана разлюбить ее.

Джулиан сам дал подсказку всего за несколько дней до того: слова, которые он прошептал ей на ухо в редкий миг уязвимости. Он ревновал к Марку, к тому, что Марк мог говорить с ней, запросто флиртовать с ней, в то время как Джулиану всегда приходилось скрывать свои чувства.

Теперь Марк с полужакрытыми глазами сидел рядом с ней, прислонившись к спинке кровати. Цветные полумесяцы под полуприкрытыми веками, ресницы на тон темнее волос... Эмма вспомнила, как попросила его зайти к ней в комнату. *Мне нужно, чтобы ты притворился, будто мы встречаемся. Будто мы влюбляемся друг в друга.*

Он протянул ей руку, и она увидела в его глазах бурю. Жесткость, которая напомнила ей, что страна фэйри – не только шумные пиры и веселые луга. Это еще и дикая жестокость, бессердечие, слезы и кровь, молния, рассекающая ночное небо словно ножом.

*Зачем лгать*, спросил он.

На мгновение она тогда подумала, что он спрашивает – зачем ей нужна эта ложь? Но Марк спрашивал не об этом. Он спрашивал: зачем лгать, если это может стать правдой?

Она стояла перед ним, до глубины души терзаясь болью – всюду, где она отрывала от себя Джулиана. Как будто отрывала себе руку.

Говорят, что иногда люди присоединяются к Дикой Охоте, если пережили большую утрату и предпочитают изливать скорбь, воя на небеса, а не страдать молча на протяжении обычной серой жизни. Она помнила, как парила в небе вместе с обнимавшим ее Марком. Ветер уносил ее возгласы восторга в небеса, где не было ни боли, ни тревог, одно лишь забытие.

И вот перед ней снова Марк, прекрасный как ночное небо, и он протягивает ей руку и снова предлагает свободу. А что, если бы я смогла полюбить Марка, подумала она. Что, если бы смогла сделать эту ложь правдой?

Тогда не придется лгать. Если она сможет полюбить Марка, это уничтожит опасность. И Джулиану ничего не будет грозить.

И она кивнула. Протянула Марку руку в ответ.

Эмма позволила себе вспомнить тот вечер у нее в спальне, выражение глаз Марка, когда он спросил: «Зачем лгать?». Она вспомнила теплое пожатие его руки, пальцы, охватившие запястье. Как они чуть не споткнулись, так спешили очутиться ближе друг к другу, столкнувшись почти неловко, словно они танцевали – и пропустили шаг. Она схватила Марка за плечи и потянулась его поцеловать.

В Охоте он стал жилистым, не таким мускулистым, как Джулиан; кости плеч и ключицы отчетливо чувствовались под ее руками. Но кожа Марка там, где ладони Эммы скользнули под ворот его футболки, поглаживая верхнюю часть спины, была гладкой. И губы его под ее губами были теплыми.

На вкус он был горько-сладким и горячим, словно его била лихорадка. Эмма инстинктивно придвинулась ближе к нему; она не понимала, что ее саму трясет, но ее трясло. Под ее поцелуем он приоткрыл рот; он исследовал ее губы своими, и по телу Эммы плыли медленные волны тепла. Марк поцеловал ее в уголок губ, легко коснулся губами щеки.

Он отстранился.

– М-м, ты соленая, – с озадаченным видом сказал он.

Рукой, которой только что обнимала Марка за шею, Эмма коснулась своего лица. Щеки были мокрыми. Она плакала.

Марк нахмурился.

– Не понимаю. Ты хочешь, чтобы весь мир уверовал, будто мы пара, и все же рыдаешь, словно я сделал тебе больно. Я причинил тебе боль? Джулиан никогда меня не простит.

При звуке имени Джулиана она чуть было не сломалась. Эмма тяжело опустилась в изножье своей кровати и сжала руками колени.

– Джулиану так много всего приходится выносить, – сказала она. – Я не могу допустить, чтобы он еще и обо мне волновался. О моих отношениях с Кэмероном.

Эмма мысленно попросила прощения у Кэмерона Эшдауна, который на самом деле не сделал ничего плохого.

– Это скверные отношения, – продолжила она. – Нездоровые. Но всякий раз, как они заканчиваются, я снова в них вляпываюсь. Пора разорвать этот порочный круг. И мне надо, чтобы Джулиан об этом не беспокоился. На него и так уже слишком много свалилось – Конклав будет расследовать хаос, свалившийся на нас из-за смерти Малкольма, наши дела с Двором...

– Тс-с, – прервал он, усаживаясь рядом. – Я понимаю.

Он поднял руку и стянул одеяло с кровати на пол. Эмма с изумлением следила за тем, как Марк оборачивает его вокруг них обоих и подтыкает вокруг плеч.

Затем она подумала о Дикой Охоте – о том, как, должно быть, они с Кьераном лежали, прильнув друг к другу, в укрытиях, завернувшись в плащи, чтобы укрыться от холода.

Марк провел пальцами по ее скуле – но то был дружеский жест. Жар, которым полнились их поцелуй, ушел. И Эмма была рада. Чувствовать подобное к кому-либо, кроме Джулиана – даже тень подобного, – казалось неправильным.

– Те, кто не фэйри, утешаются ложью, – произнес он. – Не мне это осуждать. Я сделаю это для тебя, Эмма. Я тебя не брошу.

Она прислонилась к его плечу. Облегчение словно лишило ее тело веса.

– Но Кристине-то ты должна сказать, – прибавил Марк. – Она твоя лучшая подруга; ты не можешь скрывать от нее *так* много.

Эмма кивнула. Она и так собиралась рассказать Кристине. Кристина единственная знала о ее чувствах к Джулиану и ни на мгновение бы не поверила в то, что Эмма вместо него вдруг внезапно влюбилась в Марка. Даже из практических соображений следовало ей рассказать, и Эмма была этому рада.

– Я могу ей полностью доверять, – сказала она. – А теперь – расскажи мне про Дикую Охоту.

Он начал говорить, сплетая историю жизни, прожитой в облаках и в пустынных и заброшенных уголках земли. Города-призраки у подножия медных каньонов. Пепелище Орадур-сюр-Глан<sup>10</sup>, где они с Кьераном спали на наполовину сожженном сеновале. Песок и запах

---

<sup>10</sup> Орадур-сюр-Глан – деревня во Франции, разрушенная нацистами во время Второй Мировой войны. Во время тотального

океана на Кипре, в опустевшем курортном городе, где сквозь половицы заброшенных гранд-отелей проросли деревья.

Марк держал Эмму в объятиях и нашептывал ей свои рассказы, и постепенно она задремала. Отчасти удивив ее, на следующую ночь он вернулся – это поможет выставить их отношения более правдоподобными, сказал он, но в его глазах Эмма прочитала: Марку пришлось по вкусу ее общество, как и ей – его.

И так они с тех пор и проводили вместе каждую ночь, распластавшись на брошенных на пол покрывалах и обмениваясь историями; Эмма говорила о Темной войне, о том, как она порой чувствовала себя потерянной с тех пор, как уже не разыскивала убийцу своих родителей, а Марк рассказывал о своих братьях и сестрах, о том, как они с Таем поссорились и он боялся, что внушил младшему брату чувство, словно на него нельзя положиться, словно он в любой момент может исчезнуть.

– Просто скажи ему, что ты можешь уйти, но всегда к нему вернешься, – посоветовала Эмма. – Скажи, что жалеешь, если когда-то дал ему повод думать иначе.

Марк только кивнул в ответ. Он так никогда ей и не сказал, воспользовался ли ее советом – но она его советом воспользовалась и рассказала Кристине все. Это принесло ей огромное облегчение, и несколько часов Эмма навзрыд проплакала в ее объятиях. Джулиан даже разрешил ей вкратце изложить Кристине ситуацию с Артуром – в достаточной степени, чтобы стало понятно, как важно присутствие Джулиана здесь, в Институте, со своей семьей. Чтобы поделиться этой информацией, она спросила у Джулиана разрешения; разговор вышел ужасно неловкий, но Джулиан, казалось, почти испытывал облегчение от того, что удастся разделить эту тайну еще с кем-то.

Она хотела спросить еще, не планирует ли он вскоре рассказать и остальным Блэкторнам правду об Артуре. Но не смогла. Джулиан окружил себя стенами, которые казались неприступными, как терновые заросли вокруг замка Спящей красавицы. Эмма гадала, заметил ли это Марк или хоть кто-то из остальных – или же это могла увидеть только она.

Сейчас она обернулась взглянуть на Марка. Тот спал на полу, подложив ладонь под щеку. Эмма соскользнула с кровати, устроилась между одеял и подушек и свернулась клубочком рядом с ним.

В ее обществе Марку спалось лучше – так он сказал, и она этому верила. Ел он в последнее время тоже лучше, быстро набирая мышечную массу; его шрамы постепенно бледнели, а на щеки возвращался румянец. Эмма была рада. Может, в глубине души она и умирала от боли каждый день, но это была ее проблема – и она с ней справится. Никто не обязан был ей помогать, и в каком-то смысле она даже приветствовала боль. Та означала, что Джулиану не приходится страдать в одиночестве – даже если он считал именно так.

И если она могла хоть как-то помочь Марку, то это уже было *что-то*. Она любила его – так, как ей следовало бы любить Джулиана; дядюшка Артур назвал бы это *филией*, дружеской любовью. И хотя она никогда не смогла бы рассказать Джулиану о том, как именно они с Марком друг другу помогают, по крайней мере, ей казалось, что хотя бы это она может для Джулиана сделать: помочь его брату стать счастливее.

Даже если он никогда об этом не узнает.

Стук в дверь вырвал ее из дремы. Эмма подскочила; в комнате было темно, но она различила в полумраке ярко-рыжие волосы и любопытное лицо Клэри, выглядывавшее из-за двери.

– Эмма? Ты не спишь? Ты что, *на полу*?

---

истребления нацистами ее жителей было убито 642 человека, включая стариков, женщин и детей. Впоследствии Шарль де Голль приказал сохранить руины в качестве памятника погибшим; люди поселились в отстроенной неподалеку новой деревне с таким же названием.

Эмма опустила глаза на Марка. Тот явно спал, свернувшись под одеялами так, что Клэри его не видела. Эмма показала Клэри два пальца; та кивнула и захлопнула дверь; две минуты спустя Эмма уже была в холле, на ходу застегивая толстовку с капюшоном.

– Мы можем где-нибудь поговорить? – спросила Клэри. Она до сих пор такая маленькая, подумала Эмма, что иногда забываешь, что ей уже за двадцать. Забранные назад волосы были заплетены в косички, и от этого Клэри казалась еще моложе.

– На крыше, – решила Эмма. – Я тебя провожу.

Она провела Клэри вверх по лестнице, к стремянке и люку, и затем – на темную просторную крышу. Сама Эмма не была тут с той самой ночи, когда явилась в Институт с Марком. Казалось, с тех пор прошли годы – хотя она и знала, что всего лишь недели.

Черная асфальтовая черепица<sup>11</sup> после дня на жаре все еще оставалась горячей и липкой. Но ночь была прохладной – как и все ночи в пустыне, где температура с закатом падала, точно камень, брошенный с высоты – и океанский бриз шевелил влажные волосы Эммы.

Она пошла по крыше – Клэри шагала следом – к своему любимому месту: оттуда открывался прекрасный вид на шумевший внизу океан, на шоссе, выходящее по холму под Институтом, и на горы, темными пиками вздымавшиеся вдаль.

Эмма уселась на край крыши, подтянув колени к груди, позволив ветру пустыни ласкать ее кожу и волосы. Лунный свет посеребрил ее шрамы – особенно тот крупный, с внутренней стороны правого предплечья. Его она получила в Идрисе, когда проснулась среди ночи, крича и зовя родителей, и Джулиан, зная, что ей нужно, вложил ей в объятия Кортану.

Клэри села рядом с Эммой, склонив голову набок так, словно прислушивалась к ревущему дыханию океана, мягко накрывавшего волной берег и отступавшего прочь.

– Ну, с точки зрения видов нью-йоркский Институт вы точно победили. Там я с крыши не вижу ничего, кроме Бруклина. – Она обернулась к Эмме. – От Джема Карстерса и Тессы Грей тебе привет.

– Это они тебе про Кита рассказали? – спросила Эмма. Джем был очень дальним и очень старым ее родственником – хоть он и выглядел на двадцать пять, ему скорее было сто двадцать пять с лишним. Тесса была его женой – и к тому же могущественной колдуньей. Они обнаружили существование Кита и его отца как раз тогда, когда Джонни Грача растерзали демоны.

Клэри кивнула.

– Они отправились на миссию – и даже не говорят мне, что ищут.

– Я думала, они ищут Черную книгу?

– Как вариант. Я знаю, что первым делом они направились в Спиральный Лабиринт. – Клэри откинулась назад, опираясь на руки. – Знаю, что Джем очень хотел бы быть сейчас рядом с тобой. Чтобы ты могла кому-нибудь выговориться. Я ему сказала, что ты в любой момент можешь выговориться мне, но ты не звонила с той самой ночи после того, как умер Малкольм...

– Он не умер. Я его *убила*, – перебила Эмма. Ей все время приходилось напоминать себе, что она убила Малкольма, вспорола ему кишки Кортаной, потому что в это упорно не верилось. И от этого было больно, как бывает, если вдруг задеть колючую проволоку: внезапная боль из ниоткуда. Хоть он и получил по заслугам, от этого все равно было больно.

– Я же не должна переживать, да? – сказала Эмма. – Он был ужасным человеком. Мне пришлось это сделать.

– Да, и еще раз да, – отозвалась Клэри. – Но от этого не всегда легче.

Она взяла Эмму за подбородок, повернула ее лицо к себе.

– Слушай, если кто тебя тут и поймет, то я. Я убила Себастьяна. Своего брата. Я вонзила в него нож. – На мгновение Клэри показалась Эмме намного младше своих лет, как будто стала ровесницей Эммы. – Я до сих пор об этом думаю, мне до сих пор это снится. В нем было

---

<sup>11</sup> В Северной Америке черепица из асфальта – один из самых популярных кровельных материалов.

хорошее – немного, всего крупичка, но все это не дает мне покоя. Тот крошечный потенциал, который я уничтожила...

– Он был *чудовищем*, – в ужасе произнесла Эмма. – Убийцей хуже Валентина, хуже кого угодно. Ты обязана была его прикончить. Если бы ты оставила его в живых, он бы уничтожил мир – в буквальном смысле этого слова.

– Знаю, – Клэри опустила руку. – Для Себастьяна никогда не существовало даже тени шанса на искупление. Но снам это не мешает, разве не так? Во сне я до сих пор иногда вижу брата, который мог бы у меня быть в каком-нибудь другом мире. И у него зеленые глаза. И ты, наверное, видишь Малкольма, которого считала другом. Когда люди умирают, с ними умирают и наши сны о том, кем они могли бы быть... Даже если их кровь – на наших руках.

– Я думала, что буду счастлива, – сказала Эмма. – Все эти годы я хотела только мести тому, кто убил моих родителей. Кем бы он ни был. Теперь я знаю, что с ними случилось, и я убила Малкольма. Но чувствую... пустоту.

– После Темной войны я чувствовала себя так же, – призналась Клэри. – Я столько времени провела в беготне, сражениях и отчаянии. А потом все стало обычным. Но я не доверяла этой «обычности». Мы привыкаем жить определенным образом, пусть даже плохо или трудно. И когда этому приходит конец, остается дыра, которую нужно заполнить. Нам свойственно сразу заполнять ее тревогами и страхами. А чтобы заполнить ее хорошим, требуется время.

Эмма увидела, как на мгновение в лице Клэри проступило прошлое – ей вспомнилась девушка, которая настигла ее в дальней комнатухе Гарда и не дала ей скорбеть в одиночестве. Та, которая сказала: «Герои не всегда побеждают. Иногда они терпят поражение. Но продолжают бороться, продолжают вставать. Они не сдаются. Вот это и делает их героями».

Эти слова помогли Эмме пережить худшие времена.

– Клэри, – проговорила она. – Можно тебя кое о чем спросить?

– Конечно, о чем угодно.

– Найтшейд, – сказала Эмма. – Ну, знаешь, вампир, который...

Клэри явно удивилась.

– Глава вампирского клана Лос-Анджелеса? Которого вы, чуваки, вывели на чистую воду с темной магией?

– Это же была правда? Он действительно пользовался незаконной магией?

Клэри кивнула.

– Да, конечно. Всё у него в ресторане проверили, и да – определенно пользовался. Если бы не пользовался, не сидел бы сейчас в тюрьме!

Она осторожно накрыла руку Эммы своей.

– Знаю, иногда Конклав ошибается, – сказала Клэри. – Но в нем немало людей, которые стараются быть справедливыми. Ансельм правда был плохим парнем.

Эмма безмолвно кивнула. В конце концов, сомневалась она не в Ансельме.

А в Джулиане.

Губы Клэри изогнулись в улыбке.

– Ну ладно, хватит о скучном, – заявила она. – Расскажи мне что-нибудь веселое. Ты о личной жизни уже сто лет как не рассказывала. Ты до сих пор встречаешься с этим Кэмероном Эшдауном?

Эмма покачала головой.

– Я... я с Марком встречаюсь.

– С Марком? – Клэри воззрилась на Эмму так, словно та протянула ей двухголовую ящерицу. – С Марком Блэкторном?

– Нет, с *другим* Марком. Да, с Марком Блэкторном, – немного резко ответила Эмма. – А что, нельзя?

– Да просто... никогда не представляла тебя с ним вместе. – Клэри, судя по всему, была ошарашена.

– А с кем представляла? С Кэмероном?

– Нет, не с ним. – Клэри подтянула колени к груди, оперлась на них подбородком. – В том и дело, понимаешь, – произнесла она. – Я... в смысле, тот, с кем я тебя себе представляла... это бред какой-то. – Под удивленным взглядом Эммы она опустила глаза. – Наверное, ерунда какая-то. Если ты с Марком счастлива, я за тебя рада.

– Клэри, ты мне что-то не договариваешь?

Последовала долгая пауза. Клэри смотрела на темную воду. Наконец, она заговорила.

– Джейс сделал мне предложение.

– Ого! – Эмма почти раскрыла объятия, чтобы заключить в них Клэри, но вдруг увидела выражение ее лица. И замерла. – Что случилось?

– Я отказала.

– *Отказала?* – Эмма уронила руки. – Но вы же... вместе... разве вы уже не?..

Клэри поднялась на ноги. Она стояла на краю крыши, глядя на море.

– Мы всё еще вместе, – сказала она. – Я сказала Джейсу, что мне нужно время подумать. Уверена, он думает, что я чокнулась или... Ладно, я понятия не имею, что он думает.

– А тебе оно действительно нужно? – спросила Эмма. – Время подумать?

– Чтобы решить, хочу я за Джейса замуж или нет? Нет, не нужно. – В голосе Клэри звенело напряжение, причину которого Эмма понять не могла. – Нет, я знаю ответ. Конечно, хочу. Для меня существует только он и никого, кроме него, и так будет всегда. Иначе просто и быть не может.

От того, как Клэри это сказала, Эмму пробрала дрожь. *Для меня существует только он и никого, кроме него, и так будет всегда.* А еще ей стало страшно.

– Тогда почему ты отказала?

– У меня бывают сны... – сказала Клэри. Она пристально глядела на лунную дорожку на темной воде – словно белый мазок на черном холсте. – Когда я была в твоём возрасте. Сны, предвещавшие будущее, сны об ангелах и пророчествах. Когда закончилась Темная война, они прекратились. Я думала, их больше не будет, но в последние полгода... они вернулись.

Эмма почувствовала растерянность.

– Сны?..

– Они не такие четкие, как были когда-то. Но я чувствую... знаю, что грядет что-то ужасное. Вижу стену крови и тьмы. Тьму, которая простирается над миром и поглощает его. – Клэри сглотнула. – И есть кое-что еще. Это даже не образ чего-то, что должно случиться. Скорее, это *знание*.

Эмма встала. Ей хотелось положить руку Клэри на плечо, но что-то ее удерживало. Это была не Клэри – не та девушка, что утешала ее после смерти родителей. Это была Клэри, которая вошла в Эдом, обитель демонов, и убила Себастьяна Моргенштерна. Клэри, стоявшая лицом к лицу с Разиэлем.

– Знание о чем?

– Что я умру, – сказала Клэри. – И у меня осталось не так много времени. Это будет скоро.

– Это из-за вашей миссии? Ты думаешь, с тобой что-то случится?

– Нет... нет, ничего такого, – ответила Клэри. – Трудно объяснить. Я знаю, что это случится, но не знаю, когда или как.

– Все боятся смерти, – сказала Эмма.

– Не все, – возразила Клэри, – и я ее не боюсь. Но я боюсь оставить Джейса. Боюсь того, что с ним станет. И я думаю, что если мы поженимся, ему будет еще хуже. Брак... многое меняет. Это ведь обещание остаться с человеком. Но я не смогу пообещать остаться надолго... – Она опустила глаза. – Понимаю, похоже на бред. Но я знаю то, что знаю.



Последовало долгое молчание. В тишине у них под ногами шумел океан, пел ветер в пустыне.

– Ты ему сказала? – спросила Эмма.

– Я не говорила никому, кроме тебя. – Клэри обернулась и с беспокойством на нее поглядела. – Я прошу тебя об услуге. О крупной. – Она набрала воздуха в грудь. – Если я действительно умру, скажи им, Джейсу и остальным, что я знала. Я знала, что умру, и не боялась. Скажи Джейсу, что я отказалась выйти за него именно поэтому.

– Я... но почему я?

– Ты единственный человек, кому я могу это рассказать и не получить в ответ истерику – или заявление, что у меня нервный срыв и мне надо к психотерапевту. Саймон бы именно так и сказал. – Глаза Клэри подозрительно блеснули, когда она упомянула своего парабата. – И я тебе доверяю, Эмма.

– Я это сделаю, – сказала Эмма. – И конечно, ты можешь мне верить, я никому не скажу, но...

– Я верю, что ты сохранишь мою тайну, – перебила ее Клэри. – Во снах я вижу тебя с Кортаной в руке. – Она приподнялась на цыпочки и поцеловала Эмму в лоб, почти по-матерински. – Я верю, что ты всегда будешь бороться, Эмма. Я верю, что ты никогда не сдашься.

Кит заметил, что костяшки у него окровавлены, только когда они сели в машину. Когда он ударил по вывеске, то не почувствовал боли. Зато почувствовал сейчас.

Джулиан, который был уже готов завести мотор, заколебался.

– Я мог бы тебя вылечить, – сказал он. – С помощью *ираци*.

– С помощью *чего*?

– Это целебная руна, – объяснил Джулиан. – Одна из самых мягких. Как раз разумно будет, если ты начнешь с нее.

У Кита в голове промелькнула тысяча язвительных реплик, но он слишком устал, чтобы произнести их вслух.

– Не тыкай в меня этими вашими волшебными палочками, – буркнул он. – Я просто хочу... – Он чуть было не сказал «домой». – ...обратно.

Пока они ехали, Кит молчал и смотрел в окно. Шоссе было почти пустым, серое и безлюдное. Мимо промелькнули дорожные указатели Креншоу и Фэрфакса. Это был не прекрасный Лос-Анджелес пляжей, особняков и зеленых лужаек. То был Лос-Анджелес потрескавшихся тротуаров, увядающих деревьев и неба, свинцового от смога.

Эти места всегда были Киту домом, но сейчас он смотрел на них отстраненно, словно Сумеречные охотники уже втягивали его на свою странную орбиту, прочь от всего, что он знал раньше.

– Что со мной будет? – вдруг прервал он молчание.

– Что? – Джулиан скривился, взглянув на пробку в зеркале заднего вида. Кит видел его сине-зеленые глаза, почти отвратительные в своей необычности. Кажется, у всех Блэкторнов, кроме Тая, глаза были такие (в случае с Марком – один глаз).

– Выходит, Джейс – моя настоящая семья, – сказал Кит. – Но я не могу жить с ним, потому что он со своей красоткой отправляется на какое-то там секретное задание.

– Яблочко от яблони Эрондейлов падает недалеко, – пробормотал Джулиан.

– Что?

– Ее зовут Клэри. Но, в общих чертах, ты прав. Прямо сейчас он забрать тебя не может. Это сделаем мы. И это не проблема. Сумеречные охотники дают приют Сумеречным охотникам. Мы так устроены.

– Ты правда считаешь, что это хорошая мысль? – спросил Кит. – В смысле, у тебя там и так полный дурдом, один только дядюшка-агорафоб да странный братец чего стоят.

Джулиан крепче стиснул руль, но сказал только:

– Тай не странный.

– Я про Марка, – сказал Кит. Последовала странная пауза. – Тай *не* странный, – добавил Кит, – он просто аутичный.

Пауза продолжилась. Кит даже задумался, не обидел ли он Джулиана.

– Да это фигня, – сказал он наконец. – Когда я еще ходил в школу для простецов, я знал там ребят из спектра. У Тая есть с ними кое-что общее.

– Какого спектра? – не понял Джулиан.

Кит удивленно посмотрел на него.

– Ты что, правда не понимаешь, о чем я?

Джулиан покачал головой:

– Ты, может, не заметил, но мы не особо погружены в культуру простецов.

– Это не культура простецов. Это... нейробиология. Наука. Медицина. У вас что, и рентгена нет? Антибиотиков?

– Нет, – сказал Джулиан. – Для мелочей, вроде головной боли, есть исцеляющие руны. Для более серьезных вещей – Безмолвные Братья. Медицина простецов у нас под строжайшим запретом. Но если есть то, что мне, по-твоему, следует знать о Тае...

Порой Кит хотел ненавидеть Джулиана, просто страстно этого желал. Джулиан обо-жал правила. Он *казался* нестигаемым, раздражающе невозмутимым и бесстрастным, именно таким, каким, судя по рассказам, должны быть Сумеречные охотники. Только вот на самом деле он таким не был. Нескрываемая любовь, с которой Джулиан произносил имя брата, его выдавала.

Кит внезапно напрягся. Недавний разговор с Джейсом отчасти унял тревогу, терзавшую его со времени смерти отца. Джейс представил все в таком виде, словно все еще может стать простым. Словно они все еще живут в мире, где можно положиться на удачу и ждать.

Теперь же, глядя на тянувшееся впереди серое шоссе, он думал: как ему вообще могло прийти в голову, что он сумеет выжить в мире, где все, что он знал, считается дурным знанием, а все его ценности (уж какие были, учитывая, что прививал их ему отец – человек по кличке «Грач-Рвач»), переворачивались с ног на голову.

В мире, где держаться тех, к кому манил его голос крови, означало навлечь на себя нена-висть тех, с кем он вырос.

– Неважно, – сказал он. – Я ничего не собирался говорить про Тая. Так, бессмысленная простецовая фигня.

– Кит, мне жаль, – произнес Джулиан. Они уже выехали на прибрежное шоссе. Вдали вид-нелся океан, высоко стоявшая полная луна отбрасывала на воду безупречно белую дорожку. – Я имею в виду то, что случилось на базаре.

– Они меня теперь ненавидят, – проговорил Кит. – Все, кого я знал.

– Нет, – сказал Джулиан. – Они тебя боятся. Это не одно и то же.

Может, и так, подумал Кит. Но пока что он вовсе не был уверен, что тут есть какая-то разница.

## 4

### Дикий сон

Кристина стояла на вершине холма, где когда-то был дом Малкольма Фейда, и смотрела на развалины.

Малкольм Фейд... Она не знала его так, как Блэкторны. Он был им другом, или, во всяком случае, они так думали, на протяжении пяти лет, и жил в нескольких километрах от них во внушительном особняке из стали и стекла, на безводных холмах Малибу. Кристина бывала здесь однажды вместе с Дианой, и Малкольм покорила ее своим чувством юмора и простым обхождением и приветливостью. Она даже пожалела, что верховный колдун Мехико не кто-то вроде Малкольма – молодежь и симпатичного, а ворчливая старуха с ушами нетопыря, которая жила прямо в Линкольн-Парке<sup>12</sup>.

Потом оказалось, что Малкольм – убийца, и все развалилось на куски. Ложь была разоблачена, их вера в него – разбита, безопасность Тавви оказалась под угрозой – пока они не сумели его вызволить, а Эмма не избавилась от Малкольма, пронзив его мечом.

Снизу, с шоссе, доносился шум машин. Чтобы сюда попасть, пришлось карабкаться по холму, и Кристина вспотела, вся кожа зудела. Клэри Фэйрчайлд стояла на груде строительного мусора, который некогда был домом Малкольма, и держала в руках странный предмет, похожий на гибрид клинка серафимов и металлоискателя. Марк, Джулиан и Эмма разбрелись по руинам и рылись в стекле и искореженном металле.

Джейс предпочел провести день с Китом в тренировочном классе Института. Крестину это восхитило. Ее воспитывали в убеждении, что нет ничего важнее семьи, а Кит и Джейс были последними живыми Сумеречными охотниками от крови Эрондейлов. К тому же, Киту нужны были друзья. Он был странным ребенком, еще слишком маленьким, чтобы считаться красивым, но его большие голубые глаза внушали желание довериться ему – даже если он в этот момент как раз обчищал ваш кошелек. Была в нем искорка озорства, напоминавшая ту, что горела в Хайме, лучшем друге детства Кристины. И эта искра с легкостью могла разжечь преступный огонь.

– ¿En que piensas?<sup>13</sup> – спросил подошедший к ней со спины Диего. Он был в джинсах и рабочих ботинках. И прицепил значок Центуриона на свою совершенно обычную черную футболку. Кристина и рада была бы не раздражаться, но ничего не могла с собой поделать.

Диего был красавцем. Говоря начистоту, намного красивее Марка. Черты Диего были более правильными, челюсть – более квадратной, а грудь и плечи – шире.

Кристина отпихнула ботинком несколько кусочков раскрашенной штукатурки. Им с Диего поручили осмотреть восточную часть дома, где раньше, кажется, находились спальня Малкольма и его шкаф. Крестине то и дело попадались обрывки одежды.

– Вообще-то я думала о Хайме.

– О. – В темных глазах Диего читалось сочувствие. – Понятно, что тебе его не хватает. Я тоже по нему скучаю.

– Тогда тебе не помешало бы с ним поговорить. – Кристина понимала, что ее слова звучат недобро, но ничего не могла с собой поделать. Она сама не знала, почему Диего так бесит ее. Может, потому, что она так долго винила его в том, что он ее предал, и теперь ей трудно его простить. А может, дело было в том, что чем меньше она винила Диего, тем более виноватым становился Хайме, а это казалось несправедливым, ведь Хайме тут не было, и он не мог ничего сказать в свою защиту.

---

<sup>12</sup> Линкольн-Парк – городской парк в черте Мехико.

<sup>13</sup> О чем думаешь? (исп.).

– Я не знаю, где он, – сказал Диего.

– Совсем? Не знаешь, где он находится, или не знаешь, как с ним связаться? – это как-то ускользнуло у Кристины из виду. Возможно, потому, что Диего об этом не упоминал.

– Он не хочет, чтобы я его беспокоил, – ответил Диего. – Все мои огненные послания возвращаются непрочитанными. С отцом он тоже не говорил, – их мать умерла. – И ни с кем из кузенов тоже.

– Так откуда тебе вообще знать, жив он или умер? – спросила Кристина, и тут же об этом пожалела. Глаза Диего сверкнули.

– Как бы там ни было, он по-прежнему мой младший брат, – отрезал он. – Если бы он умер, я бы знал.

– Центурион! – Клэри помахала им с вершины холма. Диего, не оглядываясь, ловко поспешил туда. Кристине было совестно, что она его расстроила; ее захлестнуло чувство вины, и она от души пнула тяжелый кусок штукатурки, из которого, как зубочистка, торчал кусок арматуры.

Штукатурка откатилась в сторону. Кристина уставилась на то, что лежало под ней, затем наклонилась и подняла. Перчатка – мужская, кожаная, мягкая как шелк, но в тысячу раз прочнее. Кожа была украшена набивным узором из разломанных надвое золотых корон.

– Марк! – позвала она. – ¡Necesito que veas algo!<sup>14</sup>

Мгновение спустя Кристина осознала, что находка застала ее врасплох настолько, что она позвала Марка по-испански – но, судя по всему, это было неважно. Марк уже успел спуститься к ней, легко перепрыгивая с камня на камень. Он стоял рядом с ней, ветер трепал его светло-золотые кудри, открывая заостренные кончики ушей. Вид у него был встревоженный.

– Что там такое?

Она протянула ему перчатку.

– Это же эмблема одного из Дворов фэйри, разве нет?

Марк повертел перчатку в руках.

– Сломанная корона – символ Короля Неблагого Двора, – пробормотал он. – Он считает себя истинным королем и Благого, и Неблагого Дворов, и пока не воцарится над обоими, корона останется разломленной надвое. – Он склонил голову набок, как птица, с безопасного расстояния рассматривающая кошку. – Но перчатки вроде этой... у Кьерана были такие, когда он явился в Охоту. Очень тонкая работа. Обычно их носит только знать. Точнее говоря, обычно только сыновья Короля их и носят.

– Не думаешь, что это Кьерана? – уточнила Кристина.

Марк покачал головой.

– Своих он... лишил. В Охоте. Но это значит, что кто бы ни приходил сюда к Малкольму, и кто бы ни оставил эту перчатку, он занимает высокое положение при Дворе. Или это сам Король.

Кристина нахмурилась.

– Странная находка...

Из ее кос выбились длинные пряди и теперь развевались на ветру. Марк протянул руку и заправил одну ей за ухо. Его пальцы легко коснулись ее щеки, глаза стали мечтательными и отстраненными. От близости, сквозившей в этом жесте, Кристина даже слегка вздрогнула.

– Марк, – сказала она. – Не надо.

Марк уронил руку. В отличие от большинства парней, которым девушка велела ее не трогать, он вовсе не выглядел рассерженным – всего лишь озадаченным и немного грустным.

– Это из-за Диего?

– И из-за Эммы, – очень тихо произнесла Кристина.

---

<sup>14</sup> Мне надо, чтоб ты кое на что взглянул (*исп.*).

Марк, казалось, еще больше удивился.

– Но ты же *знаешь*, что...

– Марк! Кристина! – позвала их Эмма. Они с Джулианом успели присоединиться к Диего и Клэр. Чувствуя благодарность за то, что не пришлось отвечать Марку, Кристина помчалась вверх по груде камней и стекла, радуясь, что ботинки и доспехи Сумеречной охотницы защищают ее от торчащих острых краев.

– Вы что-то нашли? – спросила она.

– Тебе когда-нибудь хотелось увидеть мерзкое щупальце поближе? – спросила Эмма.

– Нет, – отрезала Кристина, осторожно подходя ближе. На острие странного орудия Клэри было нанизано что-то неприятно обмякшее. Оно слегка подергивалось, обнажая розовые присоски на зеленой крапчатой шкуре.

– Никто и никогда не говорит «да», – печально заметила Эмма.

– Магнус когда-то познакомил меня с колдуном, у которого были такие же щупальца, – заявила Клэри. – Его звали Марвин.

– Не думаю, что это останки Марвина, – заметил Джулиан.

– Я не уверена, что это вообще чьи-то останки, – ответила Клэри. – Чтобы повелевать демонами моря, нужна или Чаша Смерти, или что-то вроде того – например, часть могущественного демона, которую можно было бы зачаровать. Думаю, у нас есть исчерпывающее доказательство связи между смертью Малкольма и недавними атаками головоногих.

– А теперь что? – спросила Эмма, косясь на щупальце. Ей не очень-то нравился океан и обитавшие в нем монстры, хотя на твердой земле она сразилась бы с кем (или с чем) угодно.

– А теперь возвращаемся в Институт, – сказала Клэри, – и будем думать, что делать дальше. Кто хочет понести щупальце?

Добровольцев не нашлось.

– Да ты издеваешься, – сказал Кит. – Не стану я отсюда прыгать.

– Ты хотя бы подумай. – Джейс свесился со стропил. – Это очень легко.

– Просто попробуй разок! – крикнула Эмма. Когда они вернулись из дома Малкольма, она, движимая любопытством, пришла в тренировочный класс – посмотреть, как идут дела. И обнаружила, что Тай с Ливви сидят на полу и наблюдают, как Джейс с переменным успехом убеждает Кита учиться метать ножи (на это Кит охотно согласился), а затем – прыгать и падать (к этому он был решительно не готов).

– А ведь отец предупреждал, что вы попытаетесь меня прикончить, – заявил Кит.

Джейс вздохнул. Он был в тренировочном доспехе и балансировал на сложной системе стропил под островерхой крышей. Эмма годами училась падать с этих самых стропил, и порой ломала кости.

Сумеречный охотник был обязан уметь лазать – демоны были шустрými, нередко могли похвастаться множеством конечностей и взбирались по стенам стремительно, словно пауки. Так что умение падать было не менее важно.

– У тебя получится! – крикнула Эмма.

– Да ладно? А если меня размажет по полу? – спросил Кит.

– Мы устроим тебе пышные похороны, – пообещала Эмма. – Положим твой труп в лодку и спустим с водопада, как викинга.

– Это из кино, – мрачно посмотрел на нее Кит.

– Возможно, – пожала плечами Эмма.

Джейс, у которого уже лопалось терпение, спрыгнул с самой высокой балки. Прежде, чем беззвучно приземлиться, слегка согнув ноги, он выполнил в воздухе изящное сальто. Затем выпрямился и подмигнул Киту.

Эмма украдкой улыбнулась. Когда ей было двенадцать, она по уши влюбилась в Джейса. Потом это превратилось в желание *быть* Джейсом – лучшим из всех. Лучшим бойцов, лучшим выживальщиком, лучшим Сумеречным охотником.

Пока что она этого не добилась, но с другой стороны, пытаться она тоже пока не бросила.

Кит, против собственной воли, явно был впечатлен, но потом вновь скривился. На фоне Джейса он казался *тощим*. Ростом он был почти как Тай, но не такой спортивный. Но в его руках и плечах, тем не менее, чувствовалась сила Сумеречного охотника. Эмма видела его в бою, когда ему грозила реальная опасность. Она знала, на что он способен.

– Ты сможешь, – сказал Джейс, показывая сперва на стропило, а затем на Кита. – Как только захочешь.

Эмма прекрасно понимала выражение глаз Кита. *А может, никогда не захочу.*

– Какой там девиз у нефилимов?

– Мы прах и тени, – отозвался Тай, не отрываясь от книги, которую читал.

– Некоторые, впрочем, очень даже симпатичный прах, – прибавил Джейс, когда дверь отворилась и в комнату заглянула Клэри.

– Пойдемте в библиотеку, – объявила она. – Щупальце начало разлагаться.

– Как же меня заводят твои развратные разговорчики, – сказал Джейс, натягивая доспешную куртку.

– *Взрослые*, – с некоторым отвращением произнес Кит и вышел из комнаты. К пущему веселью Эммы, Тай и Ливви тут же вскочили на ноги и последовали за ним. Она гадала, с чего это они так заинтересовались Китом. Неужели только потому, что он был их ровесником? Джейс, подумала она, наверняка списал бы это на знаменитое обаяние Эрондейлов, хотя, насколько ей было известно, его предшественники-Эрондейлы особым обаянием не отличались.

В библиотеке царил некоторый хаос. Щупальце и в самом деле начинало разлагаться, растекаясь липкой лужей розово-зеленой слизи. Эмме она показалась тошнотворно похожей на растаявший мармелад. Как отметила Диана, это значило, что время на определение демона стремительно истекало. И если Маркус не брал трубку, а связываться с Конклавом никто не хотел, оставалось только рыться в книгах, как в старые добрые времена. Каждому было выдано по стопке толстых трудов о морских тварях, и все разбрелись по библиотеке, чтобы изучить картины, рисунки, наброски, а иногда и приколотое к странице фото.

Спустя несколько часов Джейс вдруг решил, что им срочно необходима китайская еда. Судя по всему, без курицы кунг пао<sup>15</sup> и лапши в соусе из черных бобов ни одна исследовательская работа Института Нью-Йорка не обходилась. Пообещав всем лучшую китайскую еду, какую только можно добыть на Манхэттене, он выпроводил Клэри в пустой кабинет, чтобы та создала там портал. Из всех Сумеречных охотников это умела делать только она.

– Есть! – воскликнула Кристина минут через двадцать после того, как за Джейсом и Клэри закрылась дверь. Она подняла над головой увесистый экземпляр *Carta Marina*<sup>16</sup>.

Все сгрудились вокруг главного стола, и Диана подтвердила, что щупальце принадлежало морскому демону макара<sup>17</sup>, который, согласно наброскам между картами, напоминал нечто среднее между осьминогом и слизнем с огромной пчелиной головой.

– Скверно не то, что это морской демон, – поморщилась Диана, – а то, что останки демона макара выдерживают на суше не дольше одного-двух дней.

---

<sup>15</sup> Популярное китайское блюдо – обжаренные кусочки курицы с орехами.

<sup>16</sup> *Carta Marina et descriptio septentrionalium terrarum* («Морская карта и описание северных земель») – одна из самых ранних и точных карт Северной Европы, созданная шведским ученым, писателем и дипломатом Олафом Магнусом в 1539 году.

<sup>17</sup> В индийской, тибетской буддистской и некоторых других мифологиях – морское чудовище, прообразом которого послужили, согласно различным теориям, крокодилы либо крупные морские млекопитающие.

Джейс распахнул дверь библиотеки. Их с Клэри было почти не видно из-под бело-зеленых картонных коробочек с едой на вынос, на каждой из которых красовалась надпись «Нефритовый волк».

– Не поможете, а?

Исследовательская группа сделала небольшой перерыв, чтобы расставить еду на длинных библиотечных столах. Тут была и лапша ло-мейн<sup>18</sup>, и обещанная курица кунг пао, и мапо тофу<sup>19</sup>, и чжа цзян мянь<sup>20</sup>, и жареный рис с яйцом, и восхитительные шарики из кунжута, похожие на горячие конфеты.

Каждому выдали по бумажной тарелке – даже Тавви, который расставлял за стеллажом игрушечных солдатиков. Диего с Кристиной устроились на двухместном диванчике, а Джейс и Клэри – на полу, и ели лапшу из одной тарелки. Юные Блэкторны чуть не передрались из-за курицы – за исключением Марка, который пытался разобраться, как есть палочками. Наверное, подумала Эмма, в стране фэйри такого не было. Джулиан сидел за столом напротив Ливви и Тая, и, нахмурившись, смотрел на разлагавшееся щупальце. Как ни странно, это зрелище не отбило ему аппетит.

– Вы ведь дружите с великим Магнусом Бейном, так? – спросил Диего у Джейса и Клэри спустя несколько блаженных минут, когда все были заняты только едой.

– *Великим* Магнусом Бейном? – Джейс поперхнулся жареным рисом. Чёрч устроился у него в ногах, надеясь, что тот уронит кусочек курицы.

– Да, дружим, – сказала Клэри, сдерживая улыбку. – А что?

Джейс постепенно приобретал фиолетовый цвет. Клэри постучала его по спине. Чёрч заснул на спине, задрав вверх все четыре лапки.

– Я хотел бы взять у него интервью, – объяснил Диего. – Думаю, это был бы прекрасный материал для газеты Спирального Лабиринта.

– Вообще-то сейчас он очень занят. Макс, Рафаэль и всякое такое, – сказала Клэри. – В смысле, ты можешь, конечно, спросить...

– А кто такой Рафаэль? – перебила Ливви.

– Их второй сын, – сказал Джейс. – Они только что усыновили в Аргентине малыша. Сумеречного охотника, который осиротел из-за Темной войны.

– В Буэнос-Айресе! – оборачиваясь к Джулиану, воскликнула Эмма. – Когда мы встретили Магнуса у Малкольма, он сказал, что Алек в Буэнос-Айресе и что он собирается к нему поехать. Наверное, как раз этим они тогда и занимались.

Джулиан лишь кивнул в ответ, но не поднял глаз, чтобы признать воспоминание общим. Она и не должна от него этого ожидать, напомнила себе Эмма. Джулиан еще долго не станет таким, каким она его помнила; если вообще когда-нибудь станет прежним.

Она почувствовала, как ее щеки заливают краска, хотя никто больше этого вроде и не заметил, кроме Кристины, с беспокойством смотревшей на нее. Диего закинул руку Кристине на плечо, но та держала обе руки на коленях – и легонько помахала Эмме, практически одним пальцем.

– Возможно, нам стоит вернуться к обсуждению насущных проблем, – сказала Диана. – Если останки макары выдерживают на суше только день-два, то...

– То этот демон побывал в доме Малкольма совсем недавно, – подхватила Ливви. – Ну, типа, много времени спустя после его смерти.

---

<sup>18</sup> Лапша, отваренная в остром бульоне с соевым соусом.

<sup>19</sup> Соевый сыр, тушенный с фаршем в остром соусе.

<sup>20</sup> Лапша с мясным фаршем и соусом.

– Что странно, – произнес Джулиан, глядя в книгу. – Это глубоководный демон, довольно опасный и *очень* крупный. Кто-то должен был его заметить. К тому же, что ему искать в разрушенном доме?

– Тогда, выходит, другой чародей? – предположил Джейс. – Какой-нибудь соучастник Малкольма?

– Катарина не думает, что у Малкольма были соучастники, – возразила Диана. – Он был дружен с Магнусом, но в остальном держался скорее в одиночку – как теперь ясно, по очевидным причинам.

– Но если у него все-таки *был* соучастник-чародей, то вряд ли бы он трезвонил об этом по всем углам, – вставил Диего.

– Впечатление однозначно такое, что Малкольм, если бы с ним что-то случилось, был твердо намерен вредить и с того света, – сказала Диана.

– Ну, мы не только щупальце нашли, – заявила Кристина. – Марк, покажи им перчатку.

Эмма ее уже видела на обратном пути от Малкольма, но, когда Марк извлек перчатку из кармана куртки и положил на стол, склонилась над ней вместе со всеми.

– Знак Короля Неблагого Двора, – объяснил Марк. – Перчатки такого рода – чрезвычайная редкость. Кьеран носил такие, когда прибыл в Охоту. Порой на пирах я узнавал его братьев по плащам, перчаткам и наручам, похожим на эти.

– Выходит, странно, что у Малкольма такая была, – сказала Ливви. Тай, заметила Эмма, куда-то отошел от сестры; может, к стопкам книг?

– Ни один принц фэйри не расстанется с такой вещью по доброй воле, – заявил Марк. – Разве что в качестве знака особой милости – или чтобы скрепить обещание.

Диана нахмурилась.

– Мы знаем, что соучастником Малкольма был Иарлаф.

– Но Иарлаф не был принцем. Он даже не был знатным, – возразил Марк. – Это скорее могло означать, что Малкольм заключил сделку с самим Неблагим Двором.

– Мы знаем, что много лет назад он посещал Короля Неблагого Двора, – сказала Эмма. – И Король научил его стихотворению, которым Малкольм собирался воскресить Аннабель. «Горит пожар, потоп грядет...»

– «...в конце кровь Блэкторнов идет», – подхватил Джулиан.

И кровь Блэкторнов чуть было не пролилась. Чтобы поднять Аннабель из мертвых, Малкольму нужна была человеческая жертва и кровь, и жертва должна была быть из Блэкторнов. Он похитил Тавви и чуть не убил его. От одного воспоминания об этом Эмму пробрала дрожь.

– Но в то время знак Короля был другим, – сказал Марк. – Этот стали использовать только с начала Холодного мира. В стране фэйри время идет по-другому, но... – Он покачал головой, словно говоря: *не настолько по-другому*. – Я боюсь.

Джейс с Клэри переглянулись. Они ведь направлялись в страну фэйри на поиски оружия, разве нет? Эмма перегнулась вперед, собираясь спросить, что им известно, но прежде, чем она успела произнести хоть слово, в дверь Института позвонили и эхо разнеслось по всему зданию.

Все удивленно переглянулись. Но первым заговорил Тавви, подняв глаза из угла, в котором играл:

– Кто там?

Если Кит в чем и был хорош, так это в искусстве выскальзывать из комнаты незамеченным. Он практиковался в этом всю жизнь – пока отец принимал в гостиной нетерпеливых колдунов или особенно нервных оборотней.

Так что выбраться из библиотеки, пока все остальные ели китайскую еду и болтали, было не трудно. Клэри изображала какого-то «Инквизитора», и все смеялись. *Интересно*, – подумал



Кит, – *неужели им не кажется странным, что государственную должность назвали так, что единственные мысли, которые возникают, когда слышишь это слово, – о пытках.*

Он уже несколько раз бывал на кухне. Ему нравились такие помещения – кухня была по-домашнему уютной, с синими стенами и «деревенской» каменной раковиной. Да и в холодильнике было, чем поживиться. Кит предположил, что Сумеречные охотники, должно быть, часто не прочь были перекусить – особенно учитывая, сколько времени они проводили в тренажерном зале.

Кит задумался: а если бы он стал Сумеречным охотником, ему тоже пришлось бы столько качаться? Может, тогда бы у него выросли мускулы, кубики на животе и все такое, как у Джулиана и Джейса? Пока что он был худым, как Марк. Кит задрал футболку и посмотрел на свой плоский живот. Ни одного кубика.

Он вытащил из холодильника пластиковый контейнер с печеньем. Может, Сумеречных охотников взбесит, если он откажется качаться и будет просто сидеть и набивать желудок углеводами. *Я отрицаю вас, Сумеречные охотники,* – подумал он, снимая крышку с контейнера и запихивая в рот печенье. – *Моей сахарозависимости плевать на вас.*

Он позволил двери холодильника захлопнуться и чуть было не заорал в голос. На автомате проглотив печенье, Кит уставился перед собой во все глаза.

Посреди кухни, сунув руки в карманы, стоял Тай Блэкторн с болтавшимися на шее наушниками.

– Эти неплохие, – заметил он, – но мне больше нравятся шотландские песочные.

Мысли о Кондитерском Бунте тут же вылетели у Кита из головы. Несмотря на то, что Тай спал у порога его комнаты, он почти никогда еще с ним не заговаривал. Самую длинную тираду, обращенную к Киту, Тай произнес, когда в доме Грачей приставил Киту нож к горлу, и Кит не думал, что это можно считать полноценным общением.

Кит поставил контейнер на стол. Он снова почувствовал, что Тай его изучает: возможно, подсчитывает его плюсы и минусы, или что-то вроде. Если бы это был не Тай, а кто-то еще, Кит постарался бы перехватить его взгляд – но он знал, что Тай никогда не посмотрит ему в глаза. Было в каком-то смысле приятно в кои-то веки об этом не волноваться.

– У тебя кровь на руке, – сказал Тай. – Я ее раньше заметил.

– Ой. И правда. – Кит посмотрел на свои разбитые костяшки. – Поранился на Сумеречном базаре.

– Как? – спросил Тай, облачаясь на стол.

– Стукнул доску, – сказал Кит. – Я был зол.

Тай поднял брови. Брови у него были интересные, чуть ломаные, словно перевернутая буква «V», и очень черные.

– Тебе полегчало?

– Нет, – признал Кит.

– Могу всё исправить, – сказал Тай, вынимая из кармана джинсов один из волшебных карандашей Сумеречных охотников. Стило – так они назывались. Он протянул Киту руку.

Кит подумал, что мог бы и отказаться от этого предложения – как отказал Джулиану, когда тот предложил подлечить его в машине. Но не стал. Он доверчиво протянул Тая руку запястьем вверх, подставив его тому, кто еще недавно держал у его горла нож.

Пальцы Тая были прохладными и осторожными. Длинные пальцы, как и у всех Сумеречных охотников, заметил Кит. Возможно, это было связано с необходимостью владеть разными видами оружия. Кит задумался достаточно глубоко и лишь слегка дернулся, когда стило пересекло предплечье, оставив теплый след, как будто он провел рукой над пламенем свечи.

Тай стоял, опустив голову, черные волосы упали ему на лицо.

– Ну, посмотри, – сказал он, когда закончил.

Кит перевернул руку и увидел сходящиеся края ссадин на костяшках и красные шрамы, превращающиеся в гладкую кожу. Он уставился на черную метку у себя на предплечье. Интересно, подумал он, когда она начнет выцветать? Такое очевидное доказательство, что всё это правда, выбило его из колеи. Выходит, он действительно Сумеречный охотник.

– Вообще, это круто, – признал он. – Значит, вы вообще все, что угодно, можете вылечить? Ну, типа, как насчет диабета и рака?

– Мы можем лечить только некоторые болезни. Рак – не всегда. Моя мама от него умерла. – Тай убрал стило. – А что с твоей мамой? Она тоже была Сумеречным охотником?

– Не думаю, – сказал Кит. Отец иногда говорил, что его мать была танцовщицей из Вегаса и сбежала после рождения сына, но за последние две недели он успел догадаться, что тут Джонни Грач, пожалуй, чего-то недоговаривал. А насчет всего остального не договаривал точно. – Она умерла, – добавил он, не потому, что действительно так думал, а потому, что больше не хотел о ней говорить.

– Значит у нас обоих мамы умерли, – подытожил Кит. – Как ты думаешь, захочешь тут остаться? И стать Сумеречным охотником?

Кит только собрался ответить, но тут по дому разнесся низкий и мелодичный колокольный звон.

– Это еще что такое?

Тай поднял голову. Кит мельком увидел, какого цвета у него глаза: серые. Настолько серые, что уже почти серебристые.

Кухонная дверь распахнулась. За ней стояла Ливви с банкой газировки в руке. Присутствие Кита и Тая вовсе ее не удивило. Она растолкала их и уселась на стол, скрестив длинные ноги.

– Центурионы прибыли, – сказала она. – Все носятся, как подорванные. Диана пошла их встречать, А Джулиан выглядит так, будто собирается кого-нибудь убить...

– И ты хочешь знать, пойду я шпионить за ними вместе с тобой или нет, – закончил Тай. – Правильно?

Ливви кивнула.

– Предлагаю засесть где-нибудь, где нас не увидят. Потому что если Диана нас поймает, следующие два часа будем застилать Центурионам кровати и складывать полотенца.

Это решило дело. Тай кивнул и направился к двери, Ливви соскочила со стола и двинулась следом.

Положив руку на косяк, она притормозила и обернулась к Кита:

– Ты идешь?

Кит поднял брови.

– А вы точно этого хотите? – Он даже не думал спрашивать. Близнецы казались идеальной командой, посторонние им были не нужны.

Ливви усмехнулась. Кит нерешительно улыбнулся в ответ. Он привык к девушкам, даже к красивым, но что-то в Ливви заставляло его нервничать.

– Конечно, – сказала она. – Только одно предупреждение: гадкие комментарии о тех, за кем мы шпионим, *строго обязательны*. Естественно, если речь не идет о членах нашей семьи.

– А если сумеешь рассмешить Ливви, то шутка идет за две, – добавил Тай из коридора.

– Ну, в таком случае... – Кит двинулся за ними. Как там говорил Джейс? Ни один Эрондейл не в силах устоять перед вызовом.

Кристина с неудовольствием оглядела Центурионов – около двадцати человек, толпившихся у тяжелых входных дверей Института. У нее было не так много времени, чтобы подготовиться к встрече с друзьями Диего по Схоломанту. И уж точно она не собиралась явиться на эту встречу в пыльных доспехах и с волосами, заплетенными в косы.

Ну, что поделать. Она выпрямила спину. Сумеречным охотникам нередко доставалась грязная работа. И вряд ли Центурионы ждали от нее идеально чистой одежды. Хотя, заметила она, оглядевшись, их собственная одежда была именно такова. Форма Центурионов была похожа на обычные доспехи с накинутыми поверх полувоенными куртками, сиявшими металлическими пуговицами, и перевязями с вышитыми на них жезлами римских центурионов. На спине курток красовался родовой герб Центуриона: у юноши с песочными волосами – волк, у темнокожей девушки – кольцо из звезд. Юноши были коротко подстрижены; девушки или носили косы, или гладко зачесывали волосы назад. Все они выглядели аккуратными, профессиональными и слегка пугающими.

У двери в Убежище Диана болтала с двумя Центурионами: темнокожим юношей с регалиями *Primi Ordines* и юношей в куртке с волком. Они обернулись и помахали Диего, который как раз спускался по лестнице, а Кристина и все остальные следовали за ним.

– Поверить не могу, что они уже тут, – пробормотала Эмма.

– Будьте вежливы, – негромко посоветовала, подходя к ним, Диана. Легко ей говорить, подумала Кристина. *Она-то* не была вся в пыли. Диана взяла Эмму за запястье, другой рукой вцепилась в Джулиана и потащила их общаться с Центурионами; Джулиана она подтолкнула к симпатичной девушке-индианке с золотым гвоздиком в носу, а Эмму – к темноволосым девушке и юноше, явно близнецам, которые принялись ее разглядывать.

Кристина тут же вспомнила о Тае и Ливви, и стала высматривать, не выглядывают ли они со второго этажа, как это нередко бывало. Если и выглядывали, их было не видно. Спрятались, наверное. И Кристина их не винила. Повсюду на полу валялись чемоданы; кому-то придется провожать Центурионов в их комнаты, принимать их, придумывать, как всех накормить...

– Я и понятия не имел... – заметил Марк.

– О чем? – спросил Диего, помахав в ответ двум юношам, которые беседовали с Дианой, и они тут же двинулись в их сторону.

– Насколько Центурионы похожи на солдат, – объяснил Марк. – Я думал, что они – что-то вроде студентов.

– Мы и есть студенты, – отрезал Диего. – Даже после выпуска мы продолжаем учиться.

Прежде, чем Марк успел сказать что-то еще, два Центуриона подошли к ним. Диего похлопал их по спине и повернулся, чтобы представить:

– Мануэль, Раджан, это Кристина и Марк.

– *Gracias*<sup>21</sup>, – сказал юноша с волосами песочного цвета. На самом деле, они были светло-каштановыми, но выгорели на солнце. У него была кривоватая улыбка. – *Un placer conocerte*<sup>22</sup>.

Кристина даже ахнула.

– Вы говорите по-испански?

– *Es mi lengua materna*<sup>23</sup>, – рассмеялся Мануэль. – Я родился в Мадриде и вырос в мадридском Институте.

У него и правда был акцент, который Кристина по некотором размышлении сочла за испанский: смягченный звук «с», так что «грасиас», когда он ее поблагодарил, звучало как «грашиаш». Это было очаровательно.

Она увидела, как на другом конце холла Дрю, державшая за руку Тавви – они просили ее остаться в библиотеке и присматривать за братом, но Дрю захотела посмотреть на Центурионов, – подошла к Эмме, потянула за рукав и зашептала ей что-то на ухо.

Кристина улыбнулась Мануэлю.

– Я чуть было не провела свой выделенный на учебу год в Мадриде.

<sup>21</sup> Благодарю (*исп.*).

<sup>22</sup> Очень рад познакомиться (*исп.*).

<sup>23</sup> Это мой родной язык (*исп.*).

– Но пляжи тут получше, – подмигнул он.

Кристина заметила, что Эмма подошла к Джулиану и неловко постучала того пальцем по плечу. Она что-то ему сказала, тот кивнул и вышел вслед за ней из комнаты. Куда это они пошли? Кристине нестерпимо хотелось последовать за ними, а не оставаться тут вести светские беседы с друзьями Диего – даже если те и были вполне милыми.

– Мне хотелось себя испытать – смогу я говорить на английском все время или... – начала было Кристина, как вдруг выражение лица Мануэля изменилось – а затем Раджан потянул ее за рукав и оттащил с дороги как раз перед тем, как кто-то подскочил к Диего и схватил его за руку. Это оказалась белокожая девушка, бледная и круглолицая, с собранными в тугой пучок густыми каштановыми волосами.

Она бросилась Диего на грудь, и он тут же как-то поблек, словно вся кровь отхлынула от его лица.

– Зара?

– Сюрприз! – девушка поцеловала его в щеку.

У Кристины закружилась голова. Может, в доме Малкольма она перегрелась на солнце... Но честно говоря, *настолько* солнечно там не было.

– Я не думал, что ты приедешь, – сказал Диего. Судя по его виду, он все еще был в глубоком шоке. Раджан и Мануэль выглядели так, как будто им было очень не по себе, и чем дальше, тем больше. – Ты же говорила... ты говорила, что будешь в Венгрии...

– А, ты об этом! – небрежно отмахнулась Зара. – Оказалась какая-то полная ерунда. Кучка нефилимов твердила, будто их стила и клинки серафимов не работают; на самом деле они сами просто не разобрались. Зато тут происходит столько важного! – она взяла Диего под локоть и, сияя, повернулась к Кристине и Марку. Те молча смотрели на эту сцену. Диего выглядел так, словно его вот-вот стошнит; и улыбка Зары, по-прежнему не отпускавшей руки Диего, постепенно стала напряженной и застывшей.

– Я Зара Диарборн, – закатив глаза, наконец произнесла она. – Уверена, вы обо мне слышали. Я невеста Диего.

## 5

### Небо и могила

Джулиан шел за Эммой по институту, по коридорам, знакомым им даже в темноте. Оба хранили молчание. Косички Эммы раскачивались, и Джулиан смотрел на них, вспоминая, как уже тысячу раз шагал за Эммой по дороге к выходу из Института, и оба они шли с оружием, смеясь и болтая, и обсуждая то, что ожидало их впереди – чем бы это ни было.

И на сердце у него всегда становилось легче, стоило выйти из Института, запрыгнуть в машину и погнать по шоссе, с ветром в волосах и вкусом соли на коже. Сейчас, когда они вышли на плоскую песчаную равнину за Институтом, это воспоминание давило на грудь, точно гиря.

Джейс и Клэри уже их ждали – в куртках и с вещмешками в руках. Они склонились друг к другу и были погружены в беседу. Их тени, четкие, как будто вырезанные бритвой в вечернем свете, слились в одну.

Эмма кашлянула, и Джейс с Клэри оторвались друг от друга.

– Жаль, что мы вот так уходим, – неловко сказала Клэри, – но мы решили, что лучше будет избежать расспросов Центурионов о нашей миссии. – Она огляделась. – А где Кит?

– Думаю, он с Ливви и Таем, – ответила Эмма. – Я послала за ним Друзиллу.

– Я тут. – Кит, белокурый призрак стоял, сунув руки в карманы и удерживая плечом заднюю дверь Института, чтобы она не закрылась. *Ходит бесшумно*, – подумал Джулиан. – *Врожденное свойство Сумеречных охотников. А его отец был лжец и вор – они тоже ходят бесшумно.*

– Кристофер, у нас для тебя кое-что есть, – с непривычной мрачностью сказал Джейс. – Во всяком случае, у Клэри.

– Вот. – Клэри выступила вперед и положила Киту в ладони что-то, сверкнувшее серебром. – Это фамильный перстень Эрондейлов. Прежде, чем попасть к Джейсу, он принадлежал Джеймсу Эрондейлу. При жизни Джеймс был близок кое с кем из Блэкторнов.

Кит принял подарок с непроницаемым лицом. Он сжал кольцо в кулаке и кивнул. Клэри коснулась ладонью его щеки. Это был материнский жест, и на мгновение Джулиану показалось, что на лице Кита промелькнуло выражение уязвимости.

*У мальчика была мать*, – вдруг подумал Джулиан, – *но никто из нас ничего о ней не знает.*

– Спасибо, – сказал Кит. Он надел кольцо на палец и явно удивился, когда оно подошло по размеру. Фамильные перстни Сумеречных охотников всегда сидят идеально; это часть их магии.

– Если раздумываешь, не продать ли его, – сказал Джейс, – то я бы на твоём месте воздержался.

– А почему нет? – Кит поднял голову. Голубые глаза пристально уставились в золотые. Цвет глаз у них был разный, но лицо – одно, как и форма век, острые скулы и тревожная угловатость черт.

– Я бы *воздержался*, – с нажимом повторил Джейс; Кит пожал плечами, кивнул и исчез в недрах Института.

– Ты что, пытался его напугать? – возмутилась Эмма, как только за Китом захлопнулась дверь.

Джейс лишь усмехнулся в ответ.

– Спасибо Марку, что помог, – сказал он, заключив Эмму в объятия и взъерошив ей волосы. Следующие несколько мгновений прошли в суматохе объятий и прощаний, обещаний

Клэри при первой возможности отправить им огненное послание, а Джейс проверил, точно ли у них есть номер Алека и Магнуса на случай, если они попадут в беду.

Никто не упоминал, что, вообще-то, если они попадут в беду, нужно обратиться к Конклаву. Но Клэри и Джейс еще в юности научились не слишком ему доверять, и, судя по всему, с возрастом их подозрительность не уменьшилась.

– Не забудь, что я говорила тебе на крыше, – негромко сказала Клэри Эмме, положив руки девушке на плечи. – Что ты пообещала.

Эмма кивнула с необычной для себя серьезностью. Клэри отвернулась и подняла стило, готовясь создать портал в страну фэйри. Но как только текущие формы начали преобразовываться под ее руками, а контур двери замерцал в сухом воздухе, дверь Института снова с грохотом отворилась.

На сей раз это оказалась Дрю – с беспокойством на круглом личике. Она накручивала на палец одну из своих косичек.

– Эмма, лучше тебе вернуться, – сказала она. – С Кристиной что-то случилось.

Он вовсе не собирается, как придурок, играть с ними в шпионов, думал Кит. И плевать на то, сколько радости это доставляет близнецам, которые забились в угол на галерее второго этажа и разглядывали оттуда главный холл – перила надежно укрывали их от чужих глаз.

По большей части игра заключалась в попытках вычислить, кто кому что говорил, по движениям и жестам. Творческие порывы Ливви не знали границ – она была способна выдумать драматический сюжет даже там, где люди, скорее всего, попросту беседовали о погоде; она уже решила, что хорошенькая азиатская девушка в расшитой звездами куртке влюблена в Джулиана, а два других Центуриона – тайные соглядатаи Конклава.

Тай высказывался реже, но Кит подозревал, что он оказывается прав чаще. Он хорошо замечал всякие мелочи – например, у кого какой фамильный герб вышит на куртке, а значит, откуда человек родом.

– Что скажешь про Безупречного Диего? – спросила Ливви Кита, когда тот вернулся, попрощавшись с Клэри и Джейсом. Она сидела, обхватив руками колени, кудри рассыпались у нее по плечам.

– Смазливый ублюдок, – ответил Кит. – Волосы слишком хорошие. Не доверяю я людям с такими хорошими волосами.

– Думаю, та девушка с волосами, собранными в пучок, на него злится, – заметил Тай, придвинувшись ближе к перилам. Его лицо состояло сплошь из углов и острых линий. Кит проследил за его взглядом и увидел, что Диего разговаривает с бледной девушкой, размахивавшей руками.

– Кольцо! – Ливви поймала Кита за руку и перевернула ее ладонью вверх. На пальце у него сверкал перстень Эрондейлов. Сам он уже заметил изящную резьбу на нем: летящих птиц. – Это Джейс тебе дал?

Кит покачал головой.

– Клэри. Сказала, что оно принадлежало Джеймсу Эрондейлу.

– Джеймс... – Ливви выглядела так, словно отчаянно пыталась что-то вспомнить. Тут их накрыла чья-то тень, Ливви пискнула и выпустила его руку.

Это оказалась Эмма.

– Ну ладно, маленькие шпионы, – заявил она. – Где Кристина? В ее комнате я уже посмотрела.

Ливви указала наверх. Кит нахмурился. Он не подумал, что на третьем этаже может быть что-то, кроме мансарды.

– Ага, – сказала Эмма, – спасибо! – Она потрясла кулаками. – Ну, попадись мне только Диего!..

Снизу донесся возглас. Все четверо перегнулись через перила и увидели, как бледная девушка закатила Диего пощечину.

– Что за?.. – Изумление Эммы вновь сменилось гневом. Она развернулась и направилась к лестнице.

Тай улыбнулся. Со своими кудряшками и светлыми глазами, он казался ожившим херувимом с церковной фрески.

– Та девушка и правда злилась! – заметил он, в восторге от того, что угадал.

Кит расхохотался.

Небо над Институтом полыхало красками: ярко-розовый, кроваво-красный, глубокий золотой. Солнце садилось, и пустыня купалась в его сиянии. Институт сверкал, и океан сверкал тоже – там, вдали, где воды готовились принять светило.

Кристина оказалась именно там, где и подумала Эмма: она сидела, скрестив ноги, со своей обычной аккуратностью расстелив на черепице куртку от доспехов.

– Он за мной не пошел, – сказала она, когда Эмма подошла ближе. Черные волосы Кристины плясали на ветру, в ушах поблескивали жемчужины. Медальон на шее тоже блестел, и яркое солнце ярко подсвечивало выбитые на нем слова: «Благословен Ангел, твердыня моя, научающий руки мои битве и персты мои брани».

Эмма рухнула на крышу рядом с подругой – так близко, как только могла. Она потянулась к Кристине, взяла за руку и крепко стиснула.

– Ты про Диего?

Кристина кивнула. У нее на лице не было и следа слез. Учитывая обстоятельства, она казалась удивительно собранной.

– Подошла та девушка и заявила, что она его невеста, – произнесла Кристина. – И я подумала, что это, должно быть, какая-то ошибка. Даже когда я выбежала из комнаты, я все еще думала, что это ошибка, и он догонит меня и все объяснит. Но он не догнал. Следовательно, он остался из-за нее. Потому что она действительно его невеста, и значит для него больше, чем я.

– Не знаю, как он мог так поступить, – сказала Эмма. – Дикость какая-то. Он так тебя любит... Он ради тебя сюда приехал.

Кристина издала придушенный звук.

– Он же тебе даже не нравится!

– Иногда нравится... то есть, нравился, – сказала Эмма. – Его безупречность слегка бесила. Но как он на тебя смотрел... такое не сыграть.

– Эмма, у него есть невеста. Не просто девушка. Невеста. Кто знает, как давно он помолвлен? *Помолвлен*. Он собирается жениться!

– Испорчу им свадьбу, – предложила Эмма. – Выскочу из торта, но не сексуально, а, типа, с гранатой.

Кристина фыркнула, но затем отвернулась.

– Я чувствую себя такой дурой, – проговорила она. – Он мне солгал, и я его простила, и потом он снова солгал... Да что я за идиотка? С какой стати я вообще решила, что могу ему доверять?

– Потому что ты этого хотела, – сказала Эмма. – Тина, ты давно его знаешь, а это все-таки имеет значение. Когда кто-то так долго был частью твоей жизни, выкинуть его – все равно что отрубить дереву корни.

Последовало долгое молчание.

– Я знаю, – наконец сказала Кристина. – Я знаю, что ты понимаешь.

Эмма почувствовала во рту горечь. Сейчас она должна поддержать Кристину, а не распространяться о собственных проблемах.

– Когда я была маленькой, – сказала она, – мы с Джулсом почти каждый вечер приходили сюда на закате и дожидались зеленой вспышки.

– Зеленой... чего?

– Зеленой вспышки. Когда солнце садится, прямо перед тем, как оно исчезнет, ты видишь вспышку зеленого света. – Они обе уставились на воду. Солнце уходило за горизонт, по небу протянулись алые и черные полосы. – Если загадаешь желание, оно сбудется.

– Правда? – тихо проговорила Кристина, как и Эмма, не отрывавшая глаз от горизонта.

– Не знаю, – призналась Эмма. – Я много желаний успела загадать.

Солнце погрузилось под воду еще на несколько миллиметров. Эмма пыталась придумать, что бы загадать. Даже когда она была младше, она понимала, что есть вещи, которых желать бессмысленно: мир во всем мире, или чтобы родители воскресли... Вселенная не вывернется наизнанку ради тебя одного. Загадывать можно приятные мелочи: выспаться без кошмаров, чтобы с лучшим другом еще целый день ничего не случилось, чтобы на день рождения было солнечно.

– Помнишь, – спросила Эмма, – перед тем, как ты снова встретила с Диего, ты говорила, что нам стоит вместе поехать в Мексику? Провести там год в путешествии?

Кристина кивнула.

– Я нескоро смогу поехать, – продолжила Эмма. – Мне только зимой исполнится восемнадцать. Но когда исполнится...

Покинуть Лос-Анджелес. Провести год с Кристиной, учась, тренируясь и путешествуя.

Без Джулиана. Эмма вздрогнула, сдерживая боль, пронзившую ее от этой мысли. Это была боль, с которой придется научиться жить.

– Мне нравится эта идея, – сказала Кристина. От солнца уже оставался только золотой краешек. – Вот это я и загадаю. И, может, еще забыть Диего.

– Но тогда вместе со всем плохим тебе придется забыть и все хорошее. Я ведь знаю, что было и хорошее. – Эмма переплела пальцы с пальцами Кристины. – Он не твой человек. Он недостаточно сильный. Постоянно тебя подводит и разочаровывает. Я знаю, он тебя любит, но этого недостаточно.

– Очевидно, любит он не только меня.

– Может, он начал встречаться с ней, чтобы попытаться тебя забыть, – сказала Эмма. – А потом ты к нему вернулась, а он этого не ожидал и не знал, как ее бросить.

– Что за идиот! – сказала Кристина. – Я имею в виду, если бы это было правдой, которой оно не является.

Эмма рассмеялась.

– Ну ладно, хорошо, я сама в это не верю. – Она подалась вперед. – Слушай, просто разреши мне его за тебя отметить. Тебе станет легче...

– Эмма, нет. Даже пальцем его не трогай. Я серьезно.

– Я могла бы избить его ногами, – предложила Эмма. – Они на учете как боевое оружие. – И она поболтала ногами.

– Пообещай, что не тронешь его. – Кристина так грозно посмотрела на Эмму, что та подняла свободную руку.

– Ладно, ладно, обещаю, – сказала она. – Не трону Безупречного Диего.

– И орать на Зару тоже нельзя, – сказала Кристина. – Это не ее вина. Я уверена, что она понятия не имеет о моем существовании.

– Тогда мне ее жаль, – сказала Эмма. – Потому что ты одна из самых классных людей, что я знаю.

Кристина слегка улыбнулась. Солнце уже почти зашло. Год вместе с Кристиной, подумала Эмма. Вдали от всего и всех, кто напоминал ей о Джулиане. Год на то, чтобы забыть. Если она сумеет это выдержать.



Кристина тихонько ахнула.

– Смотри, вот оно!

Небо полыхнуло зеленым. Эмма закрыла глаза и загадала желание.

Когда Эмма вернулась в свою спальню, она с удивлением обнаружила, что Марк и Джулиан уже там и стоят по разные стороны ее кровати, оба – скрестив руки на груди.

– Как она? – спросил Марк, не успев за Эммой закрыться дверь. – В смысле, Кристина.

В его глазах читалось беспокойство. Взгляд Джулиана был более суровым. Он казался бесстрастным и властным, что, как знала Эмма, означало, что он разозлен.

– Она расстроена?

– Конечно, расстроена, – сказала Эмма. – Думаю, не столько потому, что он успел несколько недель опять побыть ее парнем, сколько потому, что они так долго друг друга знают. Их жизни переплетены.

– Где он сейчас? – спросил Марк.

– Помогает Диане и остальным привести комнаты для Центурионов в порядок, – сказала Эмма. – Не подумаешь, что таскание простыней и полотенец по дому способно хоть кого-то приободрить, но Диана обещает, что способно.

– В стране фэйри я бы вызвал Розалеса на дуэль, – произнес Марк. – Он нарушил клятву, более того – любовную клятву. Если бы Кристина позволила мне защищать ее, Розалесу пришлось бы сойтись со мною в бою.

– Что ж, не выйдет, – сказала Эмма. – Кристина заставила меня пообещать, что я и пальцем его не трону. И держу пари, что и на вас обоих это тоже распространяется.

– Ты хочешь сказать, что мы ничего не можем сделать? – нахмурился Марк. Хмурился он так же, как Джулиан. Что-то в них такое есть, подумала Эмма, хоть один и был темноволосый, а другой – белокурый; в этот миг они походили на братьев намного больше, чем за все немалое прошедшее время.

– Мы можем пойти помочь приготовить спальни, чтобы Кристина могла пойти спать, – предложила Эмма. – Диего с Зарой закрылись в одном из кабинетов, так что вряд ли она с ним столкнется, но отдохнуть ей не помешает.

– Мы отомстим Диего, складывая его полотенца? – уточнил Джулиан.

– Технически, это не его полотенца, – указала Эмма. – Это полотенца его друзей.

Она направилась к двери, а парни с неохотой пошли за ней. Было ясно, что, чем заправлять Центурионам кровати, они предпочли бы смертельную схватку на ристалище. Эмма сама не слишком радовалась такой перспективе. Джулиан куда лучше стирал и застилал постели, чем она.

– Я могу присмотреть за Тавви, – предложила она. Марк обогнал ее по коридору; оказалось, что она идет рядом с Джулианом.

– Он спит, – сказал тот. Он не уточнил, как ему удалось во всей этой суете улучшить момент, чтобы уложить Тавви спать. В этом был весь Джулиан: уж время выкраивать он умел. – Знаешь, что мне кажется странным?

– Что? – спросила Эмма.

– Диего не мог не знать, что его выведут на чистую воду, – произнес Джулиан. – Даже если он и не ожидал, что Зара приедет сегодня вместе с остальными Центурионами, все они и так про нее знают. Кто-нибудь непременно упомянул бы его невесту или помолвку.

– Хорошо подмечено. Диего, может, и подлец, но не идиот.

– Можно причинить ему боль, не тронув при этом и пальцем, – проговорил Джулиан. Он сказал это очень тихо, так, чтобы слышала только Эмма. В его голосе было нечто темное, и ее пробрала дрожь. Она повернулась, чтобы ответить, но увидела, как по коридору к ним идет Диана – с видом человека, который только что застал кого-то отлынивающим от работы.

Она отправила их в разные места Института: Джулиана – в мансарду, проверить, как там Артур, Марк – на кухню, а Эмму – в библиотеку, помогать близнецам с уборкой. Кит словно испарился.

– Он не сбежал, – с готовностью сообщил Тай. – Просто не захотел застилать кровати.

Когда они закончили уборку, решили, в какую спальню кого из Центурионов поселить, и заказали доставку еды на завтра, было уже довольно поздно. Еще они назначили патруль, чтобы посменно обходить Институт ночью – на случай появления бродячих морских демонов.

Направляясь по коридору в свою комнату, Эмма заметила, что из-под двери Джулиана пробивается свет. Вообще-то, дверь была приоткрыта, и в коридор лилась музыка.

Эмма сама не заметила, как оказалась перед комнатой Джулиана и подняла руку, чтобы постучать. По правде говоря, она *постучала*. Эмма в изумлении опустила руку, но Джулиан уже распахнул дверь.

Эмма моргнула. Джулиан был в старых пижамных штанах, с переброшенным через плечо полотенцем и кистью в руке. На его обнаженной груди и даже на волосах видны были брызги краски.

Он не прикасался к ней, но Эмме было не скрыться от его тела, его тепла. Черные спирали Меток покрывали торс Джулиана, словно виноградная лоза – колонну. Некоторые из них она нанесла сама, еще тогда, когда от прикосновения к его телу у нее не тряслись руки.

– Тебе что-то нужно? – спросил он. – Уже поздно. Марк тебя, наверное, уже ждет.

– Марк? – на мгновение она забыла о Марке.

– Я видел, как он зашел в твою комнату. – Краска капнула с кисти на пол. За спиной Джулиана Эмма видела его комнату. Казалось, она уже целую вечность туда не входила. Часть пола была накрыта пленкой, а там, где Джулиан обновлял роспись, занимавшую две стены, виднелись более яркие участки.

Эмма помнила, как он это рисовал, когда они вернулись из Идриса после Темной войны. Они лежали в кровати без сна, как часто бывало еще тогда, когда они были совсем детьми. Эмма рассказывала, как нашла в библиотеке сборник волшебных сказок – из тех, что сотни лет назад читали простецы, и какие они оказались кровавые и полные убийств и скорби. Она рассказала ему о замке из «Спящей Красавицы», окруженном колючим кустарником, и как сотни принцев пытались прорваться к нему, чтобы спасти принцессу, но каждому из них сердце пронзили терновые шипы, и тела лежали вокруг, пока солнце не сожгло их до белых костей.

На следующий день Джулиан расписал свою спальню: замок и терновая стена, белые кости и печальный принц со сломанным мечом в руке. На Эмму это произвело большое впечатление. А еще им пришлось неделю спать у нее, пока краска не высохла.

Она никогда не спрашивала, почему именно этот образ, эта история вызвали у Джулиана такой отклик. Она всегда знала: если бы он хотел ей рассказать, то рассказал бы.

Эмма прочистила горло.

– Ты сказал, я могу причинить Диего боль, даже пальцем его не тронув. Что ты имел в виду?

Джулиан провел свободной рукой по волосам. Он выглядел взъерошенным. И прекрасным.

– Лучше я не буду тебе этого говорить.

– Он причинил боль Кристине, – сказала Эмма. – И, похоже, ему на это наплевать.

Джулиан закинул руку за голову, разминая шею сзади. Когда он потянулся, мускулы на груди и животе пришли в движение. Эмма помнила, какова его кожа на ощупь, и отчаянно жалела, что не может повернуть время вспять и вновь стать той, кто не разваливается на куски при одном только виде Джулиана. Они ведь выросли вместе, она миллион раз видела его без футболки.

– Я видел его лицо, когда Кристина выбежала из холла, – сказал Джулиан. – Полагаю, ты зря волнуешься, ему достаточно больно.

Он взялся за дверную ручку.

– Никто не может читать мысли других людей или до конца понимать их мотивы, – произнес он. – Даже ты, Эмма.

И захлопнул дверь у нее перед носом.

Завернувшись в одеяло, Марк лежал на полу у ее кровати. Из одеяла торчали только босые ноги.

Казалось, он спал (опущенные веки темнели как полумесяцы на фоне бледной кожи), но, когда Эмма вошла, приоткрыл синий глаз.

– Она в порядке?

– Кристина? Да. – Эмма уселась на пол рядом с ним и прислонилась к кровати. – Паршиво себя чувствует, но она выкарабкается. Она тебе нравится, да?

Марк перекатился набок и уставился на нее тем взглядом фэйри, от которого ее всякий раз накрывало чувством, будто она стоит одна в чистом поле и смотрит, как ветер колышет траву.

– Само собой, она мне нравится.

Эмма мысленно прокляла экспрессию языка фэйри – «нравиться» ничего для них не значило. Они жили в мире любви или ненависти, презрения или поклонения.

– Твое сердце питает к ней чувство? – она решила сформулировать точнее.

Марк сел.

– Не думаю, что она... чувствует ко мне то же самое.

– Почему нет? – сказала Эмма. – Ты же знаешь, предрассудков против фэйри у нее точно нет. Ты ей нравишься...

– Она добрая, нежная, щедрая сердцем. Разумная, вдумчивая, добрая...

– Ты уже говорил «добрая».

Марк наградил ее испепеляющим взглядом.

– Она совсем на меня не похожа.

– Не обязательно быть на кого-то похожим, чтобы его любить, – сказала Эмма. – Посмотри хоть на нас с тобой. Мы очень похожи, и все-таки не чувствуем ничего такого друг к другу.

– Только потому, что у тебя есть кто-то еще. – Марк сказал это довольно бесстрастно, но Эмма с удивлением на него посмотрела. *Он знает про Джулса*, с ужасом подумала она, и тут же вспомнила свою ложь насчет Кэмерона.

– Какая жалость, правда? – безмятежно сказала она, пытаясь сдержать бешеное биение сердца. – Мы с тобой, вместе, это было бы... так просто.

– Страсть – это непросто. И отсутствие таковой – тоже. – Марк прислонился к ней теплым плечом. Эмма вспомнила их поцелуй, свои пальцы в его мягких кудрях. Прижавшееся к ней его тело, отзывчивое и сильное.

Но даже несмотря на то, что Эмма изо всех сил пыталась уцепиться за этот образ, он проскальзывал между пальцами, как песок. Как на пляже в ту ночь, когда она лежала там с Джулианом. В ту единственную ночь, которую им довелось провести вместе.

– Ты выглядишь печальной, – сказал Марк. – Я сожалею, что заговорил о любви. – Он коснулся ее щеки. – Может, когда-нибудь в другой жизни. Мы с тобой.

Эмма устало откинула голову на спинку кровати.

– Когда-нибудь в другой жизни.

## 6

### Странник праздный

На кухне не хватило бы места, чтобы принять всех обитателей Института, да еще и двадцать с лишним Центурионов в придачу, поэтому завтрак накрыли в столовой. Портреты старых Блэкторнов глядели со стен на тарелки с яичницей с беконом и подставки с тостами. Кристина пробиралась в толпе, стараясь, чтобы ее не заметили. Она вообще бы не стала спускаться, если бы ей не был так отчаянно нужен кофе.

Она огляделась в поисках Эммы и Марка, но они еще не пришли. Эмма была «совой», и Марк тоже все еще тяготел к ночному образу жизни. Зато тут был Джулиан, раскладывавший по тарелкам еду, но на лице у него было приятное, почти бесстрастное выражение, которое он всегда принимал в присутствии чужих.

Забавно, подумала Кристина, что она знает Джулиана достаточно хорошо, чтобы это понять. Они оба любили Эмму, и это создало между ними некую связь, но то, что Кристина знала – и о чем Джулиан и не подозревал – разделило их. Джулиан пытался скрыть, что любит Эмму, а Кристина пыталась скрыть, что знает об этом. Она и хотела бы, чтобы у нее была возможность проявить к нему сочувствие, но он лишь отшатнулся бы в ужасе...

– Кристина.

Она чуть не уронила чашку. Это был Диего. Выглядел он ужасно – осунувшееся лицо, мешки под глазами, спутанные волосы. На нем были обычные доспехи, а значок Центуриона, кажется, куда-то делся.

Она вскинула руку.

– Aléjate de mí, Diego<sup>24</sup>.

– Просто выслушай меня...

Кто-то встал между ними. Тот испанец с волосами песочного цвета, Мануэль.

– Ты ее слышал, – сказал он по-английски. Пока никто на них не смотрел, все были заняты разговорами. – Оставь ее в покое.

Кристина вышла из комнаты, стараясь держать спину прямо. Она из рода Розалес, и жалость Центурионов ей не нужна.

Она толкнула входную дверь и сбежала по ступенькам. Кристина жалела, что Эмма еще спит. Они могли бы пойти в тренировочный класс и выпустить пар, раздавая инвентарю пинки и удары.

Она брела, ничего не видя, пока чуть не налетела на рябину с узловатым стволом, которая до сих пор росла перед Институтом, посреди нестриженого газона. Рябину, дерево бичевания, служившее для наказаний, посадили фэйри. Даже после того, как наказание было исполнено, после того, как дождь смыл кровь Эммы с камней и травы, дерево осталось.

– Кристина, прошу тебя!..

Она повернулась. Перед ней стоял Диего, который, очевидно, решил проигнорировать предупреждение Мануэля. Вид у него и впрямь был ужасный. Под глазами залегли такие глубокие тени, что казалось, что они вырезаны на лице, как у статуи.

Всего две недели назад, вспомнила она, когда она была ранена, он нес ее на руках по траве. Он крепко держал ее в объятиях, шептал ее имя. И все это время был помолвлен с кем-то еще.

Она прислонилась к стволу рябины.

– Ты что, правда не понимаешь, почему я не хочу тебя видеть?

---

<sup>24</sup> Отвали от меня, Диего (исп.).

– Естественно, понимаю, – ответил он. – Но это не то, что ты думаешь.

– Вот как? То есть ты не помолвлен? И не должен жениться на Заре?

– Она моя невеста, – признал Диего. – Но, Кристина... всё не так просто.

– Да куда уж сложнее.

– Я писал ей, – произнес он. – После того, как мы с тобой помирились. Я ей написал, что все кончено.

– Похоже, она не получала твоего письма, – сказала Кристина.

Диего запустил пальцы в волосы.

– Нет, получила. Она сказала, что прочитала его и именно поэтому приехала. Честно говоря, я и подумать не мог, что она так поступит. Когда она не ответила, я подумал, что всё кончено. Я подумал... Я был уверен, что свободен.

– Значит, вчера вечером ты ее бросил?

Он замялся, и сомнение, которое Кристина еще питала в глубине души, робкая надежда, что все это было ошибкой, исчезли, словно туман под палящими лучами солнца.

– Не бросил, – произнес он. – Я не могу.

– Но ты только что сказал, что бросил. Что в письме...

– Обстоятельства изменились, – сказал он. – Кристина, ты должна мне верить.

– Нет, – отрезала Кристина. – Я не поверю тебе. Я уже верила – вопреки тому, что слышала собственными ушами. Понятия не имею, что из того, что ты говорил раньше, правда. И понятия не имею, правду ли ты говорил про Хайме. Где он?

Диего уронил руки. Он был совершенно уничтожен.

– Я не имею права тебе всё рассказать. Если бы ты только мне поверила...

– Что тут происходит? – В сухом воздухе прозвенел высокий, чистый голос Зары. Она шагала к ним, и ее значок Центуриона сиял на солнце.

Диего смотрел на нее с лицом, искаженным от боли.

– Я разговариваю с Кристиной.

– Это я вижу, – заметила Зара с полуулыбкой, которая, казалось, вообще никогда не покидала ее лица. Она скользнула по Кристине взглядом и положила руку Диего на плечо.

– Возвращайся в дом, – велела она. – Мы распределяем поисковые участки на сегодня. Ты хорошо знаешь окрестности. Пора тебе подключаться, время не ждет. – Она постучала по циферблату своих часов.

Диего только раз взглянул на Кристину и повернулся к своей невесте.

– Ладно.

Бросив на Кристину последний, полный торжества взгляд, Зара взяла Диего под руку и на буксире потащила его обратно к Институту. Кристина смотрела им вслед. Выпитый кофе разъедал желудок, точно кислота.

К разочарованию Эммы, Центурионы никому из Блэкторнов не позволили сопровождать их во время поисков тела Малкольма.

– Нет уж, благодарю покорно, – заявила Зара, которая, судя по всему, назначила себя неофициальной главой Центурионов. – Мы этому обучены, а если взять на такое задание менее опытных Сумеречных охотников, это будет только отвлекать.

Эмма послала Диего, стоявшему рядом с Зарой, испепеляющий взгляд. Тот отвел глаза.

Почти весь день Центурионов не было, вернулись они как раз к ужину, готовить который в итоге пришлось Блэкторнам. На ужин подали спагетти – очень много спагетти.

– Скучаю по вампирской пище, – пробормотала Эмма, прожигая взглядом огромную миску с красным соусом.

Джулиан фыркнул. Он стоял над кастрюлей с кипятком; пар превращал его волосы во влажные кудряшки.

– Может, они нам хоть скажут, нашли что-нибудь или нет.

– Сомневаюсь, – вставил Тай, который готовился накрывать на стол. Это занятие с детства ему нравилось; Тай обожал раскладывать столовые приборы в четком, повторяющемся порядке. Ливви ему помогала. Кит успел незаметно ускользнуть, и найти его не представлялось возможным. Казалось, что вторжение Центурионов бесит его чуть ли не больше всех. Эмма вряд ли могла его упрекнуть – только он начал привыкать к нормальной жизни Института, как вдруг врываются какие-то люди, и все ждут, что он кинется их обслуживать.

Тай оказался прав. Ужин был шумным и веселым; Зара каким-то образом оказалась во главе стола вместо Дианы и коротко рассказала о событиях прошедшего дня – проведен обыск участков океана, ничего важного не найдено, хотя следы темной магии указывают на точку в дальних водах, где находится скопление морских демонов.

– Завтра мы туда отправимся, – подытожила она, изящно наматывая спагетти на вилку.

– Как именно вы ведете поиски? – спросила Эмма. Желание узнать больше о передовых технологиях Сумеречных охотников перевесило антипатию к Заре. В конце концов, как сказала Кристина, вины Зары в случившемся не было. Во всем виноват Диего. – У вас специальное оборудование?

– К сожалению, эта информация находится в интеллектуальной собственности Схоломанта, – спокойно улыбнулась Зара. – И даже тех, кто предположительно является лучшим Сумеречным охотником своего поколения, это тоже касается.

Эмма покраснела и откинулась на спинку стула.

– Что это значит?

– Не знаешь, что о тебе говорят в Идрисе? – Зара говорила вроде бы беззаботно, но карие глаза смотрели жестко. – Говорят ты новый Джейс Эрондейл.

– Ну, у нас еще старый никуда не делся, – озадаченно заметил Тай.

– Это поговорка, – тихо объяснил ему Джулиан. – Это значит, типа, кто-то такой же крутой.

Обычно он сказал бы: «Тай, я тебе это нарисую». Когда нужно было растолковать Таю сложные выражения, вроде «лопнул со смеху» или «восьмое чудо света», появлялись уморительные рисунки Джулиана – с пояснительными пометками, объяснявшими истинное значение слов.

Но сейчас Джулиан не стал рисовать, и это заставило Эмму посмотреть на него внимательней. Джулиан закрылся из-за Центурионов, и вряд ли можно его в этом винить. Когда Джулиан кому-то не доверял, обострялись его инстинкты защитника: он стремился скрыть любовь Ливви к компьютерам, необычный способ, каким Тай обрабатывал информацию, ужасики Дрю и наплеватьство, с каким Эмма относилась к правилам.

Джулиан с великолепной фальшивой улыбкой поднял стакан с водой.

– Разве знания – не общее достояние всех нефилимов? Мы сражаемся с одними теми же демонами. Разве справедливо, если у одной ветви нефилимов будет преимущество перед другой?

– Может быть, и справедливо, – сказала Саманта Ларкспир, женская половина Центурионов-близнецов, с которыми Эмма познакомилась накануне. Ее брата звали Дейн. У них были узкие, хищные, как у борзых, лица, бледная кожа и прямые темные волосы. – Не все обучены пользоваться любым оружием, а оружие, с которым не умеют обращаться, все равно что потеряно.

– Но ведь можно научиться, – вставил Марк.

– Тогда, возможно, однажды вы поступите в Схоломант и вас обучат, – ответила Центурион из Мумбая. Ее звали Дивья Джоши.

– Вряд ли в Схоломант примут того, в ком течет кровь фей, – заметила Зара.

– Конклав погряз в предрассудках, – сказал Диего. – Это действительно так.

– Мне не нравится слово «предрассудки», – возразила Зара. – Это всего лишь здоровый традиционализм. Они стремятся восстановить границы между обитателями Нижнего мира и Сумеречными охотниками. Смешение приведет к хаосу.

– Я хочу сказать, вы только посмотрите на Алека Лайтвуда и Магнуса Бейна, – размахивая вилкой, заявила Саманта. – Все в курсе, что Магнус пользуется своим влиянием на Лайтвудов, чтобы заставить Инквизитора снять нижнемирцев с крючка. Даже если речь идет об убийстве.

– Магнус никогда бы такого не сделал, – сказала Эмма. Она перестала есть, хотя, когда они сели за стол, умирала от голода.

– И Инквизитор не рассматривает обвинения, предъявленные обитателям Нижнего мира, только Сумеречным охотникам, – добавил Джулиан. – Роберт Лайтвуд не мог бы «снять нижнемирцев с крючка», даже если бы захотел.

– Да какая разница, – отмахнулась Джессика Босжур, Центурион. Она говорила с легким французским акцентом. Все ее пальцы были унизаны кольцами. – Союз Сумеречных охотников и Нижнего мира все равно скоро разгонят.

– Никто его не разгонит, – отрезала Кристина, поджав губы. – Это всего лишь слух.

– Кстати говоря, о слухах, – заявила Саманта, – я слышала, что Бейн приворожил Алека Лайтвуда заклятьем. – Ее глаза блестели, словно она никак не могла решить, нравится ей это или же кажется отвратительным.

– Это неправда, – произнесла Эмма с отчаянно колотящимся сердцем. – Это *вранье*.

Мануэль в ответ на это поднял бровь. Дейн рассмеялся.

– В таком случае, интересно, что будет, когда эффект заклинания рассеется, – сказал он. – Если Инквизитор перестанет быть таким дружелюбным... плохие новости для нижнемирцев.

Тай был в шоке, и Эмма не могла его в этом упрекнуть. Кажется, все до единого из кружка Зары плевать хотели на факты.

– Вы что, не слышали Джулиана? – сказала она. – Инквизитор не занимается нарушениями Соглашений обитателями Нижнего мира. Он не...

Ливви положила руку ей на запястье.

– Мы все здесь сторонники Соглашений, – сказал Мануэль, откидываясь на спинку стула.

– Соглашения были неплохой мыслью, – возразила Зара. – Но всякий клинок нуждается в заточке. Соглашения нуждаются в пересмотре. К примеру, следует урегулировать деятельность колдунов. Они слишком сильны – и слишком независимы. Мой отец планирует внести в Совет предложение о введении реестра колдунов. Каждый колдун обязан сдать данные о себе Конклаву, чтобы его отслеживали. Если эта модель покажет себя успешной, ее распространят на всех обитателей Нижнего мира. Нельзя допустить, чтобы они бегали повсюду на воле, а мы даже подвергнуть учету их не могли. Вы только посмотрите на случай Малкольма Фейда.

– Зара, ты несешь чушь, – сказал Джон Картрайт – один из Центурионов постарше; Эмма дала бы ему года двадцать два, как Джейсу и Клэри. Кроме того, что у него есть девушка по имени Марисоль, ей ничего о нем не вспомнилось. – Боишься перемен, словно дряхлый член Совета.

– Согласен, – вставил Раджан. – Мы студенты и бойцы, а не законотворцы. Чем бы твой отец не занимался, к Схоломанту это отношения не имеет.

– Но это же просто реестр... – вознегодовала Зара.

– Я что, один тут читал «Людей Икс» и понимаю, почему это плохая идея? – спросил Кит. Эмма понятия не имела, когда он успел вновь материализоваться, но он успел, и как раз лениво наматывал спагетти на вилку.

Зара нахмурилась, но тут же просияла.

– Ты Кит Эрондейл, – произнесла она. – Потерянный Эрондейл.

– Понятия не имел, что меня теряли, – сказал Кит. – Никогда потерянным себя не *чувствовал*.

– Должно быть, сильное впечатление – вдруг узнать, что ты Эрондейл, – сказала Зара. Эмма сдержалась и не стала указывать ей, что, если ты мало что знаешь о Сумеречных охотниках, то узнать, что ты Эрондейл – это все равно что узнать, что ты какая-то редкая улитка. – Я однажды видела Джейса Эрондейла.

Зара выжидающе огляделась.

– Ничего себе, – сказал Кит. Он и *правда* Эрондейл, подумала Эмма. Кит умудрился уместить в каких-то два слова достойную Джейса концентрацию безразличия и сарказма.

– Держу пари, ты ждешь не дожدهшься, когда попадешь в Академию, – продолжила Зара. – Поскольку ты Эрондейл, ты совершенно точно добьешься потрясающих успехов. Могу замолвить за тебя словечко.

Кит промолчал. Диана прочистила горло.

– Зара, Диего, какие у вас планы на завтра? Может ли Институт вам как-то помочь?

– Раз уж вы об этом заговорили, – сказала Зара, – было бы очень здорово...

Все, и даже Кит, с интересом подались вперед.

– ...если, пока нас не будет, вы постирали бы нам одежду. От морской воды она быстро портится, не правда ли?

Ночь накрыла Институт внезапно, как тени в пустыне, но, несмотря на доносившийся из окна шум прибоя, Кристина не могла уснуть.

Ее терзали мысли о доме. О матери, о кузинах. Лучшие – прошедшие – дни, проведенные с Диего и Хайме. Она вспомнила, как однажды в выходные они выслеживали демона в полуразрушенном городе-призраке Герреро-Вьехо. Вокруг был похожий на сон пейзаж: полузатонувшие дома, заросли сорняков, здания, стены которых давным-давно выцвели от воды. Она лежала вместе с Хайме на камне под небом, усыпанным мириадами звезд, и они рассказывали друг другу, о чем мечтают больше всего на свете: Кристина – положить конец Холодному миру; Хайме – вернуть доброе имя своей семье.

Кристина в изнеможении выбралась из кровати и пошла вниз, освещая себе путь только колдовским огнем. На лестнице было темно и тихо, из задней двери Института Кристина вышла почти бесшумно.

Маленькая земляная площадка, на которой стояла машина, была залита лунным светом. За ней виднелся сад, над песками пустыни нелепо белели мраморные статуи.

Кристина вдруг особенно остро почувствовала, как скучает по маминому розовому саду, как ей не хватает аромата цветов, который слаще запаха пустынного шалфея, и матери, расхаживавшей между аккуратными клумбами. Кристина шутила, что матери, должно быть, помогает какой-то колдун, ведь розы у нее цветут даже в самое жаркое лето.

Она отошла подальше от дома, к рядам калифорнийской вишни и ольхи. Подойдя поближе, она заметила тень и замерла, сообразив, что безоружна. *Дура!* – подумала она. Пустыня полна опасностей, и далеко не только сверхъестественных. Пуме нет никакой разницы, простец ты или нефилим.

Это оказалась не пума. Тень приблизилась; Кристина напряглась, затем расслабилась. Это был Марк.

Его волосы в лунном свете казались серебристо-белыми; из подвернутых джинсов торчали босые ноги. Когда он ее увидел, на его лице отразилось изумление; затем он без колебаний подошел к Кристине и коснулся ее щеки.

– Ты мне чудишься? – спросил он. – Я думал о тебе, и вот ты здесь.

Это было так похоже на Марка – честно говорить о своих чувствах. Фэйри не могут лгать, подумала она, а он вырос среди фэйри, и научился говорить о любви и любовных утехх у Кьерана, который был горд и высокомерен, но всегда правдив. Фэйри, в отличие от людей, не считали честность признаком слабости и уязвимости.



Это придало Кристине храбрости.

– Я тоже о тебе думала.

Марк легонько, будто перышком, провел большим пальцем по ее скуле. Его теплая ладонь гладила ее щеку.

– О чем именно?

– О твоём лице, когда Зара с приятелями говорили за ужином об обитателях Нижнего мира. О твоей боли...

Он невесело рассмеялся.

– Этого следовало ожидать. Будь я среди Сумеречных охотников последние пять лет, я бы, разумеется, уже привык к таким разговорам.

– Из-за Холодного мира.

Он кивнул.

– Когда правительство принимает подобное решение, оно придает смелости тем, кто и так чувствует предубеждение. И они начинают говорить вслух о своих тайных, полных ненависти мыслях. Они уверены, что им просто хватает смелости произнести то, о чем все и так думают.

– Марк...

– Зара считает, что меня нужно ненавидеть, – сказал Марк и его глаза потемнели. – Я уверен, что ее отец – один из тех, кто требует оставить Хелен в заточении на острове Врангеля.

– Она вернется, – заверила его Кристина. – Теперь, когда ты снова дома и так храбро сражался на стороне Сумеречных охотников, они обязательно ее отпустят.

Марк покачал головой и только сказал:

– Мне жаль насчет Диего.

Кристина накрыла его ладонь своей, коснувшись его легких и прохладных, как ивовые ветви, пальцев. Ей вдруг захотелось прикоснуться к нему снова и снова, узнать, какова его кожа на ощупь под рубашкой, коснуться его гладкого подбородка – он никогда не брился, ему это было и не нужно.

– Нет, – сказала она. – На самом деле тебе не жаль. Так ведь?

– Кристина, – беспомощно выдохнул Марк. – Можно мне?..

Кристина покачала головой. Если бы она позволила ему спросить, она не сумела бы отказать.

– Нам нельзя, – сказала она. – Эмма.

– Ты же знаешь, что это не по-настоящему, – сказал Марк. – Я люблю Эмму, но не в этом смысле.

– Но то, что она делает, важно. – Кристина отстранилась от Марка. – Джулиан должен в это верить.

Марк посмотрел на нее озадаченно, и Кристина вспомнила: Марк не знает. Ни о проклятии, ни о том, что Джулиан любит Эмму, ни о том, что Эмма любит его.

– Все должны в это верить. И к тому же, – поспешно прибавила она, – есть же еще и Кьеран. У вас с ним все только что закончилось. А у меня все только что закончилось с Диего.

Марка это как будто озадачило еще больше. Наверное, предположила Кристина, фэйри не переняли у людей обычай давать друг другу время – и пространство, – чтобы пережить разрыв отношений.

Возможно, это глупо. Может быть, любовь есть любовь, и следует хвататься за нее, как только встретишь. Ее тело отчаянно приказывало ей заткнуться: Кристине хотелось заключить Марка в объятия, держать его так же, как он держал ее, чувствовать его дыхание, чувствовать, как его грудь касается ее груди.

Что-то эхом отозвалось во тьме. Это было похоже на хруст ломающейся гигантской ветки, за которым последовал шум, как будто что-то волокли. Кристина резко обернулась и потянулась за ножом-бабочкой. Но тот остался внутри, на столике у кровати.

– Думаешь, это ночной патруль Центурионов? – шепнула она Марку.

Тот, прищурившись, тоже всматривался в темноту.

– Нет. Этот шум издал не человек. – Он вынул из ножен два клинка серафимов и вложил один ей в руку. – И не животное.

Ощущение клинка в руке было для Кристины привычным, его тяжесть действовала успокаивающе. Краткая пауза, чтобы нанести руну ночного видения, и она последовала за Марком в глубь ночи, укрывшей пустыню.

Кит приоткрыл дверь спальни и выглянул наружу.

В коридоре не было ни души. Ни Тая на полу за дверью, сидящего с книжкой или лежащего на полу в наушниках. Ни света из-под других дверей. Лишь тусклое сияние белых огоньков, рядами бежавших по потолку.

Пока Кит крался по замершему зданию и отпирал входную дверь Института, он все время был готов к тому, что вот-вот сработает сигнализация – какой-нибудь визгливый свисток или внезапная вспышка света. Но ничего подобного не случилось: лишь звук тяжелой двери, которая, скрипнув, отворилась и захлопнулась у него за спиной.

Он оказался снаружи, на верхней площадке лестницы, которая вела к утоптанной траве перед Институтом и дальше, к морю, залитому в лунном свете – черному и серебряному, с белой полосой, пересекавшей воду, как рубленая рана.

*Здесь очень красиво,* – подумал Кит, забросив вещмешок через плечо. – *Но не настолько, чтобы остаться. Нельзя продавать свободу за вид на пляж.*

Он принялся спускаться по лестнице. Нога коснулась первой ступеньки – и вылетела из-под него, а сам Кит опрокинулся на спину. Вещмешок взмыл в воздух. Чья-то рука держала его за плечо, и крепко; Кит вывернулся, едва не полетев кубарем по ступеням, и вырвал руку, столкнувшись с чем-то твердым. Кто-то придушенно зарычал – едва различимая фигура, еще одна тень среди теней, нависла над ним, загородив луну.

Секундой позже они падали уже вдвоем – Кит с грохотом упал на спину, темная тень рухнула сверху. Он почувствовал, как в него врезались острые колени и локти, а секундой позже вспыхнул огонек: идиотский камушек из тех, что они тут называют колдовскими огнями.

– Кит, – раздался голос у него над головой. Голос Тиберия. – Прекрати пихаться!

Тай отбросил с лица темные волосы. Он сидел на Ките, упираясь коленями в солнечное сплетение, поэтому дышать было не так-то просто, и был одет во все черное, как обычно одевались Сумеречные охотники, отправляясь на битву. Только руки и лицо у него были открыты и казались в темноте неестественно светлыми.

– Ты пытался сбежать? – спросил он.

– Я хотел прогуляться, – соврал Кит.

– Нет, ты врешь, – ответил Тай, мрачно глядя на вещмешок. – Ты пытался сбежать.

Кит вздохнул и со стуком откинул голову назад.

– Какая тебе разница, что я делаю?

– Я Сумеречный охотник. Мы помогаем людям.

– Теперь *ты* врешь, – убежденно заявил Кит.

Тай улыбнулся. Это была искренняя улыбка, из тех, что мгновенно озаряют лицо, и Киту вспомнилась их первая встреча. Тогда Тай на нем не сидел – он приставил кинжал Киту к горлу.

Кит смотрел на него, забыв про кинжал, и думал: *Он прекрасен.*

Прекрасен, как все Сумеречные охотники, как был прекрасен лунный свет, отражающийся в кромке разбитого стекла: восхитителен и смертельно опасен. Прекрасное и жестокое, жестокое, как могут быть жестоки люди, абсолютно уверенные в собственной правоте.

– Ты мне нужен, – сказал Тай. – Возможно, это тебя удивит.

– Удивило, – согласился Кит. Интересно, подумал он, прибежит кто-нибудь сюда со всех ног или нет. Ни приближающихся шагов, ни голосов он не слышал.

– Что случилось с ночным патрулем? – спросил он.

– Они, наверное, примерно в километре отсюда, – сказал Тай. – Пытаются помешать демонам приблизиться к Институту, а вовсе не тебе – выбраться. Так хочешь узнать, зачем ты мне нужен, или нет?

Киту невольно стало любопытно. Он приподнялся на локтях и кивнул. Тай сидел на нем так же непринужденно, как если бы Кит был диваном, но его пальцы – длинные, быстрые пальцы (Кит помнил, как искусно они обращались с ножом) – зависли над оружейным ремнем.

– Ты преступник, – сообщил Тай. – Твой отец был мошенником, а ты хотел быть как он. Твой вещмешок, скорее всего, полон вещей, которые ты украл из Института.

– Это... – начал Кит и осекся, когда Тай протянул руку, расстегнул молнию на мешке и принялся рассматривать освещенные луной кинжалы, шкатулки, ножны, канделябры и все остальное, что Кит успел украсть. – ...возможно, – закончил он фразу. – Но все равно, тебе-то какое дело? Ничего твоего там нет.

– Я хочу расследовать преступления, – сказал Тай. – Стать детективом. Но всем тут на это плевать.

– Разве вы не поймали убийцу вот буквально только что?

– Малкольм оставил записку, – убитым голосом возразил Тай, словно был разочарован тем, что Малкольм своим признанием испортил все расследование. – А потом он во всем *признался*.

– Ну, это, конечно, сужает список подозреваемых, – заметил Кит. – Слушай, если я тебе нужен, чтобы арестовать, то позволь заметить, что второй раз это провернуть не получится.

– Я не хочу тебя арестовывать. Я хочу, чтобы у меня был партнер. Кто-то, кто разбирается в преступлениях и людях, которые их совершают. Чтобы он мне помогал.

В голове у Кита словно вспыхнула лампочка.

– Ты хочешь, чтобы... Стой! Ты что, спал у меня под дверью, потому что... Шерлоку Холмсу нужен Ватсон?

Глаза Тая засияли. Он все еще разглядывал Кита, не встречаясь с ним взглядом, словно читая его, исследуя.

– Ты про них знаешь?

*Да все на свете про них знают*, – еле удержался Кит, но сказал только:

– Я не собираюсь становиться чьим-то Ватсоном. Не хочу расследовать преступления. Мне плевать на преступления. Плевать, совершают их или не совершают...

– Не думай о них как о преступлениях. Думай о них как о тайнах. К тому же, а что тебе еще делать? Сбежишь? И куда пойдешь?

– Мне плевать...

– Тем не менее, тебе не плевать, – сказал Тай. – Ты хочешь жить. Как все без исключения. Ты просто не хочешь сидеть в клетке, вот и все.

Он наклонил голову набок, глаза – бездонные, почти белые в свете колдовского огня. Луна зашла за облако, и другого источника света не осталось.

– Откуда ты знал, что я сегодня сбегу?

– Потому что ты начал привыкать к здешней жизни, – объяснил Тай. – Ты начал привыкать к нам. Но Центурионы... эти тебе не нравятся. Ливви первая это заметила. А после того, что Зара сегодня сказала насчет отправки в Академию – ты, наверное, после этого чувствуешь себя так, словно у тебя вообще не осталось выбора, что делать.

Это, на удивление, оказалось правдой. Кит не мог подобрать слов, чтобы объяснить, что он ощутил за обеденным столом. Словно стать Сумеречным охотником значило позволить запихнуть себя в машину, которая прожует тебя – и выплюнет Центуриона.

– Смотрю я на них, – сказал он, – и думаю: «Я, наверное, никогда не смогу стать как они, а никого, кроме себе подобных, они не выносят».

– Тебе не обязательно отправляться в Академию, – произнес Тай. – Можешь оставаться с нами, сколько хочешь.

Кит сомневался, что Тай уполномочен раздавать такие обещания, но все равно оценил.

– Пока я помогаю тебе распутывать тайны, – сказал он. – Как часто они тебе попадают? Или надо подождать, пока очередной колдун рехнется?

Тай прислонился к одной из колонн. Руки его порхали, словно ночные бабочки.

– Вообще-то у нас тут прямо сейчас есть тайна.

Кит невольно заинтересовался:

– И что за тайна?

– Думаю, они здесь не по той причине, по которой утверждают. Думаю, они что-то задумали, – сказал Тай. – И они определенно нам лгут.

– Кто лжет?

Глаза Тая сверкнули.

– Естественно, Центурионы.

Следующий день выдался кошмарно жарким – один из тех редких дней, когда сам воздух, казалось, замирает, а близость океана не приносит никакого облегчения. Когда Эмма с запозданием спустилась в столовую к завтраку, вентиляторы под потолком – которыми обычно пользовались редко – работали на полную мощность.

– Это что, был песчаный демон? – расспрашивал Кристину Дейн Ларкспир. – Демоны-акваны и иблисы в пустынях часто встречаются.

– Мы в курсе, – сказал Джулиан. – Марк уже сказал, что это был морской демон.

– Он ускользнул, когда мы посветили на него колдовским огнем, – подтвердил Марк. – Но остался запах морской воды – и мокрый песок.

– Поверить не могу, что тут по периметру нет защитных чар, – заявила Зара. – Почему никто об этом не позаботился? Придется мне попросить мистера Блэкторна...

– Защитные чары по периметру не смогли удержать Себастьяна Моргенштерна, – сказала Диана. – После этого они не использовались. Такие защитные чары редко когда срабатывают.

Судя по голосу, Диана еле сдерживалась. Эмма не могла ее винить.

Зара посмотрела на нее с чем-то вроде сочувственного превосходства.

– Ну, когда все эти морские демоны так и ползут из океана – чего они бы не делали, знаете ли, не будь где-то там тела Малкольма Фейда, – без защитных чар, я думаю, не обойтись. Вы так не считаете?

Все разом заговорили: большая часть Центурионов, за исключением Диего, Джона и Раджана, казалось, была согласна. Пока они планировали наведение утром защитных чар, Эмма постаралась поймать взгляд Джулиана, чтобы разделить его раздражение, но он смотрел не на нее, а на Марка с Кристиной.

– А что вы двое вообще делали снаружи ночью?

– Нам не спалось, – сказал Марк. – Мы друг с другом столкнулись.

Зара улыбнулась.

– Ну конечно же.

Она повернулась и прошептала что-то Саманте на ухо. Обе девушки захихикали.

Кристина залилась гневным румянцем. Эмма заметила, как Джулиан стиснул вилку – а затем медленно положил ту рядом с тарелкой.

Эмма прикусила губу. Если бы Марк с Кристиной захотели встречаться, она бы их на это благословила. Она бы разыграла с Марком какой-нибудь разрыв; их «отношения» уже многое

сделали из того, что должны были. Джулиан теперь едва мог на нее смотреть, а разве не этого она добивалась – ведь так?

Впрочем, казалось, что мысль об их с Марком разрыве вовсе Джулиана не радовала. Ничуть не радовала – если он вообще об этом думал. Было время, когда Эмма всегда могла сказать, что у Джулиана на уме. Теперь же она читала его мысли лишь на поверхности: его более глубокие помыслы были от нее скрыты.

Диего перевел взгляд с Марка на Кристину и встал, оттолкнув от себя стул. Он вышел из столовой. Мгновение спустя Эмма бросила салфетку на тарелку и последовала за ним.

Прежде, чем Диего заметил ее, он успел дойти до задней двери и выйти на парковку. Учитывая его выучку, это был верный признак того, что он очень расстроен. Сверкая темными глазами, он обернулся к ней.

– Эмма, – произнес он. – Я понимаю, ты хочешь меня отругать. Ты и так целыми днями меня ругаешь. Но сейчас не лучшее время.

– А когда будет лучшее? Запишешь это в ежедневник с пометкой «после дождика в четверг»? – подняла бровь Эмма. – Так я и думала. Пошли.

Вместе с Диего, нерешительно следовавшим за ней, она побрела за угол Института. Они дошли до небольшого пригорка между кактусами, который Эмма успела очень хорошо узнать.

– Стой тут, – указала она на пригорок.

Диего недоверчиво на нее уставился.

– Чтобы из окон нас не было видно, – объяснила она, и он ворчливо сделал, как велено, и встал, скрестив руки на мускулистой груди.

– Эмма, – сказал он, – ты не понимаешь и не можешь понять, и я не могу тебе этого объяснить...

– Пари держу, не можешь, – оборвала его Эмма. – Слушай, я, конечно, никогда не была от тебя в восторге... Но такого даже я от тебя не ожидала!

Лицо Диего дрогнуло, он стиснул зубы.

– Как я и сказал, ты не можешь понять, а я не могу объяснить.

– Одно дело, если бы ты просто встречался с ними параллельно, хотя и это кажется мне гадким, но... Зара? Она тут из-за тебя. Ты *знаешь*, что мы не... Ты *знаешь*, что Джулиан должен быть осторожен.

– Ему не стоит беспокоиться, – ровным голосом ответил Диего. – Зару заботит только собственная выгода. Не думаю, что ей есть какое-то дело до тайн Артура. Ее интересует только одно: как привлечь внимание Совета успешным завершением миссии.

– Легко тебе говорить, – заметила Эмма.

– У всего, что я делаю, есть причины, – произнес он. – Возможно, Кристине они пока не известны, но настанет день, и она все узнает.

– Диего, у всех есть причины. У Малкольма они тоже были.

Диего сжал губы так, что его рот превратился в тонкую линию.

– Не сравнивай меня с Малкольмом Фейдом.

– Потому что он был колдуном? – спросила Эмма, и в ее голосе звучала угроза. – Потому что ты думаешь так же, как твоя невеста? Насчет Холодного мира? Колдунов и фэйри? Насчет Марка?

– Потому что Фейд был убийцей, – процедил Диего. – Что бы ты обо мне ни думала, Эмма, я не безмозглый ксенофоб. Я не считаю обитателей Нижнего мира хуже себя, и не считаю, что их надо регистрировать или пытаться...

– Но признаешь, что Зара считает именно так, – заметила Эмма.

– Я никогда ничего ей не рассказывал, – сказал он.

– Может, ты понимаешь, почему я никак в толк не возьму, как ты мог выбрать ее – а не Кристину, – сказала Эмма.

Диего напрягся – и завопил. Эмма забыла, как быстро, несмотря на мощное телосложение, он может двигаться: Диего отскочил назад, отчаянно ругаясь и дергая левой ногой. Борьмоча от боли ругательства, он сбросил ботинок. По лодыжке Диего спешно маршировали вверх колонны муравьев.

– Ох ты ж боже ты мой, – сказала Эмма. – Ты, наверное, наступил на муравейник. Ну, знаешь, нечаянно.

Диего, все еще ругаясь, стряхнул с себя муравьев. Он сбил верхушку грязевого холмика, и оттуда так и повалили насекомые.

Эмма отступила на шаг.

– Не волнуйся, – заметила она, – они не ядовитые.

– Ты заманила меня на муравейник? – Диего уже сунул ногу назад в ботинок, но Эмма знала – если не применить *ираци*, укусы будут чесаться еще несколько дней.

– Кристина заставила меня пообещать, что я тебя не трону, так что пришлось подойти творчески, – сказала она. – Не следовало тебе врать моей лучшей подруге. Desgraciado mentiroso<sup>25</sup>.

Диего уставился на нее во все глаза.

Эмма вздохнула.

– Надеюсь, это значило то, что я думаю. Ужасно было бы обозвать тебя просто ржавым ведром или типа того.

– Нет, – сказал Диего. К ее удивлению, в его усталом голосе звучало веселье. – Это значило именно то, что ты думаешь.

– Прекрасно. – Она зашагала назад к дому. Эмма отошла так далеко, что еще пара шагов, и она бы уже не услышала оклик, и тут Диего позвал ее. Она обернулась и увидела, что он стоит там же, где она его оставила – судя по всему, не обращая внимания ни на муравьев, ни на палившее его плечи жаркое солнце.

– Поверь, Эмма, – сказал он достаточно громко, чтобы она услышала, – никто сейчас не ненавидит меня сильнее, чем я сам.

– Ты *правда* так думаешь? – спросила она. Эмма не кричала, но знала, что Диего услышит. Тот молча посмотрел на нее долгим взглядом, и она ушла.

Жара не спадала до раннего вечера, когда с океана нагрянул шторм. Центурионы ушли до полудня, и Эмме ничего не оставалось, кроме как с тревогой наблюдать из окон за тем, как солнце на горизонте скрывается за черно-серой грозовой грядой, то и дело вспарываемой молниями.

– Думаешь, с ними все будет в порядке? – спросила Дрю, теребя рукоять своего метательного ножа. – Разве они там не в лодке? Похоже, шторм будет сильный.

– Мы не знаем, *что именно* они делают, – сказала Эмма. Она чуть было не прибавила, что благодаря высокомерному стремлению Центурионов скрыть свои занятия от Сумеречных охотников Института, очень трудно будет их спасти, если что-то опасное *и правда* случится – но увидела выражение лица Дрю и сдержалась. Дрю чуть ли не молилась на Диего – несмотря ни на что, он мог до сих пор ей нравиться.

На миг Эмме стало стыдно за муравьев.

– Все с ними будет в порядке, – заверила Кристина. – Центурионы очень осторожны.

Ливви позвала Дрю с собой к забору, и та зашагала туда, где на тренировочном мате стояли Тай, Кит и Ливви. Каким-то чудом Кита удалось убедить одеться в тренировочный доспех. *С этими светлыми кудрями и угловатыми скулами он как мини-версия Джейса*, – весело подумала Эмма.

---

<sup>25</sup> Бесчестный лжец (*исп.*).

За их спинами Диана показывала Марку тренировочную стойку. Эмма удивилась – секунду назад там был Джулиан. Она была в этом совершенно уверена.

– Он пошел проверить, как там твой дядюшка, – сказала Кристина. – Он не любит штормов или что-то в этом роде.

– Нет, это Тавви не... – Эмма осеклась. Тавви сидел в углу тренировочного класса и читал книгу. Она вспомнила все те случаи, когда Джулиан исчезал во время грозы, утверждая, что это Тавви их боится.

Она сунула Кортану в ножны.

– Еще вернусь.

Кристина с беспокойством проводила ее взглядом. Кажется, никто больше не заметил, как Эмма выскользнула из тренировочного класса в коридор. Сквозь освещавшие его тяжелые окна лился странный серый свет, подсвеченный серебристыми искрами.

Она дошла до двери в мансарду и взбежала по лестнице; хотя она и не пыталась скрыть звук своих шагов, ни Артур, ни Джулиан, казалось, не заметили, когда она вошла.

Окна были плотно закрыты и заклеены бумагой – все, кроме одного, над столом, за которым сидел Артур. С него бумага была сорвана, и за стеклом виднелись бегущие по небу тучи, сталкивавшиеся и расплетавшиеся, словно толстые мотки черной и серой пряжи.

На нескольких принадлежавших Артуру столах валялись подносы с несъеденной едой. В комнате пахло гнилью и плесенью. Эмма сглотнула, подумав, не зря ли она пришла.

Артур обмяк в своем рабочем кресле, тонкие волосы ниспадали ему на глаза.

– Хочу, чтобы они ушли, – говорил он. – Мне не нравится, что они тут.

– Я знаю, – произнес Джулиан с поразившей Эмму нежностью. Как он мог не злиться? Она сама злилась – злилась на все, что сошлось воедино, чтобы принудить Джулиана повзрослеть на годы раньше, чем следовало. На все, что лишило его детства. Как мог он смотреть на Артура – и не думать об этом? – Я тоже хочу, чтобы они ушли, но не в моих силах их отослать. Придется нам потерпеть.

– Мне нужно мое лекарство, – прошептал Артур. – Где Малкольм?

Эмма поморщилась от боли, увидев выражение лица Джулиана, и Артур вдруг как будто ее заметил. Он поднял глаза, глядя на нее... нет, не на нее. На ее меч.

– Кортана, – сказал он. – Работы Велунда Кузнеца, легендарного создателя Экскалибура и Дюрандала<sup>26</sup>. Говорят, она сама выбирает хозяина. Когда Ожье<sup>27</sup> занес ее, чтобы зарубить на поле боя сына Карла Великого, явился ангел и сломал этот меч, и сказал ему: «Милосердие лучше мести».

Эмма посмотрела на Джулиана. В мансарде было темно, но она видела, что он судорожно сжимает кулаки. Он что, злится на нее за то, что она за ним пошла?

– Но Кортану никогда не ломали, – сказала она.

– Это просто история, – отозвался Джулиан.

– В таких историях заключена истина, – произнес Артур. – В каком-нибудь из твоих рисунков, мальчик мой, сокрыта истина, или в закате, или в куплете из Гомера. Выдумка тоже истина, хоть она и не является *фактом*. Если ты веришь только фактам и забываешь об историях, твой мозг будет жить, но сердце умрет.

– Я понимаю, дядюшка, – устало сказал Джулиан. – Я еще вернусь. Поешь, пожалуйста. Хорошо?

Артур уронил лицо в ладони, качая головой. Джулиан двинулся через комнату к лестнице; на полпути он схватил Эмму за запястье и потянул за собой.

---

<sup>26</sup> Легендарный меч Роланда, маркграфа Бретонского и полководца Карла Великого, по преданию, пожалованный Роланду Карлом по указанию ангела.

<sup>27</sup> *Ожье Датчанин*, он же Хольгер Датчанин – в героическом эпосе франков мятежный вассал Карла Великого, который, впрочем, в итоге примиряется с ним.

Он не прилагал настоящей силы, но Эмма все равно пошла следом, с изумлением чувствуя его руку у себя на запястье. Теперь он дотрагивался до нее, только чтобы нанести руны, и она скучала по прикосновениям, к которым привыкла за годы их дружбы: погладить по предплечью, постучать пальцем по плечу. Их тайный язык: писать пальцами на коже друг у друга слова и буквы, незаметно для остальных.

Казалось, прошла целая вечность. И теперь от того места, где они прикасались друг к другу, вверх по руке Эммы бежали искры. Ее охватил жар, странное жгучее чувство... и смятение. Когда они прошли в парадную дверь, Джулиан сжал пальцами ее запястье.

Когда дверь за ними закрылась, Джулиан отпустил Эмму и повернулся к ней лицом. Воздух был густым и тяжелым и почти ощутимо давил на кожу. Дорога была скрыта в тумане. Эмма видела, как на берег набегают вздымающиеся серые волны; отсюда каждая казалась не меньше горбатого кита. Еще Эмма видела луну, отчаянно пытавшуюся выглянуть из-за облаков.

Джулиан тяжело дышал, словно только что пробежал несколько километров. Воздух был влажным, и его футболка прилипла к груди, когда он прислонился к стене Института.

– Зачем ты пришла в мансарду? – спросил он.

– Прости, – деревянным голосом ответила Эмма. Она терпеть не могла чувствовать себя вот так рядом с Джулианом. Они редко ссорились так, чтобы это не могло закончиться обычным извинением или шуткой. *У меня было чувство, что я тебе нужна, и я не смогла не прийти.* – Я пойму, если ты рассердился...

– Я не сержусь. – Вдали над водой сверкнула молния, на миг озарив все небо. – В этом-то и весь ад, да? Что я не могу сердиться? Марк ничего о нас с тобой не знает, он не пытается причинить мне боль, он ни в чем не виноват. А ты... ты поступила правильно. Я не могу тебя за это ненавидеть. – Джулиан оттолкнулся от стены, сделал несколько быстрых взволнованных шагов. Его кожа как будто потрескивала от мощи грядущего шторма. – Но я не могу это выносить. Эмма, что мне делать? – Он запустил руки в волосы. От влажного воздуха они завились и липли к пальцам. – Мы не можем так дальше жить.

– Я знаю, – сказала она. – Я уеду. Осталось всего несколько месяцев. Мне исполнится восемнадцать. Поедем путешествовать по отдельности. Мы все забудем.

– Разве? – Его губы дрогнули, сложившись в кривую улыбку.

– Нам придется. – Эмму начало трясти. Было холодно, и тучи над ними катились словно дым, клубившийся в опаленном молнией небе.

– Не следовало мне тебя касаться, – произнес он и подошел ближе. Или это она подошла ближе к нему, чтобы взять его за руки – как всегда брала. – Я никогда не думал, что то, что было между нами, так легко уничтожить.

– Оно не уничтожено, – прошептала она. – Мы ошиблись... но не в том, что были вместе.

– Эмма, большинство людей ошибается. Но не всем эти ошибки ломают жизнь.

Она прикрыла глаза, но все равно его видела. Все равно чувствовала рядом жар его тела, аромат гвоздики, исходивший от его волос и одежды. Это сводило ее с ума, и ее колени дрожали, как будто она только что сошла с американских горок.

– Наши жизни не сломаны.

Джулиан обвил ее руками. На миг Эмма подумала, не воспротивиться ли этому, но она так устала бороться с тем, чего желала. Она даже не думала, что когда-нибудь ей выпадет это вновь – Джулиан в ее объятиях, сухие мускулы, упругость, напряжение, сильные руки художника гладят ее по спине, пальцы выводят на коже буквы, слова.

«М-Н-Е-К-О-Н-Е-Ц».

Эмма в ужасе открыла глаза. Его лицо было так близко, что почти превратилось в пятно света и тени.

– Эмма, – произнес он, крепче прижимая ее к себе.



А потом он целовал ее. Они целовали друг друга. Он подстроил ее тело под свое – изгибы и впадины, мышцы и мягкость. Его губы приоткрылись, прижавшись к губам Эммы, язык нежно их очертания.

Раскат грома прогрохотал, как взрыв, молния ударила в горы и словно выжгла дорожку на внутренней стороне век Эммы.

Она вновь приоткрыла губы, уступая его напору, Джулиан обвил руками ее шею. На вкус он был как огонь, как пряности. Его руки скользили по ее телу, он прижимал ее к себе крепче, издал горлом негромкий, мучительный стон желания.

Казалось, это длилось целую вечность. Ладони Джулиана словно лепили очертания ее тела – спину, изгиб тела под грудью, округлые линии бедер. Он поднял ее и прижал к себе так, словно они могли заполнить пустоту друг друга, и шептал – лихорадочно, поспешно:

– Эмма... ты мне нужна, я все время, все время о тебе думаю, я так хотел, чтобы ты была со мной в этой чертовой мансарде, а потом я обернулся – и ты там была, как будто ты меня услышала, как будто ты всегда рядом, когда ты мне нужна...

Вновь сверкнула раздвоенная молния и озарила все вокруг: Эмма увидела свои руки, вцепившиеся в край футболки Джулиана – о чем она вообще думала? Она что, собиралась раздеть его у главного входа в Институт? Реальность вступила в свои права; она высвободилась, с колотящимся о ребра сердцем.

– М-м? – Джулиан недоумевающее смотрел на нее сонными, томными вождедеющими глазами. Эмма с трудом перевела дух. Но его слова продолжали звучать в ее голове: он ее хотел, и она пришла, словно услышала его зов – она *почувствовала* это желание, узнала его, не в силах была остановиться.

Она неделями внушала себе, что их связь как парабатаев слабеет, а он сказал, что они только что прочитали мысли друг друга.

– Марк, – произнесла она, и всего одно слово стало *тем самым* словом. Жестоким напоминанием о том, как обстоят дела. Томное выражение исчезло из глаз Джулиана. Он побелел от ужаса и отвращения. Вскинул руку, словно намереваясь что-то сказать – извиниться, объяснить, как вдруг небо словно разорвалось надвое.

Они обернулись и посмотрели на тучи, расступившиеся прямо над ними. В воздухе росла тень, темневшая по мере приближения: силуэт мощного, облаченного в доспехи мужчины на красноглазом, покрытом пеной коне без седла и упряжи – черно-сером, как грозовые тучи над головой.

Джулиан двинулся так, словно собрался зашвырнуть Эмму к себе за спину, но та не собиралась его слушаться. Она просто смотрела, как конь с ржанием и стуком копыт приземляется у подножия парадной лестницы Института. Всадник посмотрел на них.

Его глаза были разного цвета, как у Марка, один черный, а другой голубой. Лицо всадника оказалось знакомым. Это был Гвин ап Нудд, лорд и предводитель Дикой Охоты.

И довольным он не выглядел.

## 7

### Безбрежные воды

Прежде, чем Джулиан или Эмма успели сказать хоть слово, дверь Института с грохотом распахнулась. На пороге стояла Диана, а за ее спиной – Марк, всё еще в одежде для тренировок. Диана в белом костюме выглядела, как всегда, сногшибательно и непреклонно.

Гигантский скакун Гвина встал на дыбы, когда Марк вышел на улицу. Заметив двинувшихся к нему Эмму и Джулиана, Марк не смог скрыть удивления. Эмме казалось, что щеки у нее горят, хотя, взглянув на Джулиана, увидела, что тот невозмутим и спокоен, как обычно.

Они догнали Марка как раз тогда, когда Диана плавным шагом приблизилась к лестнице. Четыре Сумеречных охотника уставились на Гвина сверху вниз. Глаза его лошади были кроваво-красными, такими же, как доспехи Гвина – грубая алая кожа, тут и там распоротая когтями и оружием.

– Не могу сказать тебе «добро пожаловать» из-за Холодного мира, – произнесла Диана. – Зачем ты здесь, Гвин Охотник?

Взгляд древних глаз Гвина скользнул по ней с головы до ног. В нем не было ни злобы, ни презрения, лишь присущее одним только фэйри восхищение красотой.

– Прелестная леди, – проговорил он, – не думаю, что мы встречались прежде.

Диана тут же сконфузилась.

– Диана Рейберн. Я здесь преподаю.

– В Стране Под Холмами почитают тех, кто учит, – изрек Гвин. Под мышкой он держал тяжелый шлем, украшенный оленьими рогами. Его охотничий рог лежал на луке седла.

Эмма заколебалась. Гвин что, *клеит* Диану? Она понятия не имела, что фэйри вообще всегда так поступают. Марк, услышала она, издал некий придушенный звук.

– Гвин, – сказал он, – приветствую тебя, как подобает. Видеть тебя дарит радость моему сердцу.

Эмма задумалась, а правда ли это? Она знала, что Марк питает к Гвину сложные чувства. Иногда ночью в ее комнате, подложив руку под голову, он говорил о них. Теперь у нее появилось более ясное представление о Дикой Охоте, о ее восторгах и ужасах, и о том странном пути, который Марк вынужден был прокладывать для себя под звездами.

– Хотел бы я иметь возможность сказать то же самое, – ответил Гвин. – Я принес темные вести от Неблагого Двора. Кьеран твоего сердца...

– Он больше не «моего сердца», – прервал его Марк. Это было выражение фэйри, ближайшее к «моя девушка» или «мой парень».

– Кьеран Охотник признан виновным в убийстве Иарлафа, – сказал Гвин. – Он предстал перед Судом Неблагого Двора. Разумеется долго этот суд и не продлился.

Марк вспыхнул и напрягся.

– А приговор?

– Смерть, – произнес Гвин. – Он умрет завтра ночью, когда взойдет луна. Если никто не вмешается.

Марк не пошевелился. Эмма задумалась, не должна ли она что-нибудь сделать – подвинуться ближе к Марку, предложить утешение, дружескую руку? Но выражение его лица невозможно было прочесть. Если это была скорбь, Эмма ее не узнала. Если гнев, то Марк выражал его совершенно не так, как прежде.

– Печальные известия, – наконец сказал Марк.

Джулиан встал рядом с братом, положил руку ему на плечо. Эмма почувствовала облегчение.

– И это все? – спросил Гвин. – Больше тебе нечего сказать?

Марк покачал головой. Он так хрупко выглядит, обеспокоенно подумала Эмма. Словно сквозь его кожу просвечивали кости.

– Кьеран меня предал, – произнес он. – Теперь он для меня ничто.

Гвин недоверчиво взглянул на Марка.

– Он любил тебя, потерял тебя, и пытался тебя вернуть, – сказал он. – Он хотел, чтобы ты вновь присоединился к Охоте. Того же хотел и я. Ты был в числе лучших из нас. Разве это настолько ужасно?

– Ты видел, что произошло. – Теперь в голосе Марка была злость, и Эмма невольно вспомнила: узловатая рябина, к которой она прижималась, пока Иарлаф сек сперва Джулиана, а затем ее саму, а Марк и Гвин смотрели. Боль и кровь, удары хлыста обжигают кожу, словно пламя... Но больней всего было видеть, как причиняют боль Джулиану. – Иарлаф высек моих родных и мою подругу. Из-за Кьерана он высек Эмму и Джулиана.

– И теперь ради них ты бросил Охоту, – произнес Гвин, бросив на Эмму быстрый взгляд двухцветных глаз. – Ну, вот тебе твое возмездие, если ты так его хотел. Но где же твое милосердие?

– Что тебе нужно от моего брата? – возмутился Джулиан, не выпуская плеча Марка. – Хочешь, чтобы он публично скорбел тебе на потеху? За этим ты приехал?

– Смертные, – изрек Гвин. – Вы думаете, что так много знаете, а на самом деле знаете так мало. – Он стиснул кулак. – Я не хочу, чтобы ты скорбел по Кьерану. Я хочу, чтобы ты его спас, Марк Охотник.

Вдалеке прокатился гром, но перед Институтом царило молчание, оглушительное, словно крик.

Даже Диана как будто лишилась дара речи. В тишине из тренировочного класса наверху доносились голоса и смех Ливви и остальных.

Лицо Джулиана было бесстрастным. Задумчивым. Он стискивал плечо Марка. *Я хочу, чтобы ты его спас, Марк Охотник.*

В душе Эммы закипала ярость, но в отличие от Джулиана, она не стала ее сдерживать.

– Марк больше не принадлежит Дикой Охоте! – запальчиво сказала она. – Не называй его «Охотник». Он не такой.

– Он ведь Сумеречный охотник, разве нет? – спросил Гвин. Произнеся свою безумную просьбу, он немного расслабился. – Охотник всегда остается охотником.

– И теперь ты хочешь, чтобы я начал охотиться на Кьерана? – срывающимся голосом спросил Марк, словно ярость мешала ему говорить. – Почему я, Гвин? Почему не ты? Не кто угодно из вас?

– Ты что, меня не слышал? – сказал Гвин. – Он в плену у своего отца, самого Неблагого Короля, в глубинных подземельях Двора.

– А Марк, по-твоему, неуязвим? Думаешь, он сможет справиться с Неблагим Двором там, где этого не сумеет Дикая Охота? – Диана спустилась на ступеньку ниже, и ветер пустыни развеивал ее темные волосы. – Твое имя покрыто славой, Гвин ап Нудд. Ты провел в Дикой Охоте сотни смертных лет. О тебе многое рассказывают. Но ни разу еще я не слышала, чтобы предводитель Дикой Охоты впал в безумие.

– Дикая Охота не подчиняется власти Дворов, – сказал Гвин. – Но мы их страшимся. Безумием было бы не страшиться. Когда они пришли за Кьераном, я, и все мои Охотники, были вынуждены поклясться жизнью, что не станем выступать ни против суда, ни против приговора. Попытаться вызволить Кьерана теперь для нас означает смерть.

– Так вот почему ты ко мне пришел. Потому что я не клялся. Потому что даже если бы я поклялся, я способен лгать. Лживый вор – вот кто тебе нужен, – сказал Марк.

– Мне нужен тот, кому я могу доверять, – произнес Гвин. – Тот, кто не приносил клятвы. Тот, кто осмелится пойти против Двора.

– Мы не хотим с тобой ссориться. – Джулиан заставлял себя говорить ровно, с усилием, которое, подозревала Эмма, почувствовала она одна. – Но ты должен понимать, что Марк не может сделать то, о чем ты просишь. Это слишком опасно.

– Мы, Народ Воздуха, не боимся ни опасности, ни смерти, – сказал Гвин.

– Если вы не боитесь смерти, – сказал Джулиан, – пусть Кьеран с ней встретится.

От холода в голосе Джулиана Гвин отшатнулся.

– Кьерану и двадцати нет.

– И Марку тоже, – сказал Джулиан. – Если ты думаешь, что мы тебя боимся, ты прав. Мы были бы дураками, если бы не боялись. Я знаю, кто *ты* такой, Гвин, – знаю, что однажды ты скормил человеку сердце его собственного отца. Я знаю, что ты отнял Охоту у Херна в битве над Кадер-Идрис. Я знаю такое, что ты сам удивишься. Но Марк мой брат. И я не позволю ему вновь подвергнуть себя опасности в стране фэйри.

– Дикая Охота – это еще и братство, – возразил Гвин. – Марк, если ты не можешь заставить себя помочь Кьерану из любви, сделай это из дружбы.

– Довольно, – огрызнулась Диана. – Мы здесь уважаем тебя, Гвин Охотник, но это обсуждение закончено. Марка у нас не заберут.

– А что, если он сам выберет уйти? – низко пророкотал Гвин.

Все они поглядели на Марка. Даже Джулиан повернулся, медленно уронив руку с плеча брата. Эмма увидела в его глазах страх. Должно быть, подумала она, в ее глазах – такой же. Если Марк все еще любит Кьерана... хотя бы чуточку...

– Я этого не выбираю, – сказал Марк. – Я не выбираю этого, Гвин.

Лицо Гвина напряглось.

– У тебя нет чести.

Вспышка, словно копье, пронзила прорехи в тучах у них над головой. Шторм уходил к горам. Серый свет затянул глаза Марка пленкой и лишил их всякого выражения.

– Я думал, ты мой друг, – произнес он, а потом развернулся и нетвердым шагом ушел назад в Институт, с грохотом захлопнув за собой дверь.

Гвин начал было спешиваться, но Диана вскинула раскрытую ладонь.

– Ты знаешь, что не можешь войти в Институт, – напомнила она.

Гвин замер. На мгновение, пока он смотрел на Диану, его лицо как будто постарело и покрылось морщинами, хоть Эмма и знала, что у Гвина Охотника нет возраста.

– Кьерану и двадцати не исполнилось, – повторил он. – Он еще совсем мальчишка.

Лицо Дианы смягчилось, но прежде, чем она успела что-нибудь сказать, конь Гвина поднялся на дыбы. Что-то вылетело у Гвина из руки и упало на ступеньки под ноги Диане. Гвин наклонился вперед, конь рванул с места; его хвост и грива превратились в сполох белого пламени. Пламя взмыло в небо и исчезло, растворившись в сети ночных облаков.

Джулиан толкнул плечом дверь Института, и та открылась.

– Марк? Марк!

Пустой холл вращался вокруг, пока Джулиан оглядывался по сторонам. Страх за брата давил на него почти физически, заставлял туго натянуться вены, замедлял ток крови. Он никак не мог сформулировать, чего именно боится – Гвин ведь уехал, Марку ничего не угрожает. Это была просьба, а не похищение.

– Джулс? – Марк появился из шкафа под лестницей, в который только что повесил куртку. Его светлые волосы растрепались, на лице застыло недоумение. – Он уехал?

– Окончательно, – сказала Эмма, вошедшая следом за Джулианом. Сразу за ней вошла Диана и закрыла входную дверь. Марк прошагал через весь холл к Эмме и заключил ее в объятия.

Джулиана обожгло ревностью.

Он-то думал, что уже привык видеть это между Эммой и Марком. Они не выставляли напоказ свои отношения, не целовались на глазах у всех. Эмма не стала бы этого делать, подумал Джулиан. Она не такая. Эмма была целеустремленной, и говорила все как есть, и делала, что следует, а там будь что будет. Но жестокой она не была.

Обычно это Марк тянулся к ней с тихими, скромными жестами – положить руку на плечо, убрать упавшую ресницу, приобнять. Видеть это было больно. Но куда хуже было бы смотреть на их страстные объятия. В конце концов, когда ты умираешь от жажды, то мечтаешь о глотке воды, а не о целом бассейне.

Но сейчас воспоминание об Эмме в его объятиях было так свежо, вкус ее губ еще оставался на его губах, его одежда пахла ее розовой водой. Он знал, что в его голове сцена их поцелуя будет повторяться снова и снова, пока она не поблекнет и не станет похожа на фотографию, которую слишком много раз складывали и разворачивали.

Но пока всё это было как свежая рана. И видеть Эмму в объятиях Марка было похоже на ожог кислотой. Это было жестокое напоминание: Джулиан не вправе позволять себе сентиментальность, и не вправе думать об Эмме как о той, кто когда-то принадлежала ему. Эти мысли снова сделают его уязвимым. Нужно сосредоточиться на реальности и обязательствах перед семьей. Иначе он сойдет с ума.

– Думаешь, он вернется? – Эмма отстранилась от Марка. Джулиану показалось, что она встревоженно покосилась на него, но уверен он не был. А задаваться этим вопросом не стоило. И он жестоко подавил свое любопытство.

– Гвин? – переспросил Марк. – Нет. Я ему отказал. Он не станет умолять, и возвращаться не станет.

– Ты уверен? – произнес Джулиан.

Марк сухо взглянул на брата.

– Не позволяй Гвину обвести себя вокруг пальца, – сказал он. – Если я ему не помогу, он найдет еще кого-нибудь, кто поможет, или справится сам. Кьерану ничего не грозит.

Эмма с облегчением выдохнула. Джулиан промолчал – ему самому было не наплевать на Кьерана. Он помнил, что это мальчишка-фэйри разбил Марку сердце, и что это из-за него Эмму исхлестали в кровь. Но еще он помнил и то, как Кьеран помог им победить Малкольма. Без него у них бы не было шансов.

И он помнил, что Кьеран сказал ему перед боем с Малкольмом: «Ты не мягок. Твое сердце не знает пощады».

Если бы он мог, рискнув собой, спасти Кьерана, он бы рискнул. Но он не мог рисковать братом. Если это значит, что он не знает пощады – пусть будет так. Если Марк прав, с Кьераном в любом случае все будет в порядке.

– Диана, – произнесла Эмма. Их наставница стояла, прислонившись к закрытой входной двери, и разглядывала что-то у себя на ладони. – Чем Гвин в тебя кинул?

Диана протянула ей руку; на ее темной коже поблескивал маленький золотой желудь.

Марк явно был удивлен.

– Это щедрый подарок, – сказал он. – Если ты разлочишь этот желудь, то призовешь Гвина на помощь.

– С чего бы ему давать что-то такое Диане? – спросила Эмма.

Марк, двинувшийся было вверх по лестнице, слабо улыбнулся.

– Она внушила ему восхищение, – объяснил он. – Прежде я редко видел, чтобы Гвин восхищался женщиной. Я думал, что сердце его, быть может, и вовсе закрыто для подобных чувств.

– Гвин *запал* на Диану? – спросила Эмма и ее темные глаза засияли. – В смысле, Диана, ты правда очень симпатичная, но это как-то внезапно.

– Фэйри – они такие, – сказал Джулиан, почти сочувствуя Диане. Он никогда еще не видел ее такой потрясенной. Она кусала нижнюю губу, и Джулиан вспомнил, что Диана, на самом деле, не так-то и стара – ей всего около двадцати восьми лет. Не многим старше Джейса и Клэри.

– Это ничего не значит, – отрезала она. – И к тому же, у нас есть более важные проблемы!

И она уронила желудь Марку в ладонь – как раз перед тем, как входная дверь отворилась настежь, и Центурионы заполнили холл. Все они промокли насквозь и с головы до ног, и были исхлестаны ветром. Диана, испытывая явное облегчение от того, что разговор о ее личной жизни закончен, отправилась за одеялами и полотенцами (руны сушки были печально известны тем, что прекрасно сушили кожу – но когда нужно было высушить одежду, их эффективность оставляла желать лучшего).

– Вы что-нибудь нашли? – спросила Эмма.

– Думаю, мы нашли место, где скорее всего было утоплено тело, – сказал Мануэль. – Но море было слишком бурным, чтобы нырять за ним. Завтра придется попытаться еще раз.

– Мануэль, – предостерегающе сказала Зара, словно тот выдал тайный пароль и у них под ногами вот-вот развернется преисподняя.

Мануэль и Раджан закатили глаза.

– Знаешь, Зара, они вроде и так в курсе, что именно мы ищем.

– Методы Схоломанта – это секретная информация! – Зара швырнула Диего свою мокрую куртку и вновь повернулась к Эмме и Джулиану. – Ну ладно, что на ужин?

– Я их вообще не различаю, – сказал Кит. – Это все из-за формы. В ней они для меня все одинаковые, как муравьи.

– Муравьи не одинаковые, – возразил Тай.

Они сидели на втором этаже, на краю галереи, опоясывавшей поверху главный вход Института. Мокрые Центурионы носились туда-сюда. Кит заметил Джулиана и Эмму, которые вместе с Дианой пытались разговорить тех, кто еще не ушел греться в столовую к камину.

– Еще раз – это вообще кто? – спросил Кит. – И откуда они взялись?

– Дейн и Саманта Ларксир, – ответила Ливви, ткнув пальцем в сторону двух темноволосях Центурионов. – Атланта.

– Близнецы, – уточнил Тай.

– Да как они посмели! – фыркнула Ливви. Кит волновался, что план Тая втянуть Кита в свои детективные замыслы не придется ей по вкусу, но когда они подошли к ней в тренировочном классе, Ливви лишь сухо усмехнулась и сказала: «Добро пожаловать в клуб».

Ливви продолжала тыкать пальцем.

– Мануэль Казалес Вийялобос, из Мадрида. Раджан Мадубучи, Институт Лагоса. Дивья Джоши, Институт Мумбая. Хотя не все тут связаны с конкретными Институтами. Диего, например, не связан, Зара тоже, и ее подруга Джессика, которая, по-моему, француженка. А вон там Джон Картрайт и Джен Уайтлоу, и Томас Алдертри, все выпускники Академии, – она склонила голову набок. – И ни одному из них не хватило мозгов убраться из-под дождя.

– Повтори-ка, с чего ты взял, что они что-то задумали? – спросил Кит.

– Ладно, – сказал Тай. Кит уже заметил, что Тай отвечает именно на то, что ему сказано, и куда в меньшей степени – на тон или интонацию. Но лишнее напоминание о том, зачем они засели на полпути к потолку и разглядывают кучку придурков, все равно бы не помешало. –

Утром я сидел перед твоей комнатой и увидел, как Зара вошла в кабинет Дианы. Когда я пошел за ней, то увидел, что она роется там в бумагах.

– У нее могла быть на это причина, – сказал Кит.

– Копаться в бумагах Дианы? Какая причина? – Ливви так возмутилась, что Кит вынужден был признать: если это выглядит неприличным, то, наверное, это и правда неприлично.

– Я написала сообщение Саймону Льюису насчет Картрайта, Уайтлоу и Алдертри, – продолжила Ливви, опершись подбородком на нижнюю перекладину перил. – Он говорит, Джен и Томас – нормальные люди, а Картрайт немного *здорован*, но в целом безвредный.

– Может, не все они замешаны, – сказал Тай. – Нам нужно вычислить, кто именно замешан – и что им нужно.

– А что такое *здорован*? – уточнил Кит.

– Думаю, помесь здоровяка и чурбана. В смысле, здоровенный – но не очень-то умный. – Ливви быстро улыбнулась им, и их тут же накрыла тень – Кристина, руки в бока, брови нахмурены.

– Что вы трое тут делаете? – спросила она. Кит питал к Кристине Розалес уважение. Какой бы *миленькой* она ни выглядела, он как-то видел, как она метнула нож-бабочку на пятнадцать с лишним метров – и попала в яблочко.

– Ничего, – сказал Кит.

– Говорим про Центурионов грубости, – сказала Ливви.

На секунду Киту показалось, что Кристина собирается их отругать. Вместо этого она уселась рядом с Ливви и улыбнулась.

– Я в деле, – заявила она.

Тай сложил руки на крестовину перил. Его серые, как гроза, глаза быстро глянули на Кита.

– Завтра, – тихо произнес он, – мы за ними проследим и узнаем, куда они ходят.

К своему удивлению, Кит понял, что ждет этого с нетерпением.

Вечер получился так себе – Центурионы, хоть они и высохли, были вымотаны и не слишком горели желанием говорить о том, чем занимались днем. Вместо этого они ринулись в столовую и набросились на разложенную по тарелкам еду как стая голодных волков.

Кита, Тая и Ливви нигде не было видно. И Эмма их не винила. Совместные с Центурионами трапезы были делом крайне неловким. Хотя Дивья, Раджан и Джон Картрайт пытались, как могли, поддержать дружескую беседу о том, где все планируют провести свой год путешествий, Зара вскоре прервала их и разразилась пространством описанием того, чем занималась в Венгрии до прибытия в Институт.

– Кучка Сумеречных охотников жаловалась, что их стила и клинки серафимов якобы перестали работать после стычки с какими-то фэйри, – закатив глаза, сообщила она. – Мы им объяснили, что это была просто иллюзия – фэйри дерутся грязно, и в Академии следовало бы этому учить.

– На самом деле, фэйри дерутся не грязно, – сказал Марк. – Они дерутся на редкость чисто. У них жесткий кодекс чести.

– Чести? – разом рассмеялись Саманта и Дейн. – Сомневаюсь, что ты знаешь, что это значит, по...

Они осеклись. Говорил Дейн – но покраснела Саманта. Непроизнесенное слово повисло в воздухе. *Полукровка*.

Марк отпихнул свой стул и вышел вон из столовой.

– Простите, – нарушила Зара молчание, воцарившееся после его ухода. – Но ему не следует принимать это близко к сердцу. Если он отправится в Аликанте, он наслушается много чего похуже – в особенности на заседаниях Совета.

Эмма уставилась на нее, не веря своим глазам.

– Но это по-прежнему ненормально, – возмутилась она. – Даже если какие-то ксенофобы в Совете и наговорят ему гадостей, это не значит, что сперва он должен выслушать это у себя дома.

– Или вообще должен слушать такое в собственном доме, – густо покраснев, добавила Кристина.

– Хватит нас обвинять, – огрызнулась Саманта. – Это мы весь день носились, подчищая бардак, который развели *вы* потому, что доверяли Малкольму Фейду! Как будто нижнемирянам можно доверять... Народ, вас что, Темная война вообще ничему не научила? Фэйри ударили нам в спину. Все нижнемиряны такие, и если вы не будете осторожны, Марк и Хелен и с вами поступят так же.

– О моих брате и сестре ты ничего не знаешь, – сказал Джулиан. – Прошу воздержаться от их упоминания.

Диего, сидевший рядом с Зарой, все это время хранил каменное молчание. Наконец он заговорил – едва шевеля губами.

– Слепая ненависть не делает чести мундиру Центурионов, – произнес он.

Зара подняла бокал, крепко держа его за тонкую ножку.

– Я не ненавижу обитателей Нижнего мира, – сказала она, и в ее голосе звучала спокойная убежденность, более жуткая, чем ярость. – Соглашения не сработали, и Холодный мир не работает. Обитатели Нижнего мира не следуют никаким правилам, включая установленные нами, если только это не в их интересах. Они нарушают Холодный мир, когда захотят. Мы – воины. Демоны должны нас страшиться. И обитатели Нижнего мира – тоже. Когда-то мы были облечены величием: нас страшились, и мы правили. Теперь мы лишь тень того, чем были прежде. Я хочу сказать всего лишь, что если система не работает, если она довела нас до такого состояния, в котором мы сейчас, то нам нужна новая система. Получше.

Зара улыбнулась, заправила выбившуюся прядку обратно в свой безупречный пучок и пригубила из бокала воды.

Ужин завершился в молчании.

– Она врет. Просто сидит тут и врет, как будто ее мнение – это и есть факты, – с гневом произнесла Эмма. После ужина они с Кристиной удалились к той в комнату; обе сидели на кровати, и Кристина теребила свои темные волосы.

– Думаю, так это и есть – для нее и ей подобных, – сказала Кристина. – Но не следует впустую тратить время на Зару. Ты по дороге наверх говорила, что что-то хочешь мне сказать?

Эмма так кратко, как только могла, обрисовала Кристине визит Гвина. По мере того, как она рассказывала, Кристина явно все больше и больше беспокоилась.

– Марк в порядке?

– Думаю, да – иногда по нему и не поймешь толком.

– Да, он из тех, кто много чего держит внутри, – согласилась Кристина. – Он хоть раз спрашивал – про вас с Джулианом.

Эмма энергично покачала головой.

– Не думаю, что он когда-нибудь догадается, что между нами было что-то, помимо чувств, которые парабатаи обычно испытывают друг к другу. Мы с Джулсом так давно друг друга знаем... – Она потерла виски. – Марк думает, что Джулиан питает ко мне те же чувства, что и он сам – братские.

– Как странно всё, что ослепляет нас, – сказала Кристина, подтянула колени к груди и обхватила их руками.

– Ты не пыталась связаться с Хайме? – спросила Эмма.

Кристина уткнулась подбородком в колени.



– Я отправила ему огненное послание, но ответа не получила.

– Он был твоим лучшим другом, – сказала Эмма. – Он ответит. – Она зашипнула покрывало на кровати Кристины и стала крутить ткань в пальцах. – Знаешь, по чему я скучаю больше всего? Здорово просто... быть парабатаями, Эммой и Джулианом. Я скучаю по своему лучшему другу, по человеку, которому все и всегда рассказывала, по тому, кто все обо мне знал. И хорошее, и плохое. – И когда она говорила это, перед ее глазами словно стоял сам Джулиан, такой, каким он был во время Темной войны – худые плечи и глаза, полные решимости.

В дверь громко постучали. Эмма посмотрела на Кристину – она кого-то ждет? – но та была удивлена не меньше ее самой.

– *Pasa*<sup>28</sup>! – крикнула Кристина.

Это оказался Джулиан. Эмма удивленно взглянула на него – юный Джулиан из ее воспоминаний потускнел и слился со стоявшим перед ней почти взрослым Джулианом, высоким и мускулистым, с непослушными кудрями и тенью щетины на подбородке.

– Вы не знаете, где Марк? – без предисловий спросил он.

– Он разве не у себя? – удивилась Эмма. – Он ушел с ужина, и я подумала...

Джулиан покачал головой.

– Там его нет. Может, он у тебя?

Ему стоило видимого усилия это сказать, подумала Эмма. Она заметила, как Кристина закусила губу, и взмолилась, лишь бы Джулиан не заметил. Ему ни в коем случае нельзя было понять, как много Кристина знает.

– Нет, – сказала Эмма и пожала плечами. – Я заперла дверь. Не доверяю я этим Центурионам.

Джулиан рассеянно провел рукой по волосам.

– Слушай... я беспокоюсь за Марка. Пошли со мной, и я покажу, что имею в виду.

Кристина и Эмма последовали за Джулианом в комнату Марка. Дверь была нараспашку. Джулиан вошел первым, за ним Эмма и Кристина, внимательно оглядываясь, словно Марк мог прятаться где-нибудь в шкафу.

С тех пор, как Марк впервые вернулся сюда из страны фэйри, его комната очень изменилась. Тогда это было пыльное, нежилое помещение, которое никто не занимал из уважения к памяти Марка. Все его вещи убрали в коробки, а пыльные шторы оставались задернутыми.

Теперь же все было совсем по-другому. Одежду Марк сложил аккуратными стопками на кровати. Однажды он сказал Эмме, что не понимает, зачем нужны комоды и шкафы – ведь они прячут вещи от вас самих.

Подоконники были завалены дарами природы – засушенными цветами, листьями, кактусовыми иголками, подобранными на пляже ракушками. Постель была аккуратно заправлена. Марк явно ни разу на ней не спал.

Джулиан старался не смотреть на слишком аккуратную постель.

– Его башмаки пропали, – сказал он. – А у него всего одна пара. Из Идриса должны были прислать еще, но до сих пор не прислали.

– И его куртка, – заметила Эмма. Это была единственная теплая куртка Марка, джинсовая, с шерстяной подкладкой. – И вещмешок... у него же был вещмешок, правильно?

Кристина ахнула. Эмма и Джулиан обернулись и увидели, как она тянется к листку бумаги, который вдруг возник в воздухе перед ней. Он был сложен и запечатан сияющими рунами. Когда Кристина схватила листок, они поблекли.

– Это мне, – сказала она, разрывая конверт. – От Марка.

Она пробежала записку глазами, побледнела и молча передала ее Джулиану. Эмма тоже стала читать, склонившись над его плечом.

---

<sup>28</sup> Войдите (*исп.*).

*Моя дорогая Кристина,*

*я знаю, что ты покажешь это кому следует и тогда, когда следует. Я всегда могу положиться на тебя в том, чтобы все необходимое было сделано именно тогда, когда нужно.*

*Теперь ты уже знаешь, что произошло в связи с арестом Кьерана. Хотя мы и расстались нехорошо, на протяжении многих лет в стране фэйри он был моим защитником. Я перед ним в долгу, и не могу бросить его на смерть при мрачном Дворе его отца. Сегодня ночью я уйду в страну фэйри по лунной дороге. Скажи моим братьям и сестрам, что я вернусь, как только смогу. Скажи Эмме, что я вернусь. Однажды я уже вернулся к ним из Страны Под Холмами. Я сделаю это снова.*

*Марк Блэкторн*

Джулиан в бешенстве скомкал листок дрожащими пальцами.

– Я иду за ним.

Эмма потянулась было к его руке, но затем вспомнила и отступила.

– Я с тобой.

– Нет, – отрезал Джулиан. – Ты понимаешь, что Марк пытается сделать? Ему одному не прорваться в пределы Неблагого Двора. Король Теней тут же уничтожит его.

– Конечно, понимаю, – сказала Эмма. – Вот почему нужно перехватить Марка, прежде чем он доберется до входа в страну фэйри. Стоит ему войти в земли Волшебного народа, и помешать ему будет почти невозможно.

– А еще время! – добавила Кристина. – Как только он пересечет границу, время для него потечет иначе. Он может вернуться через три дня, или через три недели...

– Или через три года, – мрачно закончила Эмма.

– Поэтому я отправляюсь за ним сейчас, – сказал Джулиан. – До того, как он уйдет в страну фэйри и время начнет работать против нас...

– Тут я могу помочь, – сказала Кристина.

В юности Кристина с особенным усердием изучала фэйри. Однажды она призналась Эмме, что частично это было из-за Марка – и из-за того, что в детстве она о нем узнала. История юного Сумеречного охотника, похищенного фэйри во время Темной войны, ее зачаровала.

Кристина коснулась медальона на шее – золотой подвески с изображением Разиэля.

– Это талисман, благословленный фэйри. Моя семья... – она заколебалась. – Многие из моих родных... давным-давно были близки с Волшебным народом. У нас до сих пор сохранилось немало знаков их симпатии. Хотя мы нечасто об этом говорим, потому что отношение Конклава к друзьям Волшебного народа... вам известно. – Она обвела комнату взглядом.

– А что этот талисман делает? – спросила Эмма.

– Не позволяет времени во владениях Волшебного народа идти слишком быстро для смертных.

Кристина, держа медальон в руке, взглянула на Джулиана с безмолвным вопросом: словно в рукаве у нее еще много тузов, если он только соизволит ее выслушать.

– Медальон всего один, – сказал Джулиан. – Как он защитит нас всех?

– Если я надену его на время путешествия, защита распространится и на вас с Эммой, и на Марка. Если только вы не будете слишком далеко отходить.

Джулиан прислонился к стене и вздохнул.

– И, полагаю, вариант «просто дай его мне, я надену его в стране фэйри» не рассматривается?

– Решительно нет, – ответила Кристина. – Это семейная реликвия.

Эмма чуть не расцеловала Кристину, но ограничилась тем, что подмигнула. Уголок рта Кристины дрогнул в улыбке.

– Тогда пойдем вдвоем, – сказала Эмма, и Джулиан вроде бы понял, что спорить не имеет смысла. Он кивнул – и в его глазах было что-то от прежнего парабата, как бы говорившего: мы двое вот-вот полезем в самое пекло.

Вместе.

– А еще медальон позволит нам пройти лунной дорогой, – сказала Кристина. – Обычно доступ к ней есть только у тех, в ком течет кровь фэйри. – Она расправила плечи. – Марк и не заподозрит, что мы можем за ним последовать. Поэтому он и прислал записку.

– Лунная дорога? – переспросил Джулиан. – Что это такое?

И тут Кристина улыбнулась. Странной улыбкой – не то чтобы счастливой, да этого Эмма, зная, как подруга тревожится, от нее и не ожидала, – но в этой улыбке всё же было немного чуда. Это была улыбка человека, которому предстояло испытать нечто, о чем он и не мечтал.

– Я вам покажу, – сказала она.

Собрались они быстро. Темный дом казался неожиданно оживленным из-за нестройных звуков дыхания многочисленных спящих. Спускаясь по коридору и на ходу надевая рюкзак, Джулиан увидел спящего перед комнатой Кита Тая – тот полусидел, уронив подбородок в ладонь. Перед ним на полу лежала раскрытая книга.

Перед дверью в мансарду Джулиан задержался. Он заколебался. Он мог бы оставить записку и просто уйти. Так было бы проще. Времени было мало; надо было перехватить Марка до того, как тот попадет в страну фэйри. Это была бы не трусость – просто разумный поступок. Просто...

Он распахнул дверь и взбежал вверх по ступеням. Артур был там же, где Джулиан его оставил – у себя за столом. Квадратный пласт лунного света падал на него из потолочного люка.

Артур бросил ручку и повернулся к Джулиану. Серые волосы обрамляли его глаза – глаза типичного Блэкторна. Это было все равно что смотреть на размытое фото отца Джулиана – на пострадавшее при проявке изображение, где черты лица выбились из привычных пропорций.

– Мне надо на несколько дней уехать, – сказал Джулиан. – Если тебе что-нибудь понадобится, спроси у Дианы. Только у Дианы.

Глаза Артура были словно затянуты пленкой.

– Ты... Джулиан, куда ты собрался?

Джулиан задумался, не соврать ли. Лгать он умел хорошо, и давалось это ему без труда. Но почему-то врать ему не хотелось.

– Марк... вернулся, – сказал он. – Я собираюсь его поймать, в идеале – до того, как он попадет в страну фэйри.

Артура сотрясла дрожь.

– Ты идешь за братом в страну фэйри? – хрипло проговорил он, и Джулиан вспомнил обрывки того, что было ему известно о дядюшке – о том, что их с Эндрю, отцом Джулиана, годами держали в стране фэйри в плену, что Эндрю влюбился в женщину из Волшебного народа и та родила от него Хелен и Марка, но Артура разлучили с братом и заперли, и пытали заклинаниями.

– Да. – Джулиан перекинул рюкзак на одно плечо.

Артур потянулся, словно чтобы схватить Джулиана за руку, и тот от неожиданности отшатнулся. Дядя так его и не коснулся.

Артур уронил руку.

– В Римской республике, – произнес он, – к каждому полководцу, одержавшему победу в войне, приставляли специального слугу. Когда полководец проезжал по улицам, прини-

мая знаки народной благодарности, слуга должен был шептать ему на ухо: «*Respice post te. Nominem te esse memento. Memento mori*».

– «Обернись, – перевел Джулиан. – Помни, что ты человек. Помни, что ты смертен».

По спине у него прошел холодок.

– Ты молод, но не бессмертен, – сказал Артур. – Если окажешься в стране фэйри – и не дай тебе бог, чтобы такое случилось... Если ад существует, он – там. Если ты окажешься в стране фэйри – не слушай ничего, что они станут тебе говорить. Не слушай их обещаний. Поклянись, Джулиан.

Джулиан выдохнул. Он подумал о древнем полководце, которого увещевали, чтобы слава не опьянила его. Помнить, что всё пройдет. Всё конечно. Счастье конечно, как и боль.

Всё преходяще, кроме любви.

– Клянусь, – сказал он.

– Нужно дождаться момента, – сказала Кристина. – Когда лунный свет на воде покажется твердым. Если посмотрите, то увидите – что-то вроде зеленой вспышки.

Она улыбнулась Эмме, стоявшей между ней и Джулианом – все трое в ряд на берегу океана. Дул легкий ветер, и океан расстился перед ними, широкий и черный, окаймленный белым там, где вода встречалась с песком. Гребни морской пены там, где разбивались и таяли на линии прибоя волны, тянули вверх по пляжу водоросли и осколки ракушек.

Небо успело проясниться после недавнего шторма. Луна стояла высоко и отбрасывала на воду совершенную сплошную линию света, тянувшуюся до самого горизонта. Волны, лизавшие ноги Эммы, тихонько нашептывали что-то; прибой захлестывал ее водонепроницаемые ботинки.

Джулиан не сводил глаз с часов. Раньше они принадлежали его отцу – тяжелые старомодные механические часы, поблескивавшие у него на запястье. Эмма заметила, что браслет из морского стекла, который она когда-то для него сделала, все еще был у Джулиана на руке, сияя в лунном свете рядом часами – и голова у нее слегка закружилась.

– Почти полночь, – сказал Джулиан. – Интересно, насколько Марк нас обогнал.

– Зависит от того, сколько ему пришлось ждать, чтобы ступить на дорогу, – сказала Кристина. – Нужные моменты приходят и уходят, и полночь – лишь один из них.

– И как же мы собираемся его поймать? – спросила Эмма. – Старые добрые салочки? Или попытаемся отвлечь его танцем, а потом набросим лассо?

– Шутки тут неуместны, – ответил Джулиан, глядя на воду.

– Шутки всегда уместны, – возразила Эмма. – Особенно когда мы ничего не делаем, только смотрим на воду и ждем, пока она затвердеет...

Кристина пискнула.

– Идем! *Сейчас!*

Эмма пошла первой, перепрыгнув через расплескавшуюся у ног небольшую волну. Половина ее мозга все еще твердила, что она сейчас плюхнет в воду. И с изумлением почувствовала под ногами твердую поверхность.

Она пробежала несколько шагов и повернулась к пляжу. Эмма стояла на сияющей тропе, выглядевшей так, словно она была из хрусталя, тонкого, как стекло, и твердого, как камень. Лунный свет на воде затвердел. Джулиан уже был у нее за спиной, удерживая равновесие на сверкающей линии, а за ними на тропу запрыгивала Кристина.

Эмма услышала, как Кристина, приземлившись, ахнула. Они были Сумеречными охотниками и видели всякие чудеса, но в этой магии было нечто, свойственное только стране фэйри. Казалось, она существует лишь в промежутках обычного мира – между светом и тенью, между одной минутой и другой. Они были нефилимами и существовали в своем, отдельном пространстве. А это происходило *между*.

– Пойдемте же, – сказал Джулиан, и Эмма зашагала вперед. Тропинка была широкой. Она как будто гнулась и извивалась под ногами в такт движениям и ряби прилива. Это было всё равно что идти по подвесному мосту над глубоким ущельем.

Только при взгляде вниз Эмма видела не пустоту, а то, что пугало ее куда больше. Глубокая тьма океана, в которой, прежде, чем их вынесло на берег, дрейфовали мертвые тела ее родителей. Годами Эмма представляла себе, как они задыхались, умирая, под водой, а вокруг – километры открытого моря и ни одной живой души. Теперь она знала больше о том, как они умерли, знала, что, когда Малкольм Фейд отдал их тела морю, они были уже мертвы. Но со страхом было не договориться, правды ему было не рассказать: страх жил глубоко внутри, проникнув до мозга костей.

Эмма думала, что вода так далеко от берега, на глубине, будет непрозрачной. Но лунный свет заставлял море светиться словно изнутри: Эмма могла заглянуть в него, как в аквариум.

Она видела длинные ветви водорослей, плясавшие вместе с приливом. Порхали рыбы косяки, а вслед за ним скользили тени темнее и крупнее. Едва уловимые движения, что-то огромное и тяжелое – может, кит, а может, что-то больше... и хуже. Водяные демоны могли вырастать до размера футбольного поля. Она представила себе, как тропинка вдруг обломится под ногами, и все они упадут во тьму... Вокруг холодные и смертоносные просторы, полные слепых чудовищ с акульими зубами, и Ангел невесты чего еще, встающего из глубин...

– Не смотри вниз! – Джулиан догнал ее. Кристина была чуть позади и в восторге оглядывалась по сторонам. – Смотри прямо на горизонт. И иди туда.

Она подняла подбородок. Она чувствовала, что Джулиан рядом, ощущала тепло его кожи и волоски у нее на руках вставали дыбом.

– Я в порядке.

– Ничего подобного, – сухо сказал он. – Я знаю, каково тебе в океане.

Они уже далеко отошли от берега. Тот превратился в сверкающую линию, шоссе стало лентой движущихся огней, дома и рестораны мерцали вдоль береговой линии.

– Как выяснилось, мои родители умерли не в океане. – Она судорожно вдохнула. – Они не утонули.

– От того, что ты это знаешь, годы кошмарных снов никуда не денутся, – взглянул на нее Джулиан. Ветер сдувал волосы ему на лицо. Эмма вспомнила, каково это: запустить пальцы в его волосы. Объятия Джулиана привязывали ее не только к миру, но и к себе самой.

– Ненавижу так себя чувствовать, – призналась она, сама толком не зная, что имеет в виду. – Ненавижу бояться. Чувствую себя слабой.

– Эмма, все чего-то бояться. – Джулиан подошел чуть ближе. Она почувствовала, как их плечи соприкоснулись. – Мы боимся того, что ценим. Боимся терять людей, потому что любим их. Боимся смерти, потому что ценим жизнь. Не желай ничего не бояться. Это значило бы только, что ты ничего не чувствуешь.

– Джулс... – Эмма начала оборачиваться к нему, удивленная чувством, которым был полон его голос, но остановилась, услышав, как Кристина зашагала быстрее и громко, с узнаванием, окликнула:

– Марк!

## 8

### Приречные утесы

Эмма тут же увидела Марка. Тень на сияющей тропе перед ними, сполохи лунного света в светлых волосах. Судя по всему, он их пока не заметил.

Эмма бросилась бежать, Кристина и Джулиан бежали за ней. Тропа ныряла и гнулась, но Эмма часто бегала по пляжу, по мягкому песку. Теперь Марка было четко видно. Он остановился и с ошарашенным видом обернулся к ним.

Он был без доспехов, в одежде, похожей на ту, в которой явился в Институт, только в целой и чистой: лен и мягкая коричневая кожа, высокие сапоги на шнуровке и вещмешок за плечами. Приблизившись, Эмма увидела отражения звезд в его широко раскрытых глазах.

Марк уронил вещмешок под ноги и возмущенно уставился на своих преследователей.

– Вы что тут делаете?

– Ты серьезно? – Джулиан пинком отшвырнул вещмешок Марка в сторону и схватил брата за плечи. – Ты что тут делаешь?

Джулиан был выше Марка, и это всегда казалось Эмме немного странным. Ведь Марк много лет был выше. Выше и старше. Но теперь он не был ни старше, ни выше, и на фоне более сильного и высокого Джулиана стал похож на узкий меч, тускло сияющий во тьме. Марк выглядел так, словно в любой момент мог превратиться в лунный свет на воде, и исчезнуть.

Он посмотрел на Кристину.

– Ты получила мое послание.

Та кивнула; темные кудри, которые она собрала на затылке под усыпанную самоцветами заколку, вились, обрамляя ее лицо.

– Мы все его прочитали.

Марк закрыл глаза.

– Я не думал, что вы сможете последовать за мной по лунной дороге.

– Но смогли. – Джулиан стиснул плечи Марка еще крепче. – Ты не пойдешь в страну фэйри, тем более, в одиночку.

– Это ради Кьерана, – просто сказал Марк.

– Кьеран предал тебя, – ответил Джулиан.

– Джулс, они его убьют. Из-за меня. Кьеран убил Иарлафа из-за меня. – Он открыл глаза и посмотрел брату в лицо. – Я не должен был уходить, не сказав тебе. Это было нечестно. Но я знал, что ты попытаешься меня остановить, а времени у меня мало. Я никогда не прощу Кьерану того, что сделали с тобой и с Эммой, но и на смерть и пытки я его тоже не оставлю.

– Марк, Волшебный народ тебя не очень-то любит, – сказал Джулиан. – Их силой вынудили тебя вернуть, а они ненавидят отдавать то, что взяли. Если ты войдешь в страну фэйри, они оставят тебя там навсегда. Это будет непросто, и они причинят тебе вред. Я этого не допущу.

– В таком случае, брат, ты станешь моим тюремщиком? – Марк протянул ему руки ладонями вверх. – Скуешь мои руки холодным железом, а ноги – терниями?

Джулиана передернуло. Было слишком темно, чтобы различить черты Марка Блэкторна, его сине-зеленый глаз, и во мгле братья казались лишь Сумеречным охотником и фэйри – извечными врагами.

– Эмма, – произнес Джулиан, отпуская плечи Марка. В его голосе звучала отчаянная горечь. – Марк тебя любит. Убеди его *ты*.

Горечь Джулиана пронзила Эмму, словно терновые шипы, впивающиеся под кожу, и она вновь услышала полные страдания слова Марка: «Станешь моим тюремщиком?»

– Мы не собираемся мешать тебе. Мы пойдем с тобой.

Даже в свете луны стало видно, как Марк побледнел.

– Нет. Вы нефилимы, вас ни с кем не спутать. Вы в доспехах, ваши руны не скрыты. В Стране Под Холмами Сумеречных охотников тоже не любят.

– Похоже, любят только Кьерана, – сказал Джулиан. – Везет ему, что ты на его стороне, Марк. Ведь ты явно не на нашей.

На это Марк вспыхнул и отвернулся от брата, сердито сверкнув глазами.

– Ладно, стой... погоди, – воскликнула Эмма, шагая к ним. Мерцающая вода у нее под ногами прогнулась и задрожала. – Вы, оба...

– *Кто ступил на лунную дорогу?* – глубокий голос разнесся над водой.

К ним кто-то приближался. Рука Джулиана метнулась к кинжалу на поясе. Эмма выхватила клинок серафимов; Кристина уже держала свой нож-бабочку. Пальцы Марка потянулись туда, где когда-то, в ямке между ключиц, висела подаренная ему Кьераном эльфийская стрела. Теперь там ничего не было. Лицо Марка напряглось – прежде, чем расслабиться, узнавая.

– Это пука<sup>29</sup>, – тихо объяснил он. – Они по большей части безвредные.

Силуэт приблизился. Это оказался высокий фэйри в подпоясанных веревкой рваных штанах. В его длинных темных волосах поблескивали золотые пряди, мерцавшие на фоне темной кожи. Пука был босым.

Он заговорил, и голос его был подобен приливу на закате.

– Не ищите ли вы прохода во Врата Лира?

– Да, – сказал Марк.

Отливающие металлом золотые глаза, лишённые зрачков и радужки, скользнули по Марку, Кристине, Джулиану и Эмме.

– Только в одном из вас кровь фэйри, – произнес пука. – Остальные – люди... нет, нефилимы. – Его тонкие губы изогнулись в усмешке. – Это неожиданно. Кто из вас желает пройти сквозь врата в Земли Теней?

– Все мы, – сказала Эмма. – Четверо.

– Если Король или Королева вас обнаружат, они вас убьют, – проговорил пука. – Волшебный народ со времен Холодного мира не дружит с кровью ангелов.

– Я наполовину фэйри, – сказал Марк. – Моя мать была леди Нерисса из Благого Двора. Пука поднял брови.

– Всех нас опечалила ее смерть.

– А это мои братья и сестры, – продолжил Марк, не желая упускать шанс. – Они со мной, я буду им защитой.

Пука пожал плечами.

– До того, что постигнет вас в Землях, мне дела нет, – сказал он. – Меня интересует только дань, которую вы должны заплатить.

– Никаких платежей, – произнес Джулиан, крепче стиснув рукоять кинжала. – Никакой дани.

Пука улыбнулся.

– Подойди сюда и поговори со мной наедине, а потом уж решай, будешь ли платить. Я не стану тебя принуждать.

Джулиан помрачнел, но шагнул вперед. Эмма изо всех сил старалась услышать, что он говорит пуке, но их разделял шум ветра и волн. За спиной у Джулиана и пуки кружился и туманился воздух: Эмме показалось, что она различает в нем очертания чего-то изогнутого, на манер двери.

---

<sup>29</sup> Пука – персонаж низшей мифологии ирландцев, шотландцев, валлийцев и корнцев: фэйри, в большинстве рассказов с ног до головы заросший черной лохматой шерстью. Обладает способностью к оборотничеству; требует к себе уважения и может жестоко подшутить над человеком, однако традиционно считается, что он как правило доброжелательно настроен по отношению к людям.

Пока говорил пука, Джулиан стоял неподвижно, но Эмма увидела, как у него дернулась щека. Мгновение спустя он стянул с запястья отцовские часы и уронил их в ладонь фэйри.

– Один заплатил, – заявил пука. – Кто следующий?

– Я, – сказала Кристина и осторожно двинулась по тропинке. Джулиан вернулся к Марку и Эмме.

– Он тебе угрожал? – шепнула Эмма. – Джулс, если он тебе угрожал...

– Нет, – сказал Джулиан. – Если бы угрожал, я бы и близко не подпустил к нему Кристину.

Эмма повернулась посмотреть, как Кристина поднимает руку – и снимает с головы заколку с драгоценными камнями. Локоны чернее ночного неба каскадом рассыпались по ее спине и плечам. Она отдала пуке заколку и направилась обратно к ним. Выглядела она сбитой с толку.

– Марк Блэкторн пойдет последним, – произнес пука. – Пусть следующей ко мне подойдет златовласая девушка.

Шагая к пуке, Эмма чувствовала на себе взгляды остальных. Особенно пристально смотрел на нее Джулиан. Она вспомнила портрет, который он с нее нарисовал – тот, на котором она парит над океаном, а ее тело соткано из звезд.

Интересно, подумала Эмма, что он сделал с теми картинами. Выбросил или нет? Сжег без следа? От одной этой мысли ее сердце защемило. У Джулиана были такие чудесные работы – каждый мазок словно шепот, словно обещание.

Она подошла к фэйри, который стоял, лукаво усмехаясь, как и все его сородичи, когда что-то их забавляло. Вокруг простиралось море, черное и серебристое. Пука склонил голову, чтобы обратиться с ней. Поднялся ветер. Теперь они стояли в кольце облаков, и Эмма больше не видела остальных.

– Если ты собираешься мне угрожать, – произнесла она прежде, чем пука успел сказать хоть слово, – имей в виду, я до тебя доберусь. Не сейчас, так потом. И умирать ты будешь долго.

Пука рассмеялся. Зубы у него тоже были золотые, с оправленными в серебро верхушками.

– Эмма Карстерс, – проговорил он, – вижу, ты мало знаешь о пуках. Мы соблазняем, а не запугиваем. Когда я скажу тебе то, что скажу, ты сама пожелаешь отправиться в страну фэйри. Сама захочешь отдать мне то, чего я прошу.

– И чего же ты просишь?

– Это стило, – сказал он, указывая на стило у нее на поясе.

Все существо Эммы восстало. Сило подарил ей Джейс много лет назад, в Идрисе, после Темной войны. Это был символ всего, что отмечало ее жизнь после войны. Клэри подарила ей слова, и Эмма ценила их как сокровище. Джейс дал ей стило, и вместе с ним дал напуганной, убитой горем девочке цель. Стоило ей коснуться стила, как оно вновь нашептывало ей: «Отныне будущее принадлежит тебе. Сделай его таким, каким захочешь».

– Зачем фэйри стило? – спросила она. – Руны вы не рисуете, да и работают они только на Сумеречных охотниках.

– Сило мне не нужно, – сказал пука. – Но вот драгоценная кость демона, из которой сделана рукоять, может много на что согдиться.

Эмма покачала головой.

– Выбери что-нибудь другое.

Пука наклонился к ней. От него пахло солью и высохшими на солнце водорослями.

– Послушай, – сказал он, – если ты войдешь в страну фэйри, то вновь увидишь лицо того, кого любила, хоть он и умер.

– Что? – его слова пронзили Эмму, словно клинком. – Ты лжешь!

– Ты же знаешь, я не могу лгать.

Во рту у Эммы пересохло.



– Не говори остальным, что я тебе сказал, а то не сбудется, – велел пука. – И я тоже не могу сказать тебе, что это значит. Я всего лишь посланник – но послание правдиво. Если хочешь еще раз взглянуть на того, кого любила и утратила, если хочешь услышать его голос, ты должна пройти Вратами Лира.

Эмма отстегнула стило от пояса и с болью передала пуке. Она невидяще отвернулась от фэйри, чьи слова все еще звенели у нее в ушах. Эмма едва осознавала, что мимо нее пронесся Марк – последний в очереди на разговор с водяным фэйри: слишком сильно колотилось ее сердце.

*Того, кого любила и утратила.* Но Темная война унесла многих. Ее родителей – но о них она боялась и думать; тогда она вообще утратила бы способность соображать и двигаться дальше. Отец Блэкторнов, Эндрю. Ее прежняя наставница, Катерина. Быть может...

Шум ветра и волн утих. Марк, побледнев, молча стоял перед пукой: трое остальных все без исключения выглядели потрясенными, и Эмме нестерпимо хотелось узнать, что же сказал им фэйри. Что могло заставить Джулиана, Марка или Кристину сотрудничать?

Пука вытянул руку.

– Врата Лира отворяются, – объявил он. – Ступайте сейчас. Или скорее бегите обратно к берегу. Лунная дорога уже начала растворяться.

Раздался звук, похожий на хруст ломающегося льда, подтаявшего на весеннем солнце. Эмма посмотрела под ноги: по сияющей тропе бежали черные трещины, сквозь которые проступала вода.

Джулиан схватил ее за руку.

– Надо идти, – сказал он. За Марком, стоявшим перед ними на тропе, вода поднялась аркой. Ее края сверкали ярким серебром, а в проеме бурлила вода.

Пука, рассмеявшись, изящно соскочил с тропы и нырнул в волны. Эмма вдруг подумала, что понятия не имеет, что Марк ему отдал. Хотя какая теперь разница? Дорожка под ногами стремительно рассыпалась на куски, превращалась в осколки льда.

По другую руку от Эммы стояла Кристина. Они втроем рванулись вперед, перепрыгивая с одного надежного участка тропы на другой. Марк кричал и махал им руками, проход за его спиной затвердевал. Эмма видела по ту сторону зеленую траву, деревья и лунный свет. Она толкнула Кристину вперед; Марк ее поймал, и оба они исчезли во вратах.

Эмма сделала шаг вперед, но дорожка просела под ногами. Она полетела в черную воду. Казалось, это длилось не несколько секунд, а целую вечность. Но Джулиан ее поймал – и, в объятиях друг друга, они вместе провалились в арку.

Тени в мансарде стали длиннее. Артур сидел неподвижно, глядя сквозь затянутое рваной бумагой окно на лунный свет над морем. Он догадывался, где сейчас Джулиан и остальные: Артур знал о лунной дороге, и о других путях в стране фэйри. По ним гнали его с улюлюканьем пикси и гоблины, забегая перед своими хозяевами – прекрасными принцами и принцессами Волшебного народа. Однажды он упал в зимнем лесу, и разбил своим телом лед, затянувший пруд. Артур помнил, как смотрел на кровь, растекавшуюся по серебряной поверхности пруда.

– Как красиво, – промурлыкала леди фэйри, пока кровь Артура вмерзала в лед.

Иногда о своем разуме он думал так же: разбитое зеркало, отражающее ломаную, несовершенную картину. Он знал, что его безумие не похоже на человеческое. Оно то приходило, то уходило, порой едва касаясь его разума, и он начинал надеяться, что оно ушло навсегда. Но оно возвращалось и топтало его, как кавалькада всадников, которых никто кроме него не видел, оглушало хором голосов, которые слышал он один.

Лекарство помогало, но лекарства больше не было. Джулиан всегда приносил его, с раннего детства. Артур не знал точно, сколько ему сейчас лет. Наверное, немало. Порой Артур

задавался вопросом, любит ли он Джулиана, и вообще племянников. Порой он просыпался от снов, в которых с ними происходили всякие ужасы, и лицо его было мокрым от слез.

Но это могло быть и чувством вины. Артуру не хватило ни сил вырастить их, ни духу позволить Конклаву выбрать для них лучшего опекуна. Но кто бы оставил их вместе? Наверное, никто, а семью разлучать нельзя.

Внизу скрипнула дверь. Артур живо обернулся. Может, Джулиан все-таки обдумал как следует свой безумный план и вернулся. Лунная дорога полна опасностей, а море – предательства. Артур вырос на берегу моря, в Корнуолле, и прекрасно помнил морских чудовищ: «И в горькой он крови омоет нас, гордыней, как клыками, раздирая»<sup>30</sup>.

А может, чудовищ никогда и не было.

Она появилась на верхней ступеньке лестницы и спокойно поглядела на него. Ее волосы были собраны на затылке так туго, что кожа натянулась. Она склонила голову набок, внимательно разглядывая тесную грязную каморку и заклеенные бумагой окна. И в ее лице было что-то такое, что разожгло в Артуре искорку воспоминания.

Воспоминания, от которого на него нахлынул холодный ужас. Артур вцепился в подлокотники кресла, а в голове зазвучали обрывки старинного стихотворения: «Белей проказы лик ее, она – посмертья забытье...»<sup>31</sup>

– Артур Блэкторн, если я не ошибаюсь? – улыбаясь с притворной скромностью, спросила она. – Я Зара Диарборн. Полагаю, вы знали моего отца.

Эмма, все еще в объятиях Джулиана, жестко приземлилась на густую траву. На секунду он очутился на ней – локти на земле, бледное лицо почти светится под луной. Воздух вокруг был холодный, а тело Джулиана – горячим. Эмма почувствовала, как вздымается его грудь. Когда он резко выдохнул, его дыхание обожгло ей щеку.

В следующее мгновение позже Джулиан уже был на ногах и протягивал ей руку, чтобы помочь подняться. Но Эмма встала сама, обернулась и увидела, что они стоят на поляне, окруженной деревьями.

Луна светила ярко и Эмма разглядела истошно-зеленый цвет травы и усыпавшие деревья яркие фрукты: лиловые сливы, красные яблоки, другие плоды, названия которых Эмма не знала, похожие на розы и звезды. Марк и Кристина тоже были тут, под деревьями.

Марк закатал рукава рубашки и раскинул руки, словно купался в воздухе страны фэйри. Он запрокинул голову и приоткрыл рот. Эмма покраснела, как будто увидела что-то очень личное, вроде воссоединения любовников.

– Эмма, – выдохнула Кристина, – смотри.

И указала пальцем на небо.

Звезды тут были другие. Они изгибались и свивались в незнакомые Эмме узоры, а еще они были *разноцветные* – льдисто-синие, морозно-зеленые, мерцающее золото и слепящее серебро.

– Как красиво, – прошептала она, заметив, что на нее смотрит Джулиан.

Но тут заговорил Марк. Он больше не выглядел потерянным в ночи, но все еще казался немного не в себе, словно воздух страны фэйри был вином, и он выпил слишком много.

– Охота иногда скакала по небу страны фэйри, – сказал он. – В небе звезды похожи на раздробленные драгоценные камни – размолотые в порошок рубины, сапфиры и алмазы.

– Я знала про звезды в стране фэйри, – восторженно и тихо проговорила Кристина, – но никогда не думала, что увижу их собственными глазами.

---

<sup>30</sup> Из стихотворения Эдджернона Суинберна «Гимн Прозерпине».

<sup>31</sup> Из поэмы Сэмюэля Тэйлора Кольриджа «Сказание о старом мореходе».

– Может, нам передохнуть? – Джулиан нервно расхаживал по краю поляны, заглядывая между деревьев. Он был в своем репертуаре: только насущные вопросы. – Нужно набраться сил перед завтрашней дорогой.

Марк покачал головой.

– Нельзя. Мы должны передвигаться ночью. Я умею ориентироваться в Землях только по звездам.

– Тогда нам понадобятся руны энергии. – Эмма протянула Кристине руку. Не то чтобы она хотела зацепить Джулиана – руны, которые наносит парабатай, всегда мощнее, но она никак не могла забыть о том, как его тело придавило ее, когда они упали. Эмма все еще чувствовала, как все у нее внутри сжалось, когда его дыхание легко скользнуло по ее щеке. Джулиан ни в коем случае не должен сейчас оказаться близко от нее, иначе он все прочтает в ее глазах. Она подозревала, что смотрит на него так же, как Марк смотрел на небеса страны фэйри.

Прикосновение Кристины оказалось теплым и успокаивающим, а кончик стила быстро и искусно вывел на предплечье Эммы руну энергии. Закончив, она выпустила запястье подруги. Эмма подождала обычного приступа бодрящего жара, похожего на двойную порцию кофеина.

Но ничего не произошло.

– Не работает, – нахмурившись, сообщила она.

– Дай-ка гляну, – шагнула к ней Кристина. Она взглянула на кожу Эммы и широко распахнула глаза. – Смотри!

Метка, которая была чернильно-черной, когда Кристина наносила ее Эмме на предплечье, бледнела и серебрилась. Таяла, словно иней. За несколько секунд она слилась с кожей и исчезла.

– Что происходит? – удивилась Эмма, а Джулиан уже напустился на Марка.

– Руны! – рявкнул он. – Они работают в стране фэйри?

Марк был изумлен.

– Даже не задумывался, что могут не работать, – признался он. – Никто и никогда об этом не упоминал.

– Я много лет изучала страну фэйри, – сказала Кристина. – И ни разу нигде не читала о том, что руны в Землях не работают.

– Когда ты в последний раз пытался их тут использовать? – спросила Эмма Марка.

Тот покачал головой. Светлые волосы упали ему на глаза, и он отбросил их тонкими пальцами.

– Не помню, – сказал он. – У меня не было стила, они его сломали, но колдовской огонь всегда работал...

Марк полез в карман и достал круглый отполированный рунный камень. Затаив дыхание, они смотрели, как он его поднял, и ждали, что в руке Марка ярко засияет свет.

Ничего не произошло.

Тихо выругавшись, Джулиан выхватил один из своих клинков серафимов. Адамант тускло поблескивал в лунном свете. Джулиан повернул клинок плашмя, так, чтобы в нем отразилось сияние звезд.

– *Михаил!* – произнес он.

В толще клинка что-то сверкнуло – краткий, тусклый отблеск – и тут же погасло. Джулиан уставился на свое оружие. Клинок серафимов, который нельзя было вызвать к жизни, был не полезней пластикового ножа: тупой, тяжелый и короткий.

Яростно размахнувшись, Джулиан отшвырнул клинок, и тот покатился по траве. Джулиан поднял глаза. Эмма чувствовала, что он сдерживается изо всех сил. Это давило на нее, мешая дышать.

– Итак, – заключил он. – Нам предстоит пробираться через страну фэйри, где Сумеречным охотникам не рады, ориентируясь исключительно по звездам. А еще мы не можем пользоваться рунами, клинками серафимов и колдовскими огнями. Я не ошибся?

– Я бы сказал, ты совершенно точно обрисовал ситуацию, – заметил Марк.

– А еще мы направляемся в обитель Неблагого Двора, – прибавила Эмма. – Который похож на любимые ужастики Дрю, только не такой забавный.

– Тогда будем передвигаться по ночам, – сказала Кристина и указала вдаль. – Вон там приметы, которые я видела на картах. Видите там, вдалеке, скалы на фоне неба? Думаю, это Терновые горы. Неблагие Земли лежат в их тени; так что это не так далеко.

Эмма заметила, как Марк расслабился при звуках ее спокойного голоса. На Джулиана, впрочем, это не слишком-то действовало. Он по-прежнему стоял, стиснув зубы и сжав кулаки.

Не то чтобы Джулиан никогда не злился, просто он не позволял себе этого показывать. Люди считали его тихим и спокойным, но это впечатление было обманчиво. Эмма вспомнила, что как-то читала: на склонах вулканов трава всегда гуще и зеленей, а пейзажи самые безмятежные – потому что пульсирующее под ними пламя никогда не дает земле промерзнуть.

Но стоит вулкану проснуться, и лава расплещется на многие километры.

– Джулс! – позвала она. Джулиан бросил на нее взгляд, полный тлеющей ярости. – Может, у нас и нет колдовских огней или рун, но мы все еще Сумеречные охотники. Со всем, что из этого следует. Мы сможем справиться. *Сможем.*

Ей самой эта тирада показалась неловкой, но пламя в глазах Джулиана потухло.

– Ты права, – произнес он. – Прости.

– И меня простите за то, что я вас сюда затащил, – сказал Марк. – Если бы я знал про руны... Но это, должно быть, недавно появилось. Совсем недавно...

– Ты нас сюда не тащил, – возразила Кристина. – Мы сами пошли за тобой. И перешли на ту сторону не только за тобой, но и из-за того, что каждому из нас сказал пука. Разве не так?

*Кого ты любила и утратила.*

– В моем случае – так, – сказала Эмма, глядя на небо. – А вообще, пора бы нам выдвигаться. До утра осталось всего несколько часов. И если рун энергии у нас нет, придется восполнять энергию старым добрым способом.

Марк явно не понял.

– Наркотиками?

– Шоколадом, – сказала Эмма. – Я взяла с собой *шоколад*. Марк, откуда у тебя такое вообще в голове берется?

Марк криво улыбнулся и пожал плечами.

– Юмор фэйри?

– А я-то думал, фэйри в основном высмеивают других людей да разыгрывают простецов, – сказал Джулиан.

– Иногда они еще рассказывают длинные истории – в рифму, которые им кажутся очень смешными, – сказал Марк. – Но, должен признать, я так и не понял, почему.

Джулиан вздохнул.

– Хуже этого я еще ничего про Неблагой Двор не слышал.

Марк с благодарностью взглянул на брата, словно говоря, что понимает – Джулиан справился с собой и ради него тоже. Ради них всех, чтобы с ними было все в порядке. Чтобы они могли продолжить путь и найти Кьерана – с Джулианом во главе, как обычно.

– Пойдемте, – отвернувшись, сказал Марк. – Нам туда. Пора выдвигаться. Возможно, до рассвета осталось не так уж много времени.

Марк направился в сумрак между деревьями. За ветви цеплялся туман, его пряди были похожи на серебристо-белые канаты. Над головами на ветру тихонько шелестели листья. Джулиан обогнал их и пошел рядом с братом; Эмма услышала, как он спрашивает:

– А каламбуры? Пообещай, что там хотя бы не будет каламбуров.

– Парни так странно выражают друг другу свою любовь, – заметила Кристина, когда они с Эммой пригнулись, чтобы не удариться о ветку. – Почему они не могут просто взять и сказать друг другу о своих чувствах? Это что, так трудно?

Эмма усмехнулась.

– Кристина, я тебя люблю, – сказала она. – И я рада, что тебе довелось побывать в стране фэйри, пусть даже и при странных обстоятельствах. Может, найдешь себе красавца-фэйри и забудешь Небезупречного Диего.

Кристина улыбнулась.

– Я тоже тебя люблю, Эмма, – произнесла она. – И, может, и найду.

Список претензий Кита к Сумеречным охотникам удлинился настолько, что он начал его записывать.

*Тупые крутые чуваки, – записал он, – не разрешают сходить домой за имотками.*

*Ничего мне не говорят о том, что значит по правде стать Сумеречным охотником. Мне что, надо будет куда-то ехать и тренироваться?*

*Ничего не говорят о том, сколько еще я могу здесь жить, только «сколько хочешь». Мне что, даже в школу не надо ходить? Хоть в какую-нибудь.*

*Не хотят ничего объяснять про Холодный мир, и почему он лаж.*

*Не разрешают есть печенки.*

Кит немного подумал – и вычеркнул этот пункт. Печенки есть ему разрешали; Кит просто подозревал, что его за это осуждают.

*Кажется, они не понимают, что такое аутизм, или психические заболевания, или психотерапия, или медикаментозное лечение. А в химиотерапию они верят? А если я раком заболею? Скорее всего, не заболею. Но если бы заболел...*

*Они мне не рассказывают, как Тесса с Джемом нашли моего папу. Или за что мой папа так ненавидел Сумеречных охотников.*

Это было написать труднее всего. Кит всегда думал об отце как о мелком жулике, обаятельном прохвосте вроде Хана Соло, прокладывающего по галактике свой извилистый путь. Но обаятельных прохвостов не рвали на клочки демоны, стоило только отказать хитрым защитным заклинаниям. И хотя Кит до сих пор не понимал точно, что именно произошло на Сумеречном базаре, одно он для себя уяснил: папа вовсе *не был* похож на Хана Соло.

Порой, темной ночью, Кит гадал: на кого же похож он сам.

Кстати говоря, о темных ночах: к списку скорбей Кита прибавилась еще одна.

*Они заставляют меня рано вставать.*

Диана, официально считавшаяся наставницей, но, судя по всему, выступавшая в качестве опекуни и директора школы разом, разбудила Кита спозаранку и потащила его, вместе с Таем и Ливви, в угловой кабинет с потрясающим видом из окна – и тяжелым стеклянным столом. Вид у нее был такой, какой обычно бывает у взрослых, когда они злы вовсе не на тебя – но именно на тебе собираются эту злость выместить.

Кит оказался прав. Диана бесилась из-за Джулиана, Эммы, Марка и Кристины, которые, по словам Артура, под покровом ночи канули в страну фэйри, чтобы спасти какого-то Кьерана, с которым Кит отродясь не встречался. Дальнейшее обсуждение показало, что Кьеран был сыном Короля Неблагого Двора и бывшим парнем Марка – оба этих факта показались Киту небезынтересными, и он мысленно отложил их под гриф «обдумать потом».

– Это скверно, – закончила Диана. – Нефилимам категорически запрещены посещать страну фэйри. Это возможно только по особому разрешению.

– Но они же вернутся? – напряженно уточнил Тай. – *Марк* вернется?

– Ну конечно, они вернутся, – заверила Ливви. – Это же просто миссия. Спасательная миссия, – прибавила она, повернувшись к Диане. – Разве Конклав не поймет, что они не могли не пойти?

– Если спасают фэйри, то нет, – покачала головой Диана. – По Соглашениям они не подлежат нашей защите. Центурионы ни в коем случае не должны об этом узнать. Конклав будет в ярости.

– Я никому не скажу, – пообещал Тай.

– И я, – согласилась Ливви. – Это само собой.

Оба посмотрели на Кита.

– Даже не знаю, что я тут делаю, – сказал он.

– Разумно, – сказала Ливви и обернулась к Диане: – *Что* он тут делает?

– Ты, кажется, можешь узнать что угодно, – сказала Киту Диана. – Я решила, что лучше держать под контролем, что ты знаешь, а что нет. Поэтому возьму с тебя слово.

– Что я не настучу? Конечно, не настучу. Центурионы мне даже не нравятся. Они... – *такие, какими я всегда представлял себе Сумеречных охотников. Вы не такие. Вы все... разные.* – Придурки, – закончил он.

– *Поверить* не могу, – произнесла Ливви, – что они с Джулианом нашли себе клевое приключение, а нас бросили тут подавать Центурионам полотенца.

Диана явно этого не ожидала.

– Я думала, вы расстроитесь, – сказала она. – Будете за них беспокоиться.

Ливви покачала головой, встряхнув длинными, светлее, чем у Тая, волосами.

– Беспокоиться, что они смылись приключаться в страну фэйри, пока мы тут торчим? Когда они вернутся, я Джулиану всё выскажу.

– Что выскажешь? – Тай на мгновение растерялся, но затем его лицо прояснилось. – А, – сказал он. – Ты будешь его ругать.

– Я собираюсь использовать все неприличные слова, какие знаю, и еще в словаре новые посмотрю, – пообещала Ливви.

Диана кусала губы.

– Вы правда в порядке?

Тай кивнул.

– Кристина подробно изучала страну фэйри, Марк был в Охоте, а Джулиан с Эммой умные и храбрые, – объяснил он. – Я уверен, с ними все будет нормально.

Диана, казалось, была потрясена. Кит вынужден был признать, что тоже удивлен. Блэкторны казались ему семьей с такими тесными отношениями, что даже слово «слипнуться» тут не совсем подходило. Но когда они сообщили Дрю и Тавви, что остальные уехали привезти что-то из Академии Сумеречных охотников, Ливви не утратила смешливого раздражения – и была крайне убедительна, поскольку не забыла упомянуть, что Кристина присоединилась к ним потому, что посещение Академии теперь обязательно включалось в год путешествий. То же самое они повторили сердитому Диго и Центурионам, включая его невесту – которую Кит про себя прозвал Мразотной Зарой.

– В общем и целом, – сладко закончила Ливви, – не исключено, что некоторым из вас придется самим стирать себе полотенца. Теперь, если вы нас извините, мы с Таем пойдем покажем Киту периметр.

– Периметр? – изогнула бровь Зара.

– Защитные чары, которые вы только что поставили, – объяснила Ливви и промаршировала наружу. Она не стала тащить Кита и Тая за собой, но некая часть ее сильной личности именно это и сделала. Когда двери Института захлопнулись у них за спиной, она уже бежала вниз по парадной лестнице.

– Видели, что за физиономии были у Центурионов? – спросила она, когда они заворачивали за угол громадного здания Института. На Ливви были ботинки и джинсовые шорты, выставившие на обозрение длинные загорелые ноги. Кит изо всех сил старался не пялиться.

– Не думаю, что им понравились твои слова насчет «самим стирать полотенца», – ответил Тай.

– Может, надо было нарисовать им карту, как найти стиральный порошок, – сказала Ливви. – Ну знаешь, раз уж им так нравятся карты.

Кит расхохотался. Ливви покосилась на него.

– В чем дело?

Они уже прошли парковку за Институтом и добрались до низкой полоски полыни, за которой начинался сад статуй. Гипсовые греческие драматурги и историки застыли в самых разных позах, сжимая в руках лавровые венки. Сад выглядел тут удивительно неуместно... С другой стороны, Лос-Анджелес был городом, состоявшим исключительно из неуместных вещей.

– Смешно вышло, – сказал Кит, – вот и всё.

Ливви улыбнулась. Голубая футболка подчеркивала цвет ее глаз, а солнечный свет выделял рыжие и медные пряди в ее темно-каштановых волосах, и заставлял их сиять. Сперва Киту было немного не по себе от того, до чего все Блэкторны друг на друга похожи – кроме, разумеется, Тая, – но, вынужден был признать он, если уж вам выпало унаследовать какую-то черту, то сияющие сине-зеленые глаза и волнистые темные волосы – это не так уж плохо. Сам он получил от отца разве что угрюмый характер и склонность к кражам со взломом.

А что до матери...

– Тай! – позвала Ливви. – Тай, слезай оттуда!

Они уже достаточно далеко отошли от дома и теперь шагали по настоящей пустыне, заросшей колючим кустарником. Кит только несколько раз был в горах Санта-Моника со школьными экскурсиями. Он вспомнил, как наслаждался здешним воздухом: запахами соли и полыни, мягким неподвижным жаром пустыни. В зарослях кактусов то тут, то там мелькали шустрые зеленые ящери, похожие на листочки, и исчезали так же стремительно, как появлялись. Повсюду лежали огромные валуны – следы какого-то ледника, прокатившегося здесь миллион лет назад.

– Слезу, когда закончу. – Тай увлеченно карабкался на один из самых крупных валунов, ловко находя, за что зацепиться. Он подтянулся, уверенно влез на вершину и раскинул руки, чтобы удержать равновесие. Его волосы развевались, словно темные крылья, а сам он выглядел так, будто готовится пуститься в полет.

– С ним все будет в порядке? – спросил Кит, следя за Таем.

– Он отлично лазает, – сказала Ливви. – Когда мы были помладше, я очень пугалась. Он вообще не задумывался, опасно ли то, что он делает, или нет. Я думала, он свалится с камней в Лео Карилльо<sup>32</sup> и разобьет голову. Но Джулиан везде ходил с ним, а Диана показала ему, как правильно лазать, и он научился.

Она подняла глаза на брата и улыбнулась. Тай привстал на носках и глядел вниз, на океан. Киту почти показалось, как он стоит где-то на пустынной равнине в черном плаще, развеваемом за плечами, словно герой фэнтези.

Кит набрал побольше воздуха в грудь.

– Ты не до конца верила в то, что говорила Диане, – сказал он Ливви. Та обернулась, как ужаленная, и уставилась на него. – О том, что не беспокоиться за Джулиана и остальных.

– Почему ты так думаешь? – осторожно спросила она.

– Я за вами следил, – признался он. – За всеми.

---

<sup>32</sup> Пляж в Лос-Анджелесе.

– Я знаю, – она весело посмотрела на него своими яркими глазами. – Как будто ты делал в уме заметки.

– Привычка. Папа учил меня, что все люди делятся на два типа. Тех, кого можно обмануть, и тех, кого нельзя. Так что нужно наблюдать за людьми. Стараться понять, как они устроены. Как они работают.

– И как же мы работаем?

– Как очень сложный механизм, – объяснил Кит. – Вы все переплетены. Один чуть-чуть пошевелится, и это уже тянет за собой остальных. А если ты двинешься в другую сторону – от этого тоже зависит, что они будут делать. Вы связаны друг с другом теснее, чем любая семья из тех, что я видел. И даже не пытайся уверять меня, что не волнуешься за Джулиана и остальных. Я знаю, что волнуешься. Я знаю, что вы думаете про Волшебный народ.

– Что они злые? Поверь, все намного сложнее.

Взгляд синих глаз Ливви метнулся к ее брату. Теперь Тай лежал на камне на спине, и его почти не было видно.

– Так зачем же мне было врать Диане?

– Джулиан врет, чтобы всех вас защитить, – сказал Кит. – Если его рядом нет, то ты будешь врать, чтобы защитить младших. Не о чем беспокоиться, Джулиан с Марком поехали к Неблагому Двору, надеюсь, пришлют оттуда открытку. Вот бы и нам сейчас оказаться там же.

Ливви разрывалась между раздражением и облегчением – она злилась, что Кит угадал правду, но теперь хоть перед кем-то можно не притворяться, и ей стало легче.

– Думаешь, Диана мне поверила? – наконец спросила она.

– Думаю, она поверила, что ты не волнуешься, – сказал Кит. – Она-то все равно волнуется. Скорее всего, она сейчас делает все, что может, чтобы выяснить, как их отыскать.

– Мы тут не очень много можем, если ты не заметил, – сказала Ливви. – По стандартам Институтов мы странные.

– Ну, сравнивать мне особо не с чем. Так что поверю тебе на слово.

– Кстати, ты так и не сказал, можно нас обмануть или нет? – Ливви заправила локон за ухо.

– Нет, – сказал Кит. – Но не потому, что вы Сумеречные охотники. А потому, что вы искренне заботитесь друг о друге больше, чем о себе. И сложно заставить вас действовать эгоистично.

Она отошла на несколько шагов и, протянув руку, коснулась маленького алого цветка, венчавшего серебристо-зеленый куст. Когда Ливви вновь обернулась к Киту, ее волосы развевались, а глаза неестественно блеснули. На мгновение он испугался, что она вот-вот расплачется или накричит на него.

– Поцелуй меня, – сказала она.

Кит понятия не имел, к чему вел весь предыдущий разговор, но явно не в эту сторону. Он едва не закашлялся.

– Чего?!

– Ты меня слышал. – Она вновь подошла к нему, медленно и выверяя каждый шаг. Кит постарался не пялиться на ее ноги. – Я попросила тебя меня поцеловать.

– Зачем?

Ливви улыбнулась. За ее спиной Тай все еще балансировал на валуне, глаза на море.

– Ты что, никогда раньше не целовался? – спросила она.

– Никогда. И понятия не имею, какое это имеет отношение к делу – то есть к тому, что ты хочешь, чтобы я поцеловал тебя здесь и сейчас.

– А ты уверен, что ты Эрондейл? Я вот не сомневаюсь, что любой Эрондейл так бы и ухватился за такую возможность. – Ливви скрестила руки на груди. – Или есть причина, по которой ты не хочешь со мной целоваться?



– Во-первых, у тебя жуткий старший брат, – сказал Кит.

– Нет у меня жуткого старшего брата.

– Точно, – согласился Кит. – У тебя их *два*.

– Ну и пожалуйста, – сказала Ливви и отвернулась. – Ну и пожалуйста, если не хочешь...

Кит поймал ее за плечо и почувствовал жар ее кожи сквозь тонкую ткань футболки.

– Хочу.

К его собственному удивлению, Кит не кривил душой. Знакомый мир ускользал от него. Он чувствовал себя так, словно падает куда-то, в темную неведомую бездну, в рваную череду нежеланных выборов. И вдруг красивая девушка предлагает ему что-то, во что можно вцепиться. Способ забыть. Что-то, что сможет его удержать – пусть даже на миг.

Ливви обернулась к нему. Ее волосы скользнули по его руке, на шее у нее билась жилка.

– Ладно, – сказала она.

– Но только объясни, почему я? Почему ты хочешь поцеловаться со *мной*?

– Я ни с кем еще не целовалась, – тихо ответила она. – Я даже почти ни с кем не *знакомлюсь*. Мы всю жизнь одни против всего мира. Я не жалуюсь, я для семьи все сделаю, но у меня такое чувство, будто все шансы проходят мимо меня. Ты мой ровесник, и ты Сумеречный охотник, и ты меня не бесишь. Выбор у меня невелик.

– Могла бы поцеловать Центуриона, – предложил Кит.

Теперь Ливви совсем обернулась. Рука Кита все еще лежала у нее на плече, а на ее лице застыло возмущение.

– Ладно, это было слишком! – признал он. Желание поцеловать ее стало невыносимым, так что он оставил попытки запретить себе это, обнял ее за плечи и притянул ближе. Глаза Ливви распахнулись, она запрокинула голову, и их губы соприкоснулись с неожиданной нежностью.

И это было мягко, и сладко, и тепло, и она вплыла в его объятия, положив руки ему на плечи, сперва нерешительно, а затем увереннее. Ливви вцепилась в него, притягивая к себе, прикрыв глаза. Вдали океан блестел синевой, и земля ушла у Кита из-под ног, и весь мир исчез – всё, кроме утешительного знания, что его кто-то обнимает. Кто-то, кому он не безразличен.

– Ливви. Тай! Кит!

Это была Диана. Кит стяхнул оцепенение и выпустил Ливви. Она отшатнулась с изумленным видом, вскинув руку к губам.

– Вы все! – звала Диана. – Немедленно возвращайтесь! Мне нужна ваша помощь!

– Ну и как? – спросил Кит. – Сойдет для первого поцелуя?

– Неплохо. – Ливви опустила руку. – А ты и правда старался. Я такого не ожидала.

– Эрондейлы не опускаются до небрежных поцелуев, – заявил Кит. Вдали что-то мелькнуло: это Тай спустился с валуна и шагал к ним по заросшей кустарником пустыне.

Ливви мягко рассмеялась.

– Кажется, я впервые слышу, чтобы ты назвал себя Эрондейлом.

К ним подошел Тай, его бледное лицо было непроницаемо. Кит не мог понять, видел он, как они с Ливви целуются, или нет. Хотя, если и видел, какая ему разница?

– Кажется, сегодня ночью будет ясно, – сказал он. – Облаков пока что не видно.

Ливви, уже отходя, чтобы, как обычно, идти рядом с Таем, сказала что-то насчет погоды, подходящей для слежки за подозрительными Центурионами. Кит двинулся следом, сунув руки в карманы джинсов, но все равно чувствуя тяжесть перстня Эрондейлов на пальце, словно надел его впервые.

*Страна Под Холмами. Равнина Наслаждений. Земля Под Волнами. Земли Вечной Юности.*

Время шло, и Эмма уже вспомнила все названия страны фэйри, какие только слышала. Говорили они все тише и, наконец, утомившись, умолкли. Кристина молча шагала рядом с Эммой, ее медальон сверкал в лунном свете. Марк шел впереди, время от времени сверяясь по звездам, куда идти. Терновые горы стали ближе и четче; поразительные и незабываемые, они вздымались на фоне темно-сапфировых небес.

Впрочем, горы было видно не всегда. Тропка, по которой они шли, вилась между деревьями, под низко свисающими и переплетенными ветвями. То тут, то там Эмма замечала, как среди теней сверкают чьи-то блестящие глаза. Когда деревья шелестели, она поднимала взгляд и успевала увидеть, как над ними мелькают тени, и смех тянулся за ними, словно туман.

– Это места диких фей, – объяснил Марк, пока тропа огибала холм. – Знатные феи живут при Дворах или иногда в городах. Они предпочитают жить в комфорте, какое бы странное представление о нем они ни имели.

То тут, то там виднелись руины: рассыпающиеся, поросшие мхом каменные стены, деревянные заборы, построенные без единого гвоздя. В час перед рассветом они прошли мимо нескольких деревень; все были безлюдны и темны, пустые окна в домах выбиты. И чем дальше они углублялись в страну фэйри, тем чаще замечали кое-что еще. Когда они наткнулись на это впервые, Эмма замерла как вкопанная и вскрикнула – трава, по которой они ступали, вдруг растворилась у нее под ногами, фыркнув у лодыжек серо-белым порошком, точно пеплом.

Эмма в изумлении огляделась. Остальные тоже смотрели во все глаза. Они стояли на краю неровного круга мертвой земли. Это напомнило Эмме фотографии волшебных кругов на полях. Все внутри круга – трава, деревья, листья и растения – было тусклого, беловато-серого цвета. По серой траве были разбросаны косточки мелких животных.

– Что это? – возмутилась Эмма. – Какая-то темная магия?

Марк покачал головой.

– Никогда прежде не видел ничего подобного. Оно мне не нравится. Скорее идемте отсюда.

Никто не стал спорить, но, проходя через города-призраки и минуя холмы, они увидели еще несколько уродливых мертвых участков. С приближением рассвета небо начало светлеть. Когда они наконец сошли с дороги и очутились среди деревьев и покатых холмов, все четверо уже почти валились с ног от усталости.

– Можем передохнуть здесь, – сказал Марк, указывая на холм, вершина которого была скрыта каменными каирнами<sup>33</sup>. – Хоть какое-то укрытие.

Эмма нахмурилась.

– Слышу воду, – заметила она. – Там что, ручей?

– Ты же знаешь, нам нельзя пить здешнюю воду, – сказал Джулиан, но Эмма уже спускалась по склону холма на звук ручья, бурлившего между камней и корней деревьев.

– Да знаю, но можно в ней хотя бы вымы... – она осеклась. Там и правда оказался ручей. Он бежал между двух невысоких холмов, но текла в нем не вода. Поток был густым и алым. Он лениво, медленно и тягуче, катил красные волны меж черных древесных стволов.

– В ручьях этой страны течет вся кровь, пролитая на земле, – сказал Марк где-то у нее за спиной. – Ты сама мне это цитировала.

Джулиан вышел на берег кровавого потока и опустил на колени. Обмакнул в ручей пальцы, и, когда вынул их, они стали алыми.

– Сворачивается, – заметил он с гримасой, выражавшей отвращение и восхищение, и вытер руку о траву. – Это что, правда человеческая кровь?

---

<sup>33</sup> Пирамидка из камней. В кельтской традиции – один из видов памятника или надгробия.

– Так говорят, – ответил Марк. – Не все реки в стране фэйри похожи на эту, но они утверждают, что здесь в лесу в родниках, ключах и ручьях течет кровь тех, кого убили в мире людей.

– Кто это – *они*? – поднимаясь с колен, спросил Джулиан. – Кто так говорит?

– Кьеран, – просто ответил Марк.

– Я тоже слышала, – сказала Кристина. – У этой легенды есть разные версии, но я их слышала много, и большая часть утверждает, что это человеческая кровь.

Она попятилась, разбежалась и перемахнула на другую сторону кровавого ручья. Остальные последовали ее примеру и поднялись по склону холма на плоскую, поросшую травой вершину, откуда было видно далеко вокруг. Осыпавшиеся каменные каирны, догадалась Эмма, были когда-то чем-то вроде сторожевых башен.

Они расстелили на траве одеяла и накрылись куртками. Марк свернулся клубком и тут же заснул. Кристина улеглась, закутавшись в темно-синюю куртку; ее длинные волосы падали на руку, которую она подложила под голову.

Эмма нашла местечко в траве и свернула куртку, превратив ее в некое подобие подушки. Завернуться ей было не во что, и она вздрогнула, коснувшись холодной земли, пока аккуратно пристраивала Кортану рядом на камне.

– Эмма, – сказал Джулиан, перекатившись к ней поближе. Он лежал так тихо, что Эмма решила сначала, что он уснул. Она даже не поняла, как вышло, что они лежат так близко. В лучах рассвета его глаза сияли, как морское стекло. – У меня есть запасное одеяло. Возьми.

Одеяло было серым и мягким – тонкое покрывало, которое обычно лежало в изножье его кровати. Эмма усилием воли отогнала воспоминания о том, как проснулась, запутавшись в нем ногами, зевая и потягиваясь в залитой солнцем комнате Джулиана.

– Спасибо, – шепнула она, скользнув под одеяло. Трава становилась влажной от росы. Джулиан, положив голову на согнутую руку, по-прежнему не отрывал от Эммы взгляда.

– Джулс, – прошептала Эмма, – тут не работают ни колдовские огни, ни клинки серафимов, ни руны. Что это значит?

– Когда я заглянул в окно постоянного двора, – устало ответил он, – в одном из городков, которые мы проходили, я видел ангельскую руну. Кто-то нарисовал ее на стене. Она была вся в крови, исцарапана и осквернена. Понятия не имею, что тут творилось после Холодного мира, но знаю точно – они нас ненавидят.

– Думаешь, медальон Кристины все равно сработает? – спросила Эмма.

– Я думаю, тут заблокирована только магия Сумеречных охотников, – сказал Джулиан. – Медальон Кристины – подарок фэйри. С ним все должно быть нормально.

Эмма кивнула.

– Спокойной ночи, Джулс, – прошептала она.

Он слабо улыбнулся.

– Эмма, сейчас утро.

Она промолчала. Просто закрыла глаза; но не полностью, и все еще смотрела на Джулиана. Они не спали рядом с того страшного дня, когда Джем рассказал ей о парабатах и проклятии, и она даже не представляла себе, как ей этого не хватало. Она была вымотана до предела; по мере того, как расслаблялось ноющее тело, усталость как будто начала сочиться из самых костей и впитывалась в землю, на которой Эмма лежала. Эмма совсем забыла, каково это – позволить сознанию медленно ускользать, когда человек, которому она доверяет больше всего на свете, лежит с ней рядом. Даже здесь, в стране фэйри, где Сумеречных охотников ненавидели, она чувствовала себя в большей безопасности, чем в одиночестве в собственной спальне – потому что Джулиан был здесь, так близко, что, если бы Эмма протянула руку, она могла бы его коснуться.

Протянуть руку она, само собой, не могла. И коснуться его – тоже. Но они дышали рядом, делили на двоих одно дыхание. Сознание Эммы постепенно туманилось. Она разрешила себе не бодрствовать и погрузилась в сон; и образ Джулиана в лучах рассвета последовал за ней в грезы.

## 9

### В эти земли

Вскоре у Кита появился новый пункт в списке того, что ему не нравилось в Сумеречных охотниках. *Они будят меня посреди ночи.*

А точнее, разбудила его Ливви, буквально вытряхнув из кошмара, полного демонов-богомоллов. Кит уселся, судорожно хватая ртом воздух, с ножом в руке – это был один из кинжалов, который он взял в оружейной. Кинжал лежал на тумбочке возле кровати – и Кит не помнил, чтобы тянулся к нему.

– Неплохо, – сказала Ливви. Она возвышалась над его постелью – волосы убраны назад, доспехи едва различимы в темноте. – Быстрые рефлексy.

Нож был всего в сантиметре от ее груди, но она даже не пошевелилась. Кит со звоном уронил его обратно на тумбочку.

– Да ты издеваешься.

– Подъем, – объявила она. – Тай только что засек, как Зара тайком вышла через парадную дверь. Мы ее *отслеживаем*.

– Вы ее *что*? – Кит, зевая, выбрался из постели. Ливви сунула ему стопку темной одежды. Увидев его трусы-боксеры, она подняла брови, но от комментариев воздержалась.

– Надевай доспехи, – велела она. – Объясним по дороге.

Она вышла из комнаты, оставив Кита переодеваться. Тому всегда было интересно, каково это – носить доспехи Сумеречного охотника. Ботинки, штаны, футболка и куртка из прочного темного материала и тяжелый оружейный ремень выглядели не слишком удобными, но внешность, как оказалось, была обманчива. Доспехи оказались легкими и гибкими, несмотря на такую прочность, что, когда Кит взял с тумбочки кинжал и постарался прорезать рукав куртки, клинок даже не проткнул ткань. Ботинки, казалось, тут же приняли размер его ноги, как кольцо Эрондейлов, а оружейный ремень легко и плотно обхватил бедра.

– Я нормально выгляжу? – спросил он, выходя в коридор. Тай задумчиво смотрел на свой правый кулак, на тыльной стороне которого мерцала руна.

Ливви показала Киту два больших пальца.

– Но тебя бы точно не взяли в ежегодный Календарь Горячих Сумеречных охотников.

– *Не взяли*? – возмутился Кит по пути вниз по лестнице.

Глаза Ливви лукаво плясали.

– Из-за возраста, конечно же.

– Никакого Календаря Горячих Сумеречных охотников не существует, – заявил Тай. – А теперь заткнитесь оба. Нужно выйти из дома так, чтобы нас не заметили.

Они выбрались из Института через черный ход и двинулись вниз, по дороге к пляжу, стараясь не нарваться на ночной патруль. Ливви шепнула Киту, что у Тая в руке заколка, которую Зара оставила на столе: заколка работала маячком, притягивая его в ту сторону, где находилась Зара. Судя по всему, она спустилась на пляж и затем пошла по песку: Ливви указала на ее следы, которые смывал прилив.

– Это мог быть и простец, – заметил Кит, просто чтобы поспорить.

– Который шел точно по нужному маршруту? – уточнила Ливви. – Слушай, мы ведь даже *сбиваемся* с пути там же, где она.

Киту нечего было возразить, и он сосредоточился на том, чтобы не отставать от Тая. Тот почти летел по песчаным дюнам, валунам и неровным камням, которые тем плотнее устилали берег, чем дальше на север они продвигались. Он залез на высокую каменную стену и спрыгнул по ту сторону; Кит последовал за ним, но едва не споткнулся и не упал лицом в песок.

Он сумел устоять на ногах и с облегчением выдохнул. Кит и сам не знал, перед кем ему больше всего не хотелось опозориться: перед Таем или Ливви. Может быть, перед обоими?

– Вон там, – прошептал Тай, указывая на темный провал в отвесном утесе, отделявшем пляж от дороги. Дальше в океан уходили неровные груды камней, о которые, взметывая вверх серебристо-белые брызги, бились волны.

Песок сменился каменистым рифом. Они пробирались по нему с осторожностью – даже Тай, который наклонился рассмотреть что-то в лужице прибоя. Он выпрямился с улыбкой – и с морской звездой в руке.

– Тай, – сказала Ливви, – положи на место, если только не собираешься кинуть ею в Зару.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.